

ВВЕДЕНИЕ

В конце VII тысячелетия до н.э. древнее население Средней Азии вступает в заключительный этап каменного века – неолит. Эта эпоха расцвета техники, обработки традиционных материалов-камня, кости и дерева, широкого распространения и совершенствования таких прогрессивных приёмов обработки как шлифование, сверление, пиление. На рубеже мезолита и неолита широкое распространение получает обожженная глиняная посуда. В это время человек осваивает, и это хорошо подтверждается материалами из Средней Азии, практически все пригодные для заселения районы. Вместе с тем, для населения этой эпохи в целом характерна большая степень оседлости, чем в предшествующее мезолитическое время. С неолитической эпохой связано одно из важнейших достижений в истории человечества – становление и широкое распространение производящего хозяйства-земледелия и скотоводства. Возникнув в ранних формах на Ближнем Востоке ещё во второй половине мезолита, оно в неолите охватило широкие пространства в Евразии и Африке, вызвав существенные перемены во всех сферах социально-экономической деятельности материальной культуры, социальном устройстве, образе жизни, идеологических представлениях. Знания явлений природы, циклов жизни растений, их роста и созревания, попытки объяснить эти циклы обусловили новый этап и развитие мышления, что отразилось в различных областях культуры, археологически фиксируемых, прежде всего, в сфере прикладного искусства. Некоторые исследователи вслед за известным английским археологом Г. Чайлдом называют это событие в истории человечества «неолитической революцией». Вместе с тем, в неолите особенно ярко проявилась неравномерность развития обществ, живущих в

разных ландшафтно-климатических условиях. Если в предшествующие периоды можно было говорить о неравномерности развития в рамках единой для всех общин присваивающей экономики, то применительно к неолиту, эта неравномерность имеет уже принципиально иной характер. Наряду с обществами земледельцев и скотоводов, в неолите существовали общества, не перешедшие в силу тех или иных причин к производящему хозяйству, общества, экономика которых основывались целиком на традиционных направлениях хозяйственной деятельности-охоте, рыболовстве, собирательстве и некоторых других специфических отраслей.

Очень ярко такая неравномерность прослеживается в неолите Средней Азии. Рассматривая этот период обычно выделяют три основные области неолитического расселения: джейтунскую культуру в Юго-Западной Туркмении, гиссарскую культуру в Таджикистане и кельтеминарскую историко-культурную (или этнокультурную) общинность на пустынных равнинах Туркмении, Узбекистана и отчасти Казахстана. На территории Узбекистана в определенном культурном родстве с материалами предгорий и горных долин Таджикистана находятся неолитические памятники из районов Самарканда (сазаганская культура) и Ферганы (центрально-ферганская культура). В последние годы также были исследованы ряд неолитических памятников из района Устюрт.

(Методические пособия составлены согласно рабочей программе утвержденным Учебно-методическим Советом СамГУ (30 август 2013 г. №1)).

Тема №1

СРЕДНЯЯ АЗИЯ В НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ

План:

1. Палеогеография и освоение территории Средней Азии в неолитическую эпоху.
2. История изучения и основные археологические культуры неолитического времени на территории Средней Азии.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения различных источников раскрываются вопросы палеогеографии неолитического времени на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знание о палеогеографии и история изучение эпохи неолита Средней Азии.

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: Неолит (новый каменный век); палеогеография, средний голоцен (VII-III тысячелетие до н.э.); Джейтунская культура; Гиссарская культура; Кельтеминарская историко-культурная общность; Центрально-ферганская культура; Сазаганская культура; лявляканский плювиал; Караката, Бешбулак, Мингбулак.

1. Палеогеография и освоение территории Средней Азии в неолитическую эпоху

В процессе изучения палеоэкологических проблем истории мезолита и неолита было обращено особое внимание на то, что территория Средней Азии занимает обширные пространства центральной части Евразии и представляет собой крупный физико-географический регион, который простирается от вершин Тянь-Шаня и Памира на востоке, до плато и низменных равнин с бессточными преуглубленными котловинами на западе. На востоке и юге его территория располагается в пределах орогена, входящего в горную структуру Высокой Азии, на севере и западе уходит вглубь Туранской плиты. Она включает всю гамму вертикальной зональности от высокогорных ледников до пустынь включительно. Своеобразный спектр вертикальной зональности характеризует уникальные и неповторимые особенности формирования основных типов природных комплексов. Выделенные характеристики обусловили значительное геоморфологическое, физико-географическое, фашиально-генетическое многообразие в рельефе и природных комплексах. Они накладывают особый отпечаток на природную обстановку и приводят к глубоким различиям между отдельными геофациями.

Анализ археологических материалов, полученных в результате комплексных мультидисциплинарных исследований памятников каменного века, позволяет выявить их приуроченность к обособленным природным территориальным комплексам – геофациям. Соответственно, материальная культура эпох мезолита и неолита Центральной Азии, как показывают археологические данные, имеют свои специфические особенности, обусловленные, в определенной степени, разнообразием природной обстановки. На это, не сомненно оказывала влияние экологическая среда. На основании комплексных исследований А.В.Вино-

градов и Э.Д.Мамедов предположили, что в Центральной Азии в раннем и среднем голоцене (VII-III тысячелетие до н.э.) был относительно мягкий (плювиальный) климат (Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. 1975). Животный и растительный мир был близким к современному. Поэтому в конце мезолита - начале неолита первобытным человеком были почти полностью освоены пригодные для обживания территории Центральной Азии. Однако люди оказывались в разных природных, экологических и климатических условиях – горных, предгорных, равнинных. Эти особенности оказывали влияние на развитие материальной культуры, хозяйства и быта. В результате, возник ряд археологических культур, имевших свои специфические особенности. В процессе изучения истории неолита Центральной Азии, были выделены самостоятельные локальные археологические культуры, относящиеся к различным хронологическим этапам и расположенные в определенных природных геофациальных условиях. Так, памятники Джейтунской культуры занимают небольшую узкую полосу подгорной равнины Копетдага (Массон В.М. 1971.); Гиссарская – центральную и восточную части Памира (Ранов В.А. 1985, 1998, с.105-123); Кельтеминарская историко-культурная общность занимает низовья Амударьи на территории Кызылкумов и староречья Зарафшана (Виноградов А.В. 1981); Центрально-ферганская культура локализована в центральной части Ферганской депрессии (Исламов У.И., Тимофеев В.И. 1986); Сазаганская культура занимает район Среднего Зарафшана в его горном обрамлении (Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991); Устюртская культура - район плато Устюрт (Бижанов Е.Б. 1996, с.3-42) (рис. 1).

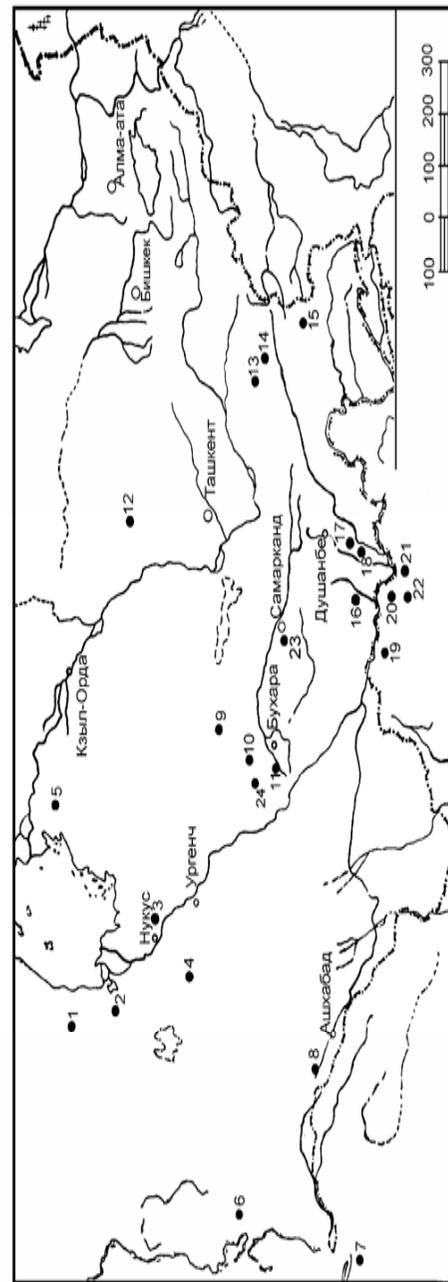

Рис.1. Карта расположения неолитических памятников Средней Азии. 1,2-Устюрт, 3-Калтаминар, 8-Джейтунская культура, 13,14-Центрально-Ферганская культура, 16,17,18-Гиссарская культура, 23-Сазаганская культура

Географические особенности Южного Таджикистана. Основная черта орографии Таджикистана – это чередование горных хребтов и долин разной величины и формы. Хребты принадлежат Тянь-Шяньской и Памиро-Алайской горным системам. Южный Таджикистан - основная зона распространения гиссарской культуры составляет северную часть так называемой Афгано-Таджикской депрессии, громадной впадины, заполненной многокилометровыми толщами морских и континентальных отложений. Район распространения гиссарской культуры характеризуется короткими, невысокими хребтами и кряжами. Они веерообразно расходятся в юго-западном направлении и, постепенно снижаясь, затухают на равнинах Пянджа-Амударьи. Между хребтами расположены глубокие долины: Гиссарская, Вахшская, Кулябская и Кафирниганская. Границы Таджикской депрессии: на западе – окончание Гиссарского хребта-горы Кугитанга, на севере – мощные сооружения Гиссарского и Каратепинского хребтов, на востоке-Дарвоз и меридиально расположены хребет Хозратиши. Геоморфологически здесь выделяются два пояса – равнинная приамударьинская зона, основная площадь которой занята песчано-галечными полупустынями (низовья рек Вахш, Кафирниган, Кызылсу), и район нижних частей горных хребтов – террасы, адыри и водоразделы, сложенные могучими покровами леса, доходящего до 200 метровой толщины. По своим климатическим условиям Южный Таджикистан относится к Переднеазиатской климатической области, поясу с жарким летом и умеренной зимой. Пыльцевая диаграмма, составленная М.М. Пахомовым для мезолитических слоев поселения Туткаул, показало, что в раннем голоцене более холодная и влажная фаза сменилась к началу VI тысячелетия до н.э. современным климатом. Животный мир этого района относится к Ирано-Туранской фаунистической провинции. Он довольно богат, так как состоит из обитателей средне-

горных ландшафтов редколесья-шибляко. Это медведи, кабаны, винторогие и сибирские козлы, бухарские олени, горные бараны, волки, зайцы, лисицы, суслики, черепахи. Птицы представлены фазанами, кекликами, уларами и многими другими видами. Разнообразны были и рыбные запасы. Таким образом, сочетание растительных и животных ресурсов вполне могло удовлетворить нужды неолитического населения.

В географических пределах Республики Узбекистан неолитические памятники располагаются в трех основных физико-географических районах: в древних дельтах Амударьи и Зарафшана, во внутренних бессточных районах Кызылкумов и Устюрта, в предгорьях и горных долинах (Самаркандская обл., Фергана). Все они, за отдельными исключениями, относятся сейчас к зоне пустынь и характеризуются крайне аридными условиями: малым количеством осадков, очень бедным растительным покровом, практически отсутствием пресных вод, поверхностных и высокой минерализацией грунтовых вод.

Между тем археологические исследования, проведенные за последние три десятилетия, показали, что в конце мезолита и в неолите, то есть с VIII-VII по III тысячелетие до н.э. происходило интенсивное заселение и освоение человеком этих ныне пустынных районов. На юго-западном Устюрте, во Внутренних Кызылкумах, на староречьях Зарафшана и Амударьи было найдено много сотен стоянок этого времени. Было установлено, что крупнейшие для аридной зоны скопления неолитических памятников не могут быть связаны с каким-либо современными источниками пресных вод. Налицо было резкое несоответствие нынешних ландшафтно-климатических условий характеру и степени освоения. Комплексными исследованиями в юго-западных Кызылкумах в районе соленых льяляканских озер были получены данные (кроме археологических, также геохимические, гидрологи-

ческие, геоморфологические, по древним почвам и др.), показывающие, что в этот период климат был несколько более влажным и прохладным. Впоследствии аналогичные материалы были получены в других районах Кызылкумов, на Устюрте, а также в предгорных и горных зонах других регионов Средней Азии. Этот период ландшафтно-климатической истории Средней Азии получил название Лявляканского плювиала (Виноградов, Мамедов, 1975)

Природные условия пустынных равнин Средней Азии, да не только равнин, но и предгорий, и горных долин заметно отличались от современных, экстрааридных. Специалисты полагают, что ландшафтно-климатические условия в пустынях Турана были сходны с условиями современной степной зоны со среднегодовым количеством осадков от 250 до 400-450 мм и средними июльскими температурами 21° - 23° . В этом случае в пустынных ныне равнинных зонах очевидно существовали поверхностные (открытые) водоемы типа мелководных озер, родники, высоко расположенные грунтовые воды, пресные или достаточно пресные для человека. Здесь были широко распространены почвы иного (чем современного) типа и соответственно, существовала богатая травянистая и кустарниковая растительность. Специальными исследованиями установлено, что и в предгорьях, и в горных долинах, природные условия которых в большинстве случаев сравнительно более мягкие, водообеспеченность была выше современной и соответственно, растительный покров и животный мир богаче (Мамедов, 1979; 1980; Степанов, 1975; 1980).

Палеогидрологические и археологические работы на староречьях Амударьи и Зарафшана показали, что в период лявляканского плювиала сток этих рек был значительно выше, чем в недавнем прошлом. (Мамедов, Трофимов, 1986). В период среднего и позднего неолита были обводнены и Акчадарьянская, и Присарыкамьшская древ-

ние дельты Амударьи, была заполнена Сарыкамьшская впадина и существовал сток по Узбою в Каспийское море. (Низовья Амударьи..., 1960). В низовьях Зарафшана были обводнены как южные (Махандарья, Гуджайли), так и северные его староречья (Эчкиликсай, Северная и Южная Аякагитминские дельты). Напротив в конце алювиальной эпохи, концу III-началу II тысячелетия до н.э. происходит резкое сокращение стока. Дренируется Акчадарьянская дельта, прекращается сток по Узбою, Кашкадарья отделяется от Зарафшана, а последний – от Амударьи.

В период лявляканского плювиала на значительной части современных пустынных равнин Средней Азии сформировалась обширная благоприятная для обитания человека, экологическая зона. В VIII-VII тысячелетиях до н.э. начинается интенсивное заселение и освоение этой территории человеком. Как уже указывалось выше, на территории Республики Узбекистан к настоящему времени известны следующие основные районы расселения неолитического человека: Юго-Восточный Устюрт, древняя Акчадарьянская дельта Амударьи, староречья Зарафшана в его нижнем течении (Махандарья, Гуджайли, Эчкиликсай, Аякагитминские дельты, Дарьясай, Чарбактинская долина – Бухарская область), Лявляканские озеро (Навоийская область) стоянки в районе селения Сазаган (Самаркандская область), Центральная Фергана (Ферганская область). Известны также и другие, менее значительные скопления неолитических памятников, в частности, в урочищах Караката, Бешбулак, Мингбулак во Внутренних Кызылкумах в низовьях Кашкадарьи и др.

Каратепинский массив (Средний Зарафшан) сложен в основном интрузивными породами гранитами и гранодиоритами. Для палеозойских отложений характерна система крупных, иногда опрокинутых на север складок, вытянутых в северо-западном направлении и близко к широтному на юге. Осадочные отложения силура пред-

ставлены известняками и сланцами, которые распространены по периферии поднятия. Каратепинский массив обособлен, имеет довольно четкие границы. Расположен между Аманкутаном и Асу на востоке и Джамской степью на западе, где он погружается под палеозойско-кайназойские образования. На севере и юге склоны круто обрываются к прилегающим равнинам, площадь составляет 1386, 80 км. Абсолютные высоты достигают от 2200 до 2800 метров.

Каратепинские горы также ассиметричны, имеют короткий северный макросклон и длинный южный. На северных и южных склонах Каратепа берет начало множество маловодных рек. На востоке северного макросклона они текут в северо-восточном направлении. К ним относятся Миранкульсай, Агалыксай, Иланлисай, Тепакулсай, Сазагансай и др, в западном окончании гор реки Джамсай и др. имеют северо – западное направление. Реки северного склона расходятся несколько веерообразно. Центр веера находится на юге массива.

В плане изучения древних культур необходимо отметить, что Каратепинский ландшафт, по сравнению с Чакылкаляном, более богат выходами подъемных вод, выклинивающихся в виде мелких родников. Они действуют круглогодично и обеспечивают питанием многие реки.

Зирабулакская возвышенность естественное северо-западное продолжение Зарафшанского массива. Оно характеризуется широким распространением меловых и неогеновых отложений в предгорьях. Данный район расположен между Джамской межгорной равниной на востоке и Карнабом на западе. На севере и юге ограничен крутыми уступами. Площадь 837,65 кв.км. Абсолютная высота колеблется от 1120 до 550 м. Невысокие горные гряды вытянуты с юго-востока на северо-запад. Рассечены несколькими крупными поперечными долинами и прорезаны более мелкими саями и ущельями.

Северные и северо-западные склоны этих гряд полого опускаются к широкой долине р. Заравшан, а на юге и юго-западе они круто поднимаются над Карнабчулем. Речная сеть отличается сложностью. Короткие поперечные долины Дараитут, Тым, Сыпки, прорезают известняковые гряды. Продольные долины часто вытянуты в широтном и субширотном направлении между грядами. К ним относится левый приток Тыма и правые притоки Сыпки, Девонсай, Каттасай.

Данный ландшафт отличается засушливым климатом, обусловленным низким гипсометрическим уровнем и близостью к пустынным пространствам низовий Заравшана.

Зиадинский низкогорный ландшафт занимает крайне западное положение в долине Заравшана. Он расположен между Карнабом на востоке и крутыми уступами Азкамар на западе, а на севере и юге он отделяется крутыми уступами, особенно рельефно выраженными на южных склонах. Площадь 907, 36 км² и абсолютные высоты составляют от 840 до 350 м.

Постоянная гидрографическая сеть отсутствует. Однако горы рассечены крутыми и мелкими саями. Наибольшая расчлененность зафиксирована в местах тектонических нарушений. Крупные и глубокие для данного района саяи Ярманчисай, Тутаксай имеют хорошо разработанные русла и соответствуют линиям тектонических нарушений.

В геоморфологическом отношении в долине Заравшан, западнее Пенджикента выделено четыре основные террасы. Наиболее высокая основная лессовая равнина, не всегда имеет четкие границы с третьей террасой, аналогом голодностепской в бассейне р. Сырдарьи. Пойма, первая и вторая надпойменные террасы образуют современную долину Зарафшана. Пойма и первая террасы имеют весьма ограниченное развитие. Наибольшую площадь занимает вторая надпойменная терраса, образованная лессовидными

суглинками, сменяющимися книзу более крупным материалом.

Междуречье Акдарьи и Карадарьи, известное как остров Мианкаль сформировано поверхностью второй террасы. Эта терраса прослеживается далеко на запад, образуя Бухарскую и Каракульскую дельты. К юго-западу от Бухары долина Зарафшан сужается, образуя на участке между Шорисланом и Каракулем узкий коридор, ширина которого составляет до 6 км. Здесь долина Зарафшан вложена в поверхность Каракульского плато на глубину до 10-15 м. Каракульское плато ограничено с севера руслом Махандарьи, а на юге сухим руслом Гужайли. Аллювиальные отложения русел Махандарьи и Гужайли по своему составу соответствуют дельтовым осадкам Бухарской и Каракульской дельт. Эти русла неразрывно связаны с Зарафшаном.

Своеобразную в геоморфологическом отношении территорию в низовьях Зарафшана представляет аллювиальная равнина юго-восточного Кызылкума. На этой территории резко выделяются в рельефе уплощенные и округлые останцы Учбаш, Каракыр, Джусантепа, Тахиакыр и др. На севере эта равнина ограничена сухим руслом Дарьясяя. Русло Дарьясяя начинается в районе Аякагитминской котловины.

2. История изучения и основные археологические культуры неолитического времени на территории Средней Азии

В конце VII тысячелетия до н.э. древнее население Средней Азии вступает в заключительный этап каменного века – неолит. Эта эпоха расцвета техники, обработки традиционных материалов-камня, кости и дерева, широкого распространения и совершенствования таких прогрессивных приёмов обработки как шлифование, сверление, пиление. На рубеже мезолита и неолита широкое

распространение получает обожженная глиняная посуда. В это время человек осваивает, и это хорошо подтверждается материалами из Средней Азии, практически все пригодные для заселения районы. Вместе с тем, для населения этой эпохи в целом характерна большая степень оседлости, чем в предшествующее мезолитическое время. С неолитической эпохой связано одно из важнейших достижений в истории человечества-становление и широкое распространение производящего хозяйства-земледелия и скотоводства. Возникнув в ранних формах на Ближнем Востоке ещё во второй половине мезолита, оно в неолите охватило широкие пространства в Евразии и Африке, вызвав существенные перемены во всех сферах социально-экономической деятельности материальной культуры, социальном устройстве, образе жизни, идеологических представлениях. Знания явлений природы, циклов жизни растений, их роста и созревания, попытки объяснить эти циклы обусловили новый этап и развитие мышления, что отразилось в различных областях культуры, археологически фиксируемых, прежде всего, в сфере прикладного искусства. Некоторые исследователи вслед за известным английским археологом Г. Чайлдом называют это событие в истории человечества «неолитической революцией». Вместе с тем, в неолите особенно ярко проявилась неравномерность развития обществ, живущих в разных ландшафтно-климатических условиях. Если в предшествующие периоды можно было говорить о неравномерности развития в рамках единой для всех общин присваивающей экономики, то применительно к неолиту, эта неравномерность имеет уже принципиально иной характер. Наряду с обществами земледельцев и скотоводов, в неолите существовали общества, не перешедшие в силу тех или иных причин к производящему хозяйству, общества, экономика которых основывались целиком на традиционных направлениях хозяйственной

деятельности-охоте, рыболовстве, собирательстве и некоторых других специфических отраслей.

Неолит (новый каменный век) - по археологической периодизации заключительный этап каменного века на территории Средней Азии исследован лучше, чем палеолит и мезолит (рис.1). В результате исследования сегодня известны и научно обоснованы нижеследующие неолитические культуры: Джейтун (Юг Туркмении) (Массон В.М. 1960, 1966, 1971); Кельтеминар (в низовьях Амударьи и Зарафшана в Кызылкумах) (Толстов С.П. 1948; Виноградов А.В. 1957, 1968, 1981); Гиссарская культура (средняя и южная часть Таджикистана) (Ранов В.А. 1982, 1985, 1998; Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. 2007), Центральноферганская культура (в Ферганской долине) (Исламов У.И., Тимофеев В.Т., 1980); Сазаганская культура (Средний Зарафшан) (Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991); Устюртская культура (Плато Устюрт) (Бижанов Е.Б. 1978, 1982, 1996). Хронологические рамки этих культур охватывают VII-VI – III тыс. до. н.э., что позволяет определить характерные особенности материальной культуры неолитических племен данного региона.

Впервые керамика джейтунского типа было найдена в 1931 г гидрогеологом Распоповым в окрестностях станции Келята. Ряд новых памятников джейтунской культуры был обнаружен в 40-начале 50-х годов (Джейтун, Кепели, Найза-Депе, Бами, Чопон-Депе). В 1944 г геологами было открыто поселение на вершине холма Чакмакташ-бейик, известное сейчас под именем Джейтун. Однако вплоть до 1952 г. раскопок на поселениях этого типа не производилось. В 1955 г. В. М. Массон приступил к систематическому исследованию раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана В 1957 г. на Джейтуне был открыт тип своеобразных однокомнатных домов, стоящих в начале длинной цепью эволюции жилых

строений у раннеземледельческих племен. Большие стационарные работы в 1958 г., вскрывшие центральную часть поселения, дали массовый материал, позволивший прочно ввести термин «джейтунская культура» в науку (Массон В.М. 1960, с.37-109).

Начало изучения памятников гиссарской культуры на территории Таджикистана принадлежит известному русскому археологу А.П.Окладникову. При обследовании Гиссарской долины в начале 50 –х годов прошлого века он нашел на холме Тепеи Газиён, вблизи города Гиссара, первую неолитическую стоянку. По месту первой находки новая культура получила название гиссарской. К числу особо значимых объектов относятся раскопки В.А.Ранова на поселении Туткаул (1963-1969) и А. Юсупова на поселении Сайёд (1966-1972), расположенном в 3 км юго-восточнее поселения Туткаул. В 70-80 годы в результате систематических работ в среднем течении р. Вахш и Яванской долины было вывезено свыше 150 гиссарских стоянок, местонахождений и отдельных пунктов. В 2002-2005 гг. при обследовании территории г.Куляба и прилегающих окраин Т.Г.Филимоновой было обнаружено 8 пунктов с неолитическими находками. Наиболее значительный результат дали раскопки на стоянке Люликутал, Чармгарон и Учкун.

Неолитическая кельтеминарская культура была открыта С.П. Толстовым еще в предвоенные годы в правобережном Хорезме, на территории древней Акчадарьинской дельты Амударьи. Название она получила (как и две другие более поздние культуры этого района тазабагьябская и амирабадская) по названию одного из исследованных здесь средневековых магистральных каналов. Широкими исследованиями, проводившимися в послевоенное время, область распространения археологических памятников кельтеминарского типа была во много раз расширена. Кельтеминарские памятники известны сейчас почти на

всей территории Кызылкумов (включая староречья Амударьи и Зарафшана), в среднем и нижнем Левобережье Амударьи, на Узбое, Устюрте, в ряде районов Казахстана. Некоторые из неолитических комплексов Восточного Прикаспия (из района Балхан и с Мангышлака), также можно отнести к кельтеминарской культурной общности (Толстов, 1948; Виноградов, 1981). В последние годы в изучении материальной культуры общности каменного века Зарафшанской долины, в частности, эпох мезолита и неолита, были получены интересные археологические материалы. Так, в низовьях Зарафшана А.В.Виноградовым были открыты ряд разветвленных мезолитических стоянок Чорбакты, Аякагитма, Дарясай, Эчкиликсай (Виноградов, 1981, с. 59). В последующие годы памятники Чорбактинской группы и, полученные в этом районе археологические материалы были всесторонне изучены и введены автором в научный оборот (Холматов, 2007, с.27-44). Начиная с 1995 г., совместной Узбекско-Польской экспедицией изучается стоянка Аякагитма, работы, которые с 2005 года продолжены Узбекско-Французской экспедицией. По кремневым находкам и керамике, памятник датирован концом эпохи мезолита и развитого неолита (Хужаназаров, Брунет, Шимчак 2006, с.244-250; Брунет Ф, Хужаназаров М, Хошимов Х. 2012, с.118-125).

В результате проведенных комплексных исследований в среднем течении реки Зарафшан и его горного обрамления была выделена и научно обоснована своеобразная сазаганская неолитическая культура (Джуракулов, Холматов, 1991). В настоящее время исследования памятников Сазаганской культуры продолжаются. Изучены новые стоянки Джангал 1, Тепакул 3,4 расположенные в разных долинах северных предгорьях горного массива Каратюбе. Кроме того, обнаружены еще свыше 20-ти стоянок открытого типа, изучение которых еще не начато, более десяти стоянок пещерного типа, в некоторых из которых

обнаружены следы культур первобытного времени (Лолаб, Каракамар, Очилгор и т.д.) (рис. 2.). В процессе исследования этих стоянок были получены новые археологические материалы, которые дали возможность осветить и решить такие актуальные проблемы, касающиеся мезолита и неолита Зарафшанской долины, как культурные связи, культуригенез, зарождение производящего хозяйства (Холматов Н.У. 2010, с.90-98.). Дальнейшее изучение материалов сазаганской культуры затрагивает практически все основные проблемы археологии, палеоэкологию, хронологию, палеоклиматологию, а также целого комплекса физико-географических и историко-геологических направлений наук.

Первые местонахождения каменного века в Центральной Фергане были открыты в 1958 г. Б.З. Гамбургом и Н.Г. Горбуновой при осмотре района осушенного оз. Дамкуль в Северной части Центральной Ферганы. В 1963,1964 гг.разведки в Центральной Фергане были проведены Ю.А.Заднепровским. В ходе разведок открыто 21 местонахождений с микролитическим инвентарем и эти материалы обстоятельно охарактеризованы Г.Ф.Коробковой (Коробкова,1969). В 1965 г. разведки в южной части Центральной Ферганы были проведены У.И.Исламовым. Позднее обследование местонахождений каменного века в Центральной Фергане проводилось неолитическим отрядом Ферганской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея в 1967, 1969, 1970 гг. (Тимофеев, 1972). Ферганские материалы рассматривались на широком фоне культур каменного века Средней Азии и близлежащих территорий (Коробкова, 1975; Коробкова, Массон, 1978). Материалы из Ферганской долины опубликованы сейчас довольно детально (Исламов, Тимофеев, 1986), приведенные в публикациях подробные типолого-статистические данные позволяют проследить эволюции каменного инвентаря на

протяжении нескольких тысячелетий. У.Исламовым и В.И.Тимофеевым был употреблен термин «Центрально-ферганская культура».

Контрольные вопросы

1. Изложите особенности палеогеографии эпохи неолита на территории Средней Азии.
2. Содержание и сущность «Лявляканский плювиаль».
3. Изложите животный и растительный мир эпохи неолита на территории Средней Азии.
4. Каких специалистов Вы знаете, которые занимались и занимаются исследованием палеогеографии эпохи неолита на территории Средней Азии.
5. Изложите палеогеографические особенности эпохи неолита Южного Таджикистана.
6. Изложите палеогеографические особенности эпохи неолита Зарафшанской долины

Использованные литературы

Бижанов Е.Б. Каменный век Устюрта. Автореф. на соискание д.и.н. – Нукус, 1996.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – ТХЭ, т XIII. – М.: Наука, 1981.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов, – МЭХ, вып.10. – М.: Наука, 1975.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1991.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: Фан, 1986.

Мамедов Э.Д. Динамика природных процессов на равнинах Средней Азии. – В кн.: Вопросы природоведения Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ, №591. – Ташкент, 1979.

Мамедов Э.Д. Изменение климата среднеазиатских пустынь в голоцене. – В кн.: Колебания увлажненности Арало – Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980.

Массон В.М. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т.х, 1960.

Массон В.М. Средняя Азия и Древней Восток. – М.-Л.: Наука, 1964.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). – МИА, №180. – Л.: Наука, 1971.

Низовья Аму-дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. – МХЭ, вып.3. – М., 1960.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – В кн.: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии.

Ранов В.А. Неолит (гиссарская культура). История Таджикского народа. Том 1. – Душанбе, 1998. – С.105-123.

Средней Азия в эпоху камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Степанов И.Н. Эколого-географический анализ почвенного покрова Средней Азии. – М.: Наука, 1975.

Степанов И.Н. Периодическая повторяемость почвообразования в плейстоцене-голоцене Арало-Каспийского региона. – В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980.

Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 2007. – С.204.

Тема №2 ДЖЕЙТУНСКАЯ КУЛЬТУРА

План:

1. История изучения Джейтунской культуры.
2. Основные памятники Джейтунской культуры.
3. Специфические особенности Джейтунской культуры.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы истории изучения джейтунской культуры, специфические особенности материальной культуры Джейтуна, место Джейтунской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знания о специфических особенностях Джейтунской культуры.

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: Неолит (новый каменный век); палеогеография, средний голоцен (VII-III тысячелетие до н.э.); Джейтунская культура; Гиссарская культура; Кельтеминарская историко-культурная; Центрально-ферганская культура; Сазаганская культура; льяляканский плювиал; Караката, Бешбулак, Мингбулак.

1. История изучения Джейтунской культуры

В Юго-западной Туркмении на сравнительно узкой подгорной полосе Копетдага к началу неолита (конец VII-начало VI тысячелетия до н.э.) складывается оседло-земледельческая культура, получившая по наиболее исследованному памятнику название **джейтунской**. Эта древнейшая земледельческая культура на территории Средней Азии является крайней северо-восточной периферией обширной зоны древнеземледельческих культур Ближнего Востока. Следы жизни древнейших земледельцев Средней Азии встречаются в предгорной полосе Капетдага от Бами на западе до Теджена на востоке.

Впервые керамика джейтунского типа была найдена в 1931 г. гидрогеологом Распоповым в окрестностях станции Келята. Затем она была найдена на городище Новая Ниса, где также был встречен кремневый материал, видимо относящийся к этому же времени. На основании этих находок А.А.Морущенко поставил вопрос о выделении культуры «преданау», которую он считал соответствующей охотническо-собираческому хозяйству с отсутствием постоянных оседлых поселений. Ряд новых памятников джейтунской культуры был обнаружен в 40-начале 50-х годов (Джейтун, Кепели, Найза-Депе, Бами, Чопон-Депе). В 1944 г. геологами было открыто поселение на вершине холма Чакмакташ-бейик, известное сейчас под именем Джейтун. Однако вплоть до 1952 г. раскопок на поселениях этого типа не производилось. Первым осуществил эти раскопки Б.А.Куфтин в 1952 г. На основании материалов, заложенных на Джейтуне разведочного шурфа Б.А.Куфтин правильно определил его как поселение древнейших земледельцев и скотоводов. В 1953 г. С.А.Ершовым была произведена разведочная шурфовка на другом памятнике джейтунской культуры Чопон-тепе, результаты которой полностью подтвердили

этот вывод Б.А.Куфтина. В 1955 г. В. М. Массон приступил к систематическому исследованию раннеземледельческих поселений Южного Туркменистана. В 1957 г. на Джейтуне был открыт тип своеобразных однокомнатных домов, стоящих в начале длинной цепью эволюции жилых строений у раннеземледельческих племен. Большие стационарные работы в 1958 г., вскрывшие центральную часть поселения, дали массовый материал, позволивший прочно ввести термин «джейтунская культура» в науку (Массон В.М. 1960, с.37-109). Особое значение имеет предпринятые О.К.Бердиевым усилия по публикации накопленного материала (Бердиев, 1963, 1964,1965) и основанная на этих данных его сводная работа, в которой был выделен ранее неизвестный самый поздний этап развития джейтунской культуры.(Бердиев, 1965). В специальном исследовании Г.Ф. Коробковой кремневая индустрия этой культуры была подвергнута детальному и всестороннему анализу, намечена ее эволюция и связи с другими неолитическими комплексами Средней Азии (Коробкова, 1969)..

2. Основные памятники Джейтунской культуры

Основными раскопанными памятниками являются **Джейтун** у Ашхабада, **Чагаллыдепе**, **Манжуклыдепе** около селении Меана, **Чопандепе**, **Тоголокдепа**. Всего отмечено 13 крупных памятников. Главными памятниками джейтунской культуры остаются поселения Джейтун и Чопан-депе. **Поселение Джейтун** расположено к ССЗ от Ашхабада в 30 км от города в зоне первых песчаных гряд Кара-Кумов. Само поселение расположено на вершине песчаного бугра и с севера на юг 60 м и с запада на восток около 120 м. Другим исследованным памятником джейтунской культуры является **поселение Чопан-депе**, расположенное в 7,5 км к востоку от Геок-тепе

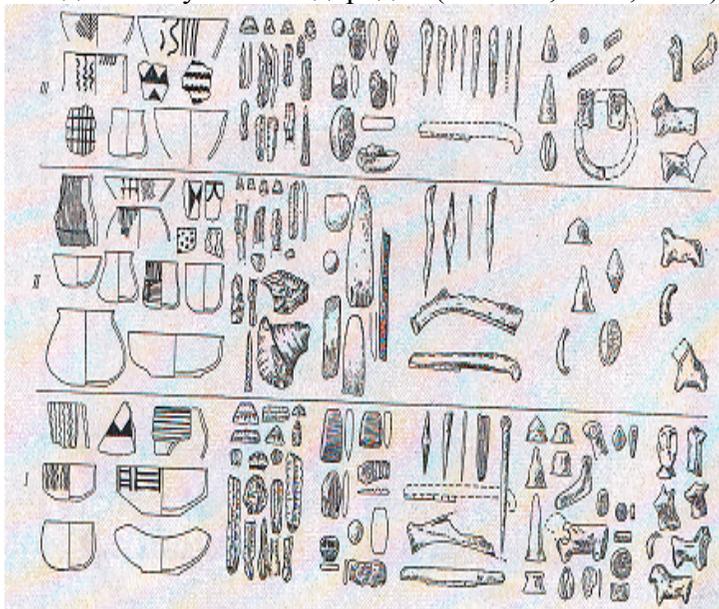
Ашхабадской области. Как показали раскопки 1957 г., слои типа нижнего горизонта распространены на Чапан-депе на всей площади древнего поселения.

3. Специфические особенности Джейтунской культуры

Джейтунская культура резко отличается от гиссарских и кельтеминарских культур не только по внешним признакам, но и по существу. Это первая историко-культурная общность, экономической базой которой является производящее хозяйство-земледелие и скотоводство. Сложный характер джейтунской культуры, особенно на ее раннем этапе, проявляется в сочетании и в орудийном комплексе, и в хозяйстве традиционных и новых элементов. Пластинчатая микролитическая каменная индустрия ранних джейтунцев демонстрирует и в технике, и в формах изделий заметная переживаний традиций предшествующего мезолитического времени. Однако, уже в это время около 40% каменных орудий, унаследованных от мезолита, использовались в новой функции-как составные части лезвий (вкладыши) серпов с костяной основой. Уже на раннем этапе джейтунской культуры имеются прямые свидетельства появления производящих направлений хозяйства-кости домашних животных и зерна культурных злаков, однако значительную роль в хозяйстве сохраняет охота. Лишь к концу джейтунской культуры земледелие и скотоводство доминируют в экономике.

Для джейтунского населения с самого начала была характерна прочная оседлость. Появляются стандартные дома (площадь этих однокомнатных домов в среднем составляет 23,5 кв.м., построенные из крупных саманных блоков и организованные в небольшие поселки. Всего на поселении Джейтун было около 40 домов. Судя по величине поселка, здесь обитала родовая община (примерно из 250 человек). Именно к джейтунскому времени, к VI

тысячелетию до н.э. восходит широко распространенная в Средней Азии традиция сырцового строительства. В обиходе появляется обожженная глиняная посуда плоскодонная и круглодонная. Большое место среди находок занимает керамика. Они вылеплены от руки ленточным способом и примерно 11% ее украшено орнаментом, нанесенным красной краской. Роспись имела два основных мотива: волнистые или струйчатые линии или скобки. Это древнейшая расписная керамика Средней Азии. Глиняные реже каменные фигурки животных людей свидетельствуют, видимо, о зарождении связанного с земледелием и скотоводством культа плодородия (Массон, 1966; 1971).

Джейтунская культура. Каменные изделия.

По мнению специалистов попытки найти местный генезис джейтунской культуры не увенчались успехом. В настоящее время стало ясно, что она занимает не только предгорья Капетдага, но распространяется на значительную территорию северо-восточного Ирана. Это северная

периферия раннеземледельческих неолитических культур, и носители джейтунской культуры появились в Южном Туркменистане в результате миграции с юга, дав начало развивающимся уже на месте энеолитическим культурам крашеной керамики. Материалы, полученные при исследовании памятников джейтунской культуры, свидетельствуют о наступлении новой эпохи в истории общества. Возникновение, а затем господство в экономике земледелия и скотоводства вызвало коренные изменения во всех остальных сферах материальной и социальной деятельности и, в конечном итоге, к образованию древней цивилизации.

Контрольные вопросы

1. Изложите место Джейтунской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
2. Изложите специфические особенности каменной индустрии Джейтунской культуры.
3. Кто всесторонне исследовал памятники Джейтунской культуры и изложите основные его научные труды.
4. Изложите сущность хозяйства джейтунцев.
5. Изложите хронологии и периодизации Джейтунской культуры.
6. Изложите характерные особенности керамические изделия Джейтунской культуры.
7. Изложите культурные связи, происхождение и судьбы Джейтунской культуры.
8. Изложите основные памятники Джейтунской культуры и их результаты исследования.

Использованные литературы

Массон В.М. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т.х, 1960.

Массон В.М. Средняя Азия и Древней Восток. – М.-Л.: Наука, 1964.

Массон В.М. Неолитические охотники и собиратели. – В кн.: Средняя Азия в эпохи камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Племена степной бронзы на севере страны. – В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии. – В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). – МИА, №180. – Л.: Наука, 1971.

Окладников А.П. Пещера Джебел – памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. – Труды ЮТАКЭ, Ашхабад . 1956, т. VII.

Тема №3 ГИССАРСКАЯ КУЛЬТУРА

План:

- 1.История изучения Гиссарской культуры.
- 2.Основные памятники Гиссарской культуры.
- 3.Специфические особенности Гиссарской культуры.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы история изучения гиссарской культуры, специфические особенности материальной культуры Гиссара, место гиссарской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знание о специфические особенности гиссарской культуры

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: А.П.Окладников, В.А.Ранова, А. Юсупова, Т.Г.Филимонова, Туткаул (1963-1969), Сайёд (1966-1972), Тепеи Газиён, Бульёнипоён, Люликутал, Чармгарон и Учкун, Кунчи, Лучоб, Куй-Бульён, «Кремневый элемент», «Гиссарский элемент» .

1. История изучения Гиссарской культуры

Вместе с джейтунскими племенами (предгорья Копет-дага) и кельтеминарской общностью (равнинная часть Средней Азии) заметную роль в неолитическую эпоху играет население гор восточной части Средней Азии, известное под названием гиссарской культуры. Основной территорией распространения гиссарской культуры является Таджикская депрессия, особенно в бассейне рек Яхсу, Сурхоб, Вахш, Кафирниган (в верхнем течении), Яванская долина.

Начало изучения памятников гиссарской культуры на территории Таджикистана принадлежит известному русскому археологу А.П.Окладникову. При обследовании Гиссарской долины в начале 50-х годов прошлого века он нашел на холме Тепеи Газиён, вблизи города Гиссара, первую неолитическую стоянку. По месту первой находки новая культура получила название гиссарской. В течение последующих 7 полевых сезонов (1953-1959) им была открыта серия стоянок в той же долине, а также на террасах рек Варзоб и Лучоб, в Дангаринской и Кулябской долинах (Кунчи, Лучоб, Куй-Бульён и др.). С тех пор изучено значительное число, как крупных поселений, так и мелких стоянок и небольших местонахождений с подъемным материалом. К числу особо значимых объектов относятся раскопки В.А.Ранова на поселении Туткаул (1963-1969) и А. Юсупова на поселении Сайёд (1966-1972), расположенном в 3 км юго-восточнее поселения Туткаул. В 70-80 годы в результате систематических работ в среднем течении р. Вахш и Яванской долины было вывезено свыше 150 гиссарских стоянок, местонахождений и отдельных пунктов. В восьмидесятых годах были проведены повторные исследования поселений Тепеи Газион и Бульёни-Поён. Также, В.А.Рановым в 1988 г обследовано среднее течение р. Кызылсув, где были

обнаружена группа неолитических памятников (Чимбулак и др). В течение трёх полевых сезонов (1987, 1988,1990) В.А.Рановым и Т.Г. Филимоновой изучалось гиссарское поселение Кангурттут. В 2002-2005 гг. при обследовании территории г.Куляба и прилегающих окраин Т.Г.Филимоновой было обнаружено 8 пунктов с неолитическими находками. Наиболее значительный результат дали раскопки на стоянке Люликутал, Чармгарон и Учкун.

Гиссарская культура имеет четко очерченную территорию. Стоянки этой культуры найдены между Дарвозом на востоке и Сурхандарьей на западе. Северной границей расселения гиссарцев можно считать Гиссарский хребет, а южно-восточную часть Северного Афганистана в районе распространения лёссов. Памятники гиссарской в пределах Афгано-Таджикской депрессии распространяются, в основном, в долинах по среднему течению рек: Кафирнигана (Гиссарская долина), Вахша (Вахшская долина), Явансу (Яванская долина), Таирсу (Дангаринская долина), Кызылсу и Яхсу и находятся на абсолютной высоте от 500-700 до 1000-1500 метров на уровне моря. В северной окраине распространения или влияния гиссарской культуры можно отнести стоянки сазаганской культуры, расположенные на Среднем Зарафшане. В целом гиссарские племена охватывали наиболее благоприятный природный пояс, обладающий по отношению к другим регионам Южного Таджикистана умеренным климатом и разнообразной фауной и флорой.

Геоморфологическое положение гиссарских стоянок и поселений в рельефе определяются достаточно четко. Вдоль больших рек их можно встретить на всех уровнях имеющихся речных террас - 20-30 метровых, возраст которых определяется голоценом или верхним плейстоценом, и более высоких, среднеплейстоценовых.

Часть стоянок находятся на крупных конусах боковых ущелий и саев. Основание этих конусов образовано

раннеголоценовым или более древним аллювием, а верхняя часть, в которой обнаруживаются культурные слои, лёссовидными суглинками. Наиболее характерные памятники: Туткаул и Сайёд. Гиссарцы предпочитали селиться на открытых площадках и за редким исключением, использовали скальные убежища, примером чего могут служить только Камари Пехо у Нурека (находки В.А. Ранова) и Кумтепа (Юсупов, 1981).

2. Основные памятники Гиссарской культуры.

Основными раскопанными памятниками гиссарской культуры являются Туткаул, Сайёд, Бульёнипаён, Кангуртут, Люликутал, Чармгарон и Учкун.

Поселение Туткаул. В Туткауле выше мезолитического слоя находится основной (2-й) горизонт стоянки, принадлежащий к гиссарской культуре. Он темноокрашенный, углистый, включающий обильные культурные остатки (мощность колеблется от 0,4 до 2 м). На основе типологического анализа каменных орудий этот горизонт В.А. Ранов разделил на три уровня, принадлежащих различным этапам развития гиссарской культуры. Выше второго находится тонкий (10-15 см) темноокрашенный слой, включенный в толщу лёссовидного суглинка. Это первый горизонт поселения. Как и другие памятники гиссарской культуры, Туткаул отличается обилием расколотого камня, составляющего основу археологического материала памятника. Всего в двух горизонтах Туткаула найдено свыше 40 тыс. экземпляров.

Конструктивным элементом культурных горизонтов Туткаула являются очаги, каменные выкладки (Они представляют собой площадки из плотно уложенных камней. По мнению В.А. Ранова такие площадки являлись основанием (полом жилища), останки погребения. Каменная индустрия характеризуется двумя элементами - «кремневый элемент» (30%) и «галечный гиссарский элемент» (70%). Среди

кремневого инвентаря Туткаула выделяются геометрические микролиты-трапеции, долотовидные орудия, ножи, скобели и т.д., среди галечного «гиссарского» чопперы, чоппинги, шлифованные топоры, ножи, скребла и др. Нижняя возрастная граница гиссарской культуры устанавливается благодаря радиоуглеродной дате, полученной для основания 2-ого горизонта поселения Туткаул 8020±170 или 6070±170 до н.э.

Поселение Сайёд. Поселение Сайёд занимало конус выноса длиной с юго-запада на северо-восток 80 м и шириной 40 м. располагавшийся всего в 3 км юго-восточнее поселения Туткаул. Поселение имеет два культурных горизонта, и в них найдено 30 тыс. изделий. По материалу их можно разделить на кремневые, галечные и из кости. В структурном отношении культурные горизонты Сайёда мало отличаются от туткаульских. В них встречаются обычные овальные очаги с каменной наброской, остатки каменных выкладок и зольных пятен. Во втором горизонте найдено погребение. Эта находка подтвердила, что у гиссарцев был распространен древний обычай хоронить там, где люди жили на поселении. В.А. Рановым 1-горизонт датирован второй половиной 5-го началом 4-го тысячелетия до н. э., а второй горизонт по аналогии с Туткаулом 6 тыс. до н.э.

Гиссарское поселение Бульёнипоён. Приурочено к террасовидному окончанию адырной полосы хребта Джилантау к югу от кишлака Бульёнипоён. Раскопками определены несколько культурных горизонтов из которых наиболее четко выражен слой, находящийся на глубине 25-30 см от уровня современной поверхности. В этом культурном горизонте сохранились остатки, обмазки пола неолитического жилища, и имеются остатки площадок из битого камня, аналогичных подобным конструкциям Туткаула и Сайёда. В каменном инвентаре отражается

сочетание «кремневого» и «гиссарского» элементов. «Кремневый элемент» здесь выше, чем в Туткауле и верхнем слое Сайёда. Исходя из этого В.А.Ранов считает, что поселение Бульёнипоён значительно более развитым по сравнению с Туткаулом и Сайёдом (хронологическая рамка- вторая половина 5-го- начало 4-го тыс. до н.э..

Поселение Кангуртут. Памятник расположен в 8 км севернее поселка Кагурт. Раскопки производились на высоком мысу, сложенном мощной толщей лесса. Раскопки проведены на площади 260 кв.м. Культурный горизонт имеет все главные особенности гиссарских памятников-темную окраску, очаги с каменной наброской. По сравнению с гиссарскими слоями Туткаула и Сайёда В.А. Ранов определил в каменные индустрии Кангурттута две особенности: более грубую или небережную обработку изделий из изверженных пород и более высокую степень микролитизма таких мелких 1-1,5 см длиной нуклеусов и микропластинок которых очень мало на других гиссарских стоянках. Верхний предел гиссарской культуры устанавливается благодаря радиоуглеродной датой гиссарских слоев стоянки Кангуртут: 2200+ _ 110 ле до н.э.

3. Специфические особенности Гиссарской культуры

Следует отметить, что памятники гиссарской культуры, которых в настоящее время насчитывается более 300, подразделяются на два типа. Первый тип- это долговременные поселения с мощным культурным слоем, площадь которых колеблется от 1 до 0,5 га. Толщина культурных слоев, окрашенных почти в черный цвет, достигает двух метров. Коллекции каменных орудий, собранных при раскопках таких поселений, составляют до 40 тысяч предметов. Поселений подобного типа единицы, к ним относятся: Туткаул (раскопки В.А Ранова; Ранов, Коробкова, 1971), Сайёд (Юсупов, 1975а), Бульёни-Поён (Окладников, 1961а,б; 1963; Филимонова, не опубликова-

но) и описываемое в настоящей статье многослойное поселение Кангуртут (раскопки неолитических слоев- Ранов, Филимонова, 2003). Значительным по площади обещает быть новое поселение Люликуталь в Кулябе и исключительное по мощности культурного слоя в четыре метра стоянки Учкун (раскопки Т.Г.Филимоновой; Якубов, Довутов, Филимонова, 2004,2007).

Ко второму типу относится наибольшая часть памятников, не имеющих культурных слоев. Среди них есть и крупные стоянки, насчитывающие от нескольких сот до нескольких тысяч артефактов, такие как Тепеи Газиён, Кунчи (Окладников, 1958), Гуликандос, Дахана (раскопки А.Юсупова; Юсупов, 1975), и небольшие местонахождения, инвентарь которых состоит из десятков орудий. Показательны в этом отношении компактные группы местонахождений по среднему течению реки Вахш, в Дангаринской и Яванской долинах.

Малоизученным остается вопрос о локальных особенностях различия каменного инвентаря памятников гиссарской культуры. Главная трудность состоит в уровне сравнений. В центр такого сравнительного анализа локальных различий можно поставить «классический» инвентарь гиссарских горизонтов Туткаула и Сайёда. Очень кратко особенность этого комплекса определяется наличием полного набора галечных орудий, галечных нуклеусов, крупных отщепов, напоминающих палеолитические, которые употреблялись в работе без добавочной ретуши и др. Кремневый элемент составляет около 30 %. По мнению Т.Г.Филимоновой, гиссарская индустрия, полученная на отдельных участках территории г. Куляба и в его окрестностях, по своим типологическим, а главное, технологическим характеристикам заметно отличается от «классического гиссара» и образует самостоятельную локальную группу (Якубов, Давутов, Филимонова, 2004,

с.283). Наибольшее отличие имеют материалы, полученные в Яванской группе стоянок. На северной части хребта Яванский Каратау и вдоль его западного склона распространена особая индустрия, в значительной степени отличная от «классического гиссара». Это стоянка Гуликандоз, Тутак, Капчигай, Дахана и др. В основном, инвентарь, полученный в Яванской зоне изготовлен из кремня, в том числе высококачественного так называемого «амударьинского». По мнению В.А.Ранова справедливо считать яванскую группу находок локальным вариантом гиссарской общности.

Основные конструктивные структуры культурных горизонтов-это каменные выкладки двух типов, очагов, каменные «ящики», остатки жилища. Что касается каменной индустрии памятников гиссарской культуры, то в ней непременно присутствуют два сильно различающихся элемента- «галечный» и «кремневый». К первому относятся 70% всех артефактов, ко второму-30%.

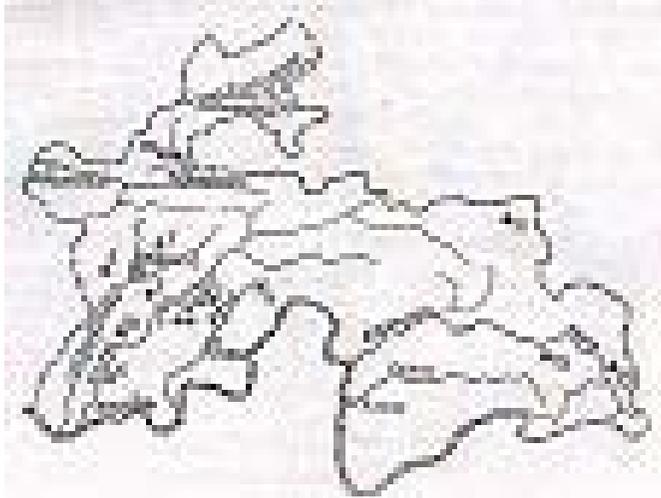
Вопрос об экономической основе жизни гиссарских племен в Южном Таджикистане не нашел еще своего окончательного решения. Существует три гипотезы: 1) гиссарская культура это памятники первых земледельцев и скотоводов Таджикистана; 2) соответствует еще стадии охотников и собирателей; 3) основной ведущей формой хозяйства гиссарцев является не земледелие, а скотоводство. Можно считать, что памятники типа Туткаула, сайёда, Бульёни-паёна и Конгурттута принадлежат периоду первоначальной оседлости, соответствующего времени зарождающегося земледелия и скотоводства. При этом, конечно, значение охоты и собирательства было фактически большим, чем элементы производящего хозяйства

Генезис гиссарской культуры уже освещался в работах В.А.Ранова, А.Юсупова, Т.Г.Филимоновой. Раскопки в Туткауле и Дараншуре показывают, что каменная

индустрия эпохи мезолита, обнаруженная в среднем течении Вахш, именно ее галечный элемент, в дальнейшем дает о себе знать в гиссарской культуре этого региона. Формирования гиссарской культуры базируется на предшествующей территориально и техничеки вахшской мезолитической культуре, распространенной в среднем течении реки Вахш (Юсупов, Филимонова, 1988,1990, Ранов,Филимонова, 2002, с.30-32.).

Таким образом, в Южном Таджикистане в конце мезолита, примерно в VII тысячелетии до н.э. в предгорьях и долинах горных рек сложилась другая, очень своеобразная культурная общность-**гиссарская**. Основной гиссарский памятник-многослойное поселение Туткаул дает возможность проследить развитие материальной культуры гиссарцев VII-VI тысячелетиях до н. э., по другим памятникам известно, что гиссарская культура дожила в Южном Таджикистане до начала III тысячелетия до н.э. Материальная культура гиссарцев являет собой резкий контраст джейтунской культуре. Во многом это, видимо, объясняется резкими различиями среды обитания, то есть ландшафтно-климатические условий этих двух областей. Каменная индустрия гиссарской культуры характеризуется широким использованием орудий, сделанных из небольших целых галек, обработанных тем или иным образом в зависимости от назначения орудий (рубящие орудия, скобели для обработки дерева, скребла и др.). Галечные орудия («гиссарский элемент») сравнительно с микролитическими пластинчатыми каменными орудиями джейтунской культуры, представляются очень архаическими, однако изготовление и использование их свидетельствует не о культурной и технической отсталости, а о приверженности к древней местной традиции, выработанной в специфической природной среде и отвечающей её потребностям. Об этом, в частности, свидетельствует

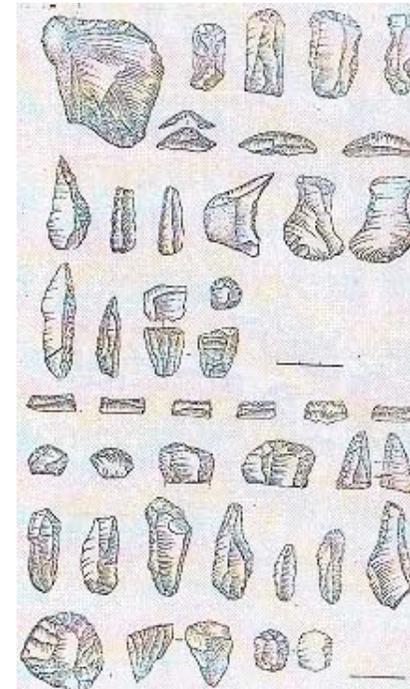
другой компонент гиссарской каменной индустрии («кремневый элемент»), в основе которого лежит техника изготовления пластин и микропластин и изделий из них. В гиссарских слоях Туткаула он составляет около 30% находок и по ряду показателей может быть сопоставлен и с джейтунским, и с кельтеминарским материалом.

Памятники Гиссарской культуры

По другим существенным признакам материальной культуры общество гиссарцев также резко отличается от джейтунского. Очень мало, в частности, известно о характере домостроительства. На поселении Туткаул найдены очаги – ямки, выложенные галькой или камнем, и площадки из плотно уложенных камней. Предполагается, что последние являются основаниями полов построек лёгкой каркасной конструкции. Керамика в раннем гиссаре не найдена, она в небольшом количестве появляется только на самых поздних гиссарских памятниках.

Вместе с тем, археологические материалы показывают, что гиссарцы были не только охотниками и собирателями, но и скотоводами, а также, возможно, владели навыками

Гиссарская культура.
Каменные изделия.

примитивного земледелия. Многие в структуре хозяйственной деятельности гиссарцев остаются еще неясными. Судя по материалам из Туткаула, они охотились на таких крупных млекопитающих, как благородный олень и бык-тур, однако, в орудийном комплексе соответствующее охотничье вооружение отсутствует. В Туткауле найдены кости домашнего осла и мелкого рогатого скота, но в целом прямых свидетельств скотоводства получено пока очень мало.

Приуроченность всех гиссарских памятников к зоне распространения лесов, послужила основой для предположения о знакомстве гиссарцев с зачатками земледелия, однако противники этого тезиса указывают на практически полное отсутствие в инвентаре вкладышей серпов. Оба этих аргумента имеют косвенный характер и не решают проблемы.

Можно полагать, что земледелие даже будуче известным гиссарцам, не получило в их экономике сколько-нибудь существенного развития. С этим обстоятельством связывается не динамичный, застойный характер гиссарской культуры на позднем этапе ее существования. Определенную роль в этом могла сыграть и, обусловленная географическими факторами, общая изолированность гиссарского населения, отсутствие у него устойчивых связей с высокоразвитыми культурами этого времени (Ранов, 1985).

Контрольные вопросы

1. Изложите место Гиссарской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
2. Изложите специфические особенности каменной индустрии Гиссарской культуры
3. Кто всесторонно исследовал памятники Гиссарской культуры и изложите основные его научные труды.
4. Изложите сущность хозяйства гиссарцев.
5. Изложите хронологии и периодизации Гиссарской культуры
6. Изложите результаты исследования Гиссарской культуры в последние годы
7. Изложите культурные связи, происхождение и судьбы Гиссарской культуры
8. Изложите основные памятники Гиссарской культуры и их результаты исследования Кельтеминар

Использованные литературы

Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты.- СЭ, 1961, №6.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии.- В кн.: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. Новосибирск.1982.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985.

Ранов В.А. Неолит (гиссарская культура). История Таджикского народа. Том 1. – Душанбе, 1998. – С.105-123.

Тема №4
КЕЛЬТЕМИНАРСКАЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНАЯ
ОБЩНОСТЬ

План:

1. История изучения и этапы развития Кельтеминарской культуры.
2. Локальные культурные варианты Кельтеминарской культуры:
  - А) Низовья Зарафшана.
  - Б) Низовья Амударьи. Акчадарьинская дельта.
  - В) Лявлякан (Внутренние Кызылкумы).

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы истории изучения кельтеминарской культуры, специфические особенности материальной культуры Кельтеминара, место кельтеминарской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знания о специфических особенностях гиссарской культуры

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: С.П.Толстов, А.В.Виноградов, Я.Г.Гулямов, У.Исламов, М.Хужаназаров, Ф.Бру-

нет, К.Шимчак, Жонбосс 4, Кават 7, Дарбазакыр 1,2, Учаши 131, Чорбакты, Аякагитма, Дарясай, Эчкиликсай, Лявлякан, Бешбулак, VII-III тысячелетия до н.э., Узбекско-Французская экспедиция.

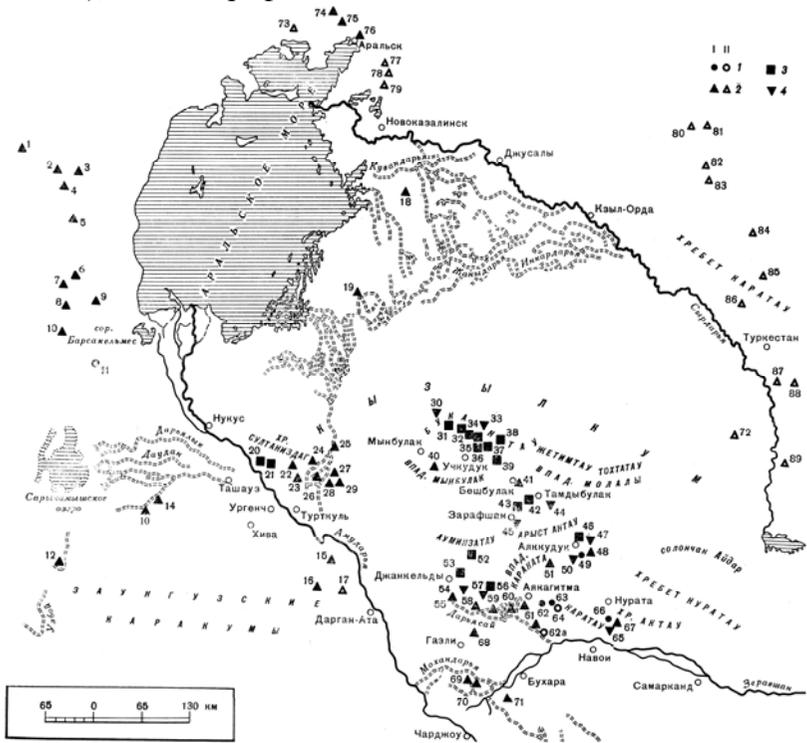
1. История изучения и этапы развития
Кельтеминарской культуры.

Неолитическая кельтеминарская культура была открыта С.П.Толстовым еще в предвоенные годы в правобережном Хорезме, на территории древней Акчадарьинской дельты Амударьи. Название она получила (как и две другие более поздние культуры этого района тазабагыбская и амирабадская) по названию одного из исследованных здесь средневековых магистральных каналов. Широкими исследованиями, проводившимися в послевоенное время, область распространения археологических памятников кельтеминарского типа была во много раз расширена. Кельтеминарские памятники известны сейчас почти на всей территории Кызылкумов (включая староречья Амударьи и Зарафшана), в среднем и нижнем Левобережье Амударьи, на Узбое, Устюрте, в ряде районов Казахстана. Некоторые из неолитических комплексов Восточного Прикаспия (из района Балхан и с Мангышлака), также можно отнести к кельтеминарской культурной общности (Толстов, 1948; Виноградов, 1981).

Естественно, что на этой огромной территории не наблюдается полного единообразия культуры. Наибольшее сходство демонстрируют изделия из камня (как в технологии его обработки, так и в типологии изделий), хотя и в этом можно проследить определенные локальные различия. Наиболее отчетливо они прослеживаются в керамике в деталях форм и орнаментации, а также в украшениях.

Сравнительный анализ материалов позволил выделить на этой обширной территории несколько групп памятников, материальная культура которых показывает с одной

стороны устойчивые общие признаки, а с другой – отчетливо прослеживаемую культурную специфику. Эти группы- локальные археологические культуры, являются, видимо, археологическим выражением районов расселения племен (или групп племен), родственных или близких по культуре, хозяйству, образу жизни. В настоящее время выделены собственно кельтеминарская (или акчадарьинская), нижнезарафшанская, льявляканская.

Памятники Кельтеминарской культуры
(Карта составлена А.В.Виноградовым)

Если в Южной Туркмении уже в начале 2 тысячелетия до н.э. на основе неолитической джейтунской культуры складывается культура раннего металла (ранний энеолит), то на нынешних пустынных равнинах до конца III

тысячелетия до н.э. не только полностью сохраняется (естественно, видоизменяясь во времени) орудийный комплекс из камня, но и господствует присваивающее хозяйство- охота, рыболовство, собирательство.

В изготовлении орудий труда, охотничьего и рыболовческого снаряжения была почти полностью унаследована мезолитическая техника. С нуклеусов ядрицы правильной призматической или конической форм снимали техникой отжима длинные узкие ножевидные пластинки с параллельными острыми краями. Эти пластины делились на части необходимой длины, последние и сами по себе могли служить орудиями (например вкладышевыми лезвиями для деревянных или костяных орудий), и в то же время, являлись заготовками для изготовления специализированных изделий-скребков, скобелей, сверл и проколов, резцов, наконечников стрел и др., а также тех же вкладышей, но уже более сложных, более совершенных форм – в виде параллелограммов, треугольников, трапеций. Оснащенные такого рода лезвиями- вкладышами орудия (гарпуны, наконечники копий или дротиков), могли иметь рабочее лезвие не только прямой но и любой другой необходимой формы, в том числе с шипами и зубцами. Технику преимущественного использования в качестве заготовок сечений ножевидных пластин археологи называют микролитической техникой, а сделанные из сечений пластины, изделия геометрических очертаний- геометрическими микролитами.

Геометрические микролиты и наконечники стрел в отличие от большинства других типов каменных орудий культур кельтеминарской историко-культурной общности, являются хорошими хронологическими индикаторами. В настоящее время прослежены их изменения во времени (каждого и в совокупности с остальными) на протяжении более чем четырех тысяч лет. По этим и другим данным

разработана периодизация и хронология культур кельтеминарской историко-культурной общности (Виноградов, 1981).

Ранний неолит (дарьясайский этап, конец VII-середина V тысячелетия до н.э.) впервые выделен по материалам со староречий Зарафшана. Позже ранненеолитические стоянки были открыты в других районах Кызылкум в (Лявлякан, Караката), а также на юго-Восточном Устюрте. Эталонным ранненеолитическим памятником является стоянка Учащи 131 на Дарьсае. На ней раскопаны остатки трех крупных наземных построек прямоугольной формы и получен крупный комплекс культурных остатков.

Средний этап неолита (конец V- середина IV тысячелетия до н.э.) по праву назван джанбасским. Стоянки этого времени имеются в большом количестве и в низовьях Зарафшана, и во всех других районах распространения памятников кельтеминарского культурного круга, однако наиболее хорошо сохранившийся и наиболее интересный не только в Узбекистане, но и в Средней Азии в целом, памятник этого времени-стоянка Джанбас-4 – найден и исследован в Акчадарьинской дельте. Ее раскопки были начаты под руководством С.П. Толстова еще перед войной и недавно, после длительного перерыва, завершены. Сейчас этот памятник называется стоянкой Толстова.

Поздний этап (вторая половина IV-III тысячелетия до н.э.) известен плохо и не имеет даже собственного названия. Поздненеолитические стоянки с не разрушенным культурным слоем пока не найдены, что не дает возможности сколько-нибудь подробно охарактеризовать уровень культуры и, главное проследить исторические судьбы поздненеолитических обществ на стыке двух эпох-камня и раннего металла.

Какова же была на протяжении четырех тысячелетий динамика изменения ведущих форм каменных изделий и

их соотношения друг с другом? В конце мезолита или на рубеже мезолита и неолита необычайно широко распространяются мелкие симметричные трапеции, причем, во многих случаях с выемкой в верхнем основании (так называемые рогатые трапеции). Последние представляют собой специфический для кельтеминарских памятников тип и за пределами их распространения встречаются только периодически. Симметричные трапеции являются главным признаком раннего этапа кельтеминара. Вместе с ними существуют вкладыш в форме параллелограмма и низкого ассиметричного треугольника. На среднем этапе, при сохранении в малоизмененном виде основного набора каменных орудий, изделия трапецевидной формы практически исчезают. Параллелограммы и треугольники сохраняют свои позиции, но они сделаны уже несколько по иному – тонкая краевая ретушь, с помощью которой изделию придавалась необходимая форма, расположена не с одной стороны (со спинки), а с противолежащих сторон.

На среднем этапе широко распространяются наконечники стрел, получившие в специальной литературе название наконечников кельтеминарского типа. Они, как и подавляющее большинство других орудий, сделаны из тонких пластин имеют острый треугольный конец и выемку с одной стороны, образующую одновременно и удобный узкий насад наконечника, и острый боковой шип, зубец. Как видно из названия эти наконечники, также как и рогатые трапеции составляют специфику кельтеминарского комплекса орудий, хотя, в меньшем количестве и, очевидно, не без кельтеминарского культурного воздействия, встречаются и в других районах- в Восточном Прикаспии, некоторых районах Казахстана, в Зауралье, Среднем Поволжье. На среднем этапе появляются наконечники стрел другого типа, сделанные из отщепов техникой двусторонней отжимной ретуши. Это уже чисто неолити-

ческая техника, предполагающая полную независимость формы изделия от формы заготовки, т.е., в конечном итоге, более совершенное орудие. Однако, эти изделия полностью вытесняющие в неолитическую эпоху в более северных районах России, архаические пластинчатые наконечники стрел в кельтеминаре, да и в Средней Азии в целом не получают широкого развития и не господствуют до конца неолита.

В некоторых районах, очевидно значительно облесенных в прошлом, на стоянках часто встречаются каменные топоры и тесла, иногда довольно крупные, обычно лишь с зашлифовкой рабочей части. На всех стоянках, сохранившихся в не потревоженном виде культурный слой, имеются изделия из кости- орудия, оружие, украшения (неолитические деревянные поделки, если они не обгорели, не сохраняются). Богатейший комплекс костянных изделий получен при раскопках стоянки Толстова.

Пережиточный характер каменной индустрии культур кельтеминарской общности не позволяет на этой территории провести четкую границу между позднемезолитическим и ранне-неолитическим материалами. Маркирующим признаком начала неолитической эпохи здесь обычно является керамика. В кельтеминаре, как и в джейтунской культуре керамика появляется, видимо, на рубеже VII- VI тысячелетия до н.э. Наряду с джейтунской это, древнейшая в Средней Азии, обожженная глиняная посуда. К сожалению, на стоянках с разрушенным культурным слоем (а они в пустынной зоне составляют подавляющее большинство), она встречается не всегда и, как правило, в небольшом количестве. Вся кельтеминарская посуда вылеплена от руки и обожжена на костре. В отличие от джейтунской, она украшена не росписью, а нарезным и штампованным орнаментом в форме геометризированных поясов. Он наносился по сырой глине до обжига. Роспись минераль-

ными красками также иногда встречается (например, на стоянке Толстова), но она, как правило сочетается с нарезным и штампованным орнаментом. Из орнаментальных композиций наиболее характерны-крупные геометрические повторяющиеся фигуры, заштрихованные волнистыми или прямыми прочерченными линиями, различного рода «лесенки», «елки», зигзаги, «решетки», простой меандр. В позднем кельтеминаре Акчадарьинской дельты широко распространяется орнамент, нанесенный оттисками «качалки» (штамп с закругленным рабочим краем, гладкий или зубчатый) и «шагающие гребеньки». И тот и другой давали вертикальные или горизонтальные орнаментальные пояса в виде зигзага.

Формы сосудов были в целом простыми (вертикально-вытянутые сосуды со слегка отогнутым верхним краем и круглым или приостренным дном, круглодонные полусферические чаши и др.), однако в отдельных районах в разное время встречаются и довольно сложные сосуды – либо в целом, либо отдельные их элементы. На стоянках Акчадарьинской дельты, например, найдены чаши со сливами и трубчатыми носиками. Здесь же встречены сосуды ладьевидной формы, не круглые, а неправильно – овальные в плане. Большинство этих усложненных форм, а также случаи окрашивания и росписи посуды-следствие культурных воздействий раннеземледельческих обществ южных районов.

Керамическая посуда-одно из важнейших изобретений первобытного человека, изобретение, прошедшее через тысячелетия до современности. Для неолитических обществ она означала коренной переворот в способах приготовления пищи и хранения ее запасов. Имеется и другой, связанный с керамикой важный аспект. Керамические орнаментальные элементы и композиции неолитического времени, для которого памятники изобразительного искусства как правило редки, могут явиться важным

источником не только для хронологических и сравнительно-культурных построений, но и в ряде случаев для реконструкции отдельных элементов идеологических представлений.

Как и многое другое в материальной культуре, технические приемы домостроительства кельтеминарцы также унаследовали от предшествующих эпох. Они строили свои жилища-наземные или слегка заглубленные (полуземлянки), прямоугольной или овальной формы, обычно довольно крупные - из дерева, камыша и древесной коры. Эти постройки были на стоянках либо одиночными, либо составляли небольшие (из двух-четырех домов) поселки. Последнее было обусловлено особенностями хозяйства и образа жизни, неодинаковыми в разных районах этой обширной и неоднородной в географическом отношении зоны. Следует учитывать также, что на протяжении голоцена (последние 12-14 тысяч лет) имели место разного масштаба климатические изменения, происходила миграция речных долины дельт и другие естественные процессы. Все это не могло не оказывать существенного влияния на характер расселения и основания территории, отдельные стороны хозяйственной и иной деятельности человека.

2. Локальные культурные варианты

Кельтеминарской культуры.

А) Низовья Зарафшана

Для решения проблем истории заселения и развития материальной культуры каменного века, перспективное значение имеет территория Узбекистана и, в частности, долина Зарафшана. По характеру рельефа, в долине выделяются равнинная, предгорно-горная и высокогорная географические зоны. Они определяют сложное геолого-геоморфологическое строение, природной среды, климатические условия, различный почвенный и растительный покров, а также животный мир.

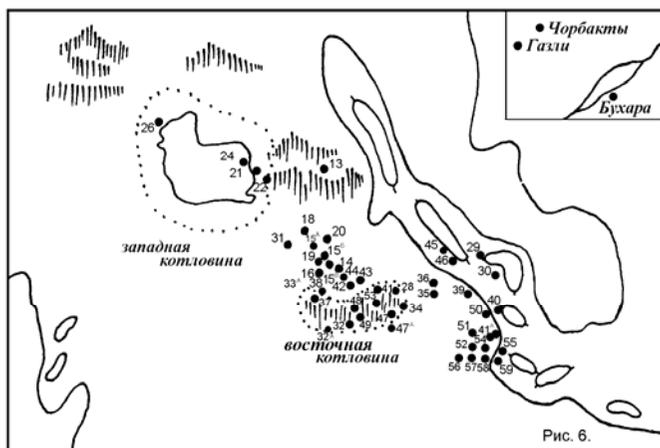
В последнее годы в изучении материальной культуры общности каменного века Зарафшанской долины, в частности, эпох мезолита и неолита, были получены интересные археологические материалы. Так, в низовьях Зарафшана А.В.Виноградовым были открыты ряд разветвленных мезолитических стоянок Чорбакты, Аякагитма, Дарьсай, Эчкиликсай (Виноградов, 1981, с.59). В последующие годы памятники Чорбактинской группы и, полученные в этом районе археологические материалы были всесторонне изучены и введены автором в научный оборот (Холматов, 2007, с.27-44). Начиная с 1995 г., совместной Узбекско-Польской экспедицией изучается стоянка Аякагитма, работы, которые с 2005 года продолжены Узбекско-Французской экспедицией. По кремневым находкам и керамике, памятник датирован концом эпохи мезолита и развитого неолита (Хужаназаров, Брунет, Шимчак, 2006, с.244-250; Брунет Ф., Хўжаназаров М., Хошимов Х. 2012, с.118-125).

На староречьях Зарафшана находится самое крупное в Средней Азии скопление неолитических стоянок. Здесь их насчитывается свыше семисот, из них, к сожалению, лишь единицы с сохранившимся культурным слоем. Это пока единственный в Узбекистане район (исключая, может быть, Устюрт), где представлены материалы всех трех этапов неолита. Анализ расположения разновременных неолитических памятников вдоль ныне сухих русел и протоков позволил воссоздать историю функционирования староречий Зарафшана.

Древнейшей в хронологических рамках неолита является система Эчкиликсай – Дарьсай. Эчкиликсай ответвлялся от основного русла Зарафшана в районе западной оконечности плато Автобачи и западнее Впадины Аякагитма соединялся с системой протоков известных сейчас под названиям Дарьсай. Система Эчкиликсай, Дарьсай не соединялась с Амударьей, заканчиваясь

субэаральной дельтой у подножия юго-западных отрогов хребта Кульджуктау. Люди поселились на берегах Эчкиликсая и Дарьясая видимо еще в конце мезолита, а в раннем неолите население здесь (особенно по берегам Дарьясая) резко возрастает. В конце этого периода вероятно происходит прорыв вод Эчкиликсая во впадину Аякагитма, где начинают формироваться сначала Западная, а потом Восточная Аякагитминские дельты. Постоянное течение по Дарьясаю прекращается.

Одновременно с Аякагитминскими дельтами, южнее формируется система Махандарья-Гуджайли. Она начинается в районе станции Яккакут и прослеживается до Амударьи. Обилие здесь стоянок среднего этапа неолита свидетельствует об активном в этот период их освоении человеком.

Памятники Чирчикской долины

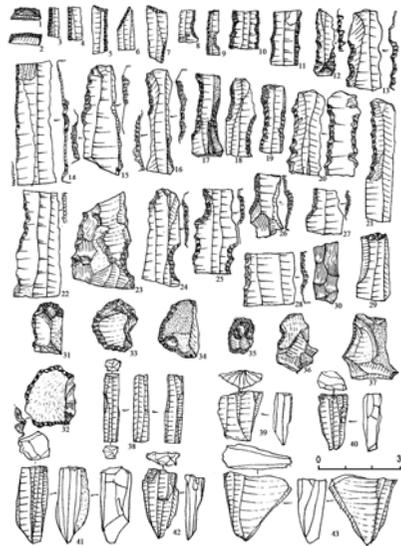
Поздненеолитические материалы известны в Восточной Аякагитминской дельте и на Махандарье. В это время происходит постепенное сокращение стока и общее ухудшение климатической обстановки, хотя обводнение (вероятно эпизодическое) этих протоков происходило, как показывают археологические данные даже в эпоху бронзы,

во 11 тысячелетии до н.э. Недавно в результате археологических исследований были зафиксированы древние русла Чирбактинской долины между северным и южными староречьями Зарафшана. На этой долины были открыты свыше 60-ти стоянок мезолитического и неолитического времени (Виноградов, 1981, с.59,60; Холматов, 1991, с.4-32; Холматов, 2007, с. 44-203).

Топография стоянок – они располагаются цепочкой по берегам ныне сухих протоков не оставляет сомнений в том, что люди селились вдоль «живых», полноводных русел. Почти все стоянки сейчас разрушены интенсивными за последние четыре тысячелетия денудационными процессами. Однако, найдены и не разветвленные (или разрушенные частично) памятники. Одним из них является стоянка Учащи 131 на Дарьясае. На ней – одной из них древнейших кельтеминарских стоянок, удалось исследовать остатки трех больших (10-12x15x17 м, площадь примерно 150-200 кв.м) прямоугольных построек и получить крупную не перемешанную коллекцию изделий из камня, керамики, несколько костяных орудий, а также много костей млекопитающих и рыб. Особую ценность комплексу находок на Учащи 131 придает то обстоятельство, что здесь удалось получить образцы для радиоуглеродного датирования (С 14). Образцы были взяты из торфянистого горизонта, располагавшегося более чем в 2-х метрах выше культурного слоя стоянки. Расчеты показали, что накопление последнего, происходило во второй половине или в конце 6 тысячелетия до н.э. (Виноградов, Мамедов, Сулержицкий, 1977).

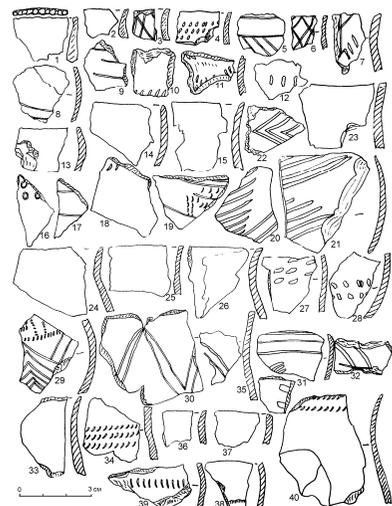
На Махандарье раскопаны две стоянки (Дарбазақыр 1,2) сохранившие культурный слой, обе они относятся к среднему неолиту. На стоянке Дарбазақыр обнаружены остатки наземной прямоугольной постройки того же типа, что и на Учащи 131, только несколько меньшего размера (Исламов, 1966; Коробкова, 1969).

Изделия из кремня нижнезерафшанской культуры типично кельтеминарские (пластинчатая микролитическая индустрия) и развитие их во времени на протяжении по крайней мере четырех тысячелетий соответствует основным закономерностям, установленным для кельтеминара в целом: на раннем этапе широко распространены трапеции, в том числе рогаые, на среднем они исчезают и появляются наконечники стрел кельтеминарского типа. Поздний этап, как и в других районах, изучен плохо (Холматов,

Стоянка Учащи 131.
Каменные изделия

2004, с.17-26). Керамика отличается некоторым своеобразием. На раннем этапе для нее характерны несколько усложненные в том числе реберчатые (обычно только в верхней части) формы, которые однако быстро исчезают, уступая место слабопрофилированным вертикально-вытянутым сосудам и полусферическим чашкам. Орнамент на посуде довольно бедный (в отличие от Акчадарьи) и наносился обычно только на верхнюю треть сосудов.

Чорбакти. Керамика.

Своеобразны нижнезерафшанские неолитические украшения-подвески или бусы. Их делали из мелких плоских галечек овальной формы, просверливая отверстие для на низывания у одного из концов. Такие подвески на территории Узбекистана характерны только для неолита Ферганы. Изредка встречаются украшения из раковин и из камня, в частности из бирюзы.

Б) Низовья Амударьи. Акчадарьинская дельта.

Другой древне дельтовый район, где найдено большое скопление неолитических памятников – это старая правобережная дельта Амударьи. Собственно здесь имеются две дельты: Южная и Северная. Южная Акчадарьинская дельта, начинаясь в районе г.Турткуля, простирается на север и опирается тремя основными руслами и множеством мелких протоков в подножия горного хребта Султануиздаг. Обойдя Султануиздаг с запада, воды Амударьи через узкий Акчадарьинский коридор прорвались на север и образовали здесь Северную Акчадарьинскую дельту, еще более обширную, чем Южная. Обе дельты, также как и обширный район староречий Зарафшана, являются по своим природным условиям частью Кызылкумов.

В Северной Акчадарьинской дельте неолитические материалы практически неизвестны, в Южной находится одно из самых интересных не только в Узбекистане, но и в Средней Азии в целом скопление неолитических памятников (Виноградов, 1968; 1981). Ранний неолит в Акчадарьинской дельте неизвестен, что, скорее всего, объясняется неблагоприятными для заселения условиями (либо крайняя дренированность, либо скорее всего массивированное подтопление). Самые ранние кельтеминарские стоянки относятся здесь к среднему, джанбасскому этапу. Судя по их топографии, в это время в пределах Южной дельты функционировали не только основные русла, но и существовало множество более мелких

протоков, стариц, старичных озер. Существовали обширные заболоченные пространства, а растительный покров был близок тугаям долин и дельт современных среднеазиатских рек (Низовья Аму-дарьи..., 1960). Приуроченность некоторых стоянок к окрестностям внутри дельтовых возвышенностей и к коренному берегу дельты свидетельствует о ее неустойчивом водном режиме.

В пределах дельты открыт и исследован крупнейший кельтеминарский памятник – стоянка Толстова, датируемая средним этапом кельтеминара. При ее изучении, а оно заняло более десяти лет, выяснилось, что постройка, раскопанная С.П.Толстовым на стоянке Джанбас 4, представляет собой не отдельную стоянку, а является флангом большого поселения, состоявшего по крайней мере из четырех наземных и полуземляночных построек. В Южной Акчадарьинской дельте известны и другие памятники, в том числе и позднекельтеминарские, однако равной стоянке Толстова – и по объему полученного материала, и по его сохранности и полноте, и по научной ценности – пока нет.

Пластинчатые микролитические кремневые орудия стоянки типично кельтеминарские. Трапеций там практически уже нет, но много наконечников стрел кельтеминарского типа и единично (они составляют сотые доли процента) встречаются листовидные наконечники стрел, обработанные уже неолитической техникой – двусторонней отжимной ретушью.

Особенно интересна керамика стоянки Толстова и некоторых других кельтеминарских памятников Акчадарьинской дельты. Основная масса найденных здесь фрагментов посуды принадлежит простым кельтеминарским формам; в меньшем количестве, а то и просто единично встречены сосуды для других районов либо не свойственные вообще, либо малохарактерные. Это прежде всего

сосуды с разной, иногда весьма сложной профилировки высокого в основе цилиндрического горла и широким шаровидным или яйцевидным туловом. Выше уже говорилось о чашах с длинными открытыми или трубчатыми носиками и о ладьевидных сосудах, формах, также составляющих особенность акчадарьинского кельтеминара и за пределами дельты встречающихся редко. В последние годы на стоянке найдено несколько уникальных для кельтеминарской общности небольших плоскодонных сосудов.

В орнаментике, наряду с обычными техническими приемами и элементами, имеются и специфические, например желобчатый орнамент, простой меандр как композиционный компонент, довольно многочисленные случаи раскраски и росписи красной и редко желтой краской. Эти не совсем обычные для пустынного неолита элементы явно южного, древнеземледельческого происхождения. Неясным остается только конкретный механизм южных культурных воздействий. Мы не знаем пока в этом и других районах кельтеминарского расселения ни одной Южной импортной вещи. Коллекция костяных орудий показывает высокую степень совершенства обработки. И крупные орудия, и миниатюрные поделки, такие как иглы с ушками, мелкие наконечники гарпунов тщательно вырезаны и зашлифованы. В отличие от нижнезарафшанцев, неолитические обитатели Акчадарьи предпочитали украшения из кости и раковины.

Стоянка Толстова.
Каменные изделия

Мелкие цилиндрические пронизки из полых костей птиц и ископаемых раковин Денталиум встречаются на стоянках сотнями. Использовали и бирюзу, ее месторождение и древние выработки известны в Султануиздаге. В последнее время в ачкадарьинской дельте начались активные поиски и исследования позднекельтеминарских памятников. Найденные стоянки, в том числе одна с частично сохранившимся культурным слоем, позволит в будущем более полно охарактеризовать малоизученный пока поздний этап неолита.

Выше были рассмотрены материалы из двух древнедельтовых районов распространения памятников кельтеминарской историко-культурной общности. В благоприятных ландшафтно-климатических условиях льявляканской плювиальной фазы появилась возможность освоения и внутренних, бессточных областей современных пустынь. Известные сейчас во внутренних Кызылкумах и на юго-восточном Устюрте скопления кельтеминарских памятников по всем основным показателям-количеству, степени концентрации на отдельных участках, обилию материалов - мало чем уступают районам древних дельт. Следует указать, правда, что перспектива обнаружения стоянок с не разрушенным культурным слоем на территории древних дельт, как показала практика, несравнимо выше. Уже указывалось, что крупнейшим и наиболее хорошо изученным из четырех известных во Внутренних Кызылкумах скоплений неолитических стоянок является скопление в районе Льявляканских озер.

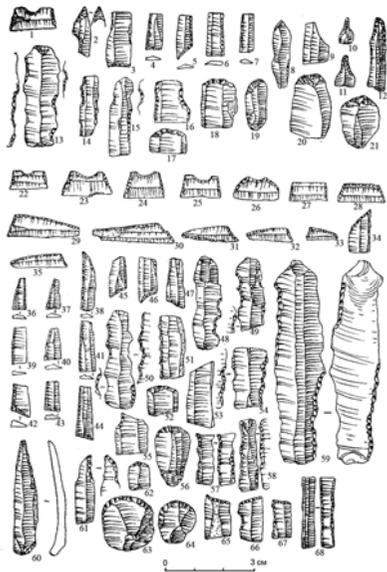
В) Льявлякан (Внутренние Кызылкумы).

Группа соленых Льявляканских озер (всего их более двадцати, Льявлякан -самое крупное) находится в восточной части крупнейшей в Кызылкумах Каракатинской впадины, географически это юго-западные Кызылкумы. Осенью в озерах появляется вода, но она непригодна для питья ни

человеку, ни животным (минерализация до 240 грамм на литр). Летом вода высыхает, и в озерах обнажается слой соли мощностью более двух метров. Грунтовые воды в окрестностях озер также сильно засолены, среднегодовое количество осадков составляет всего 140 мм, пастбища очень непродуктивны. Все это делает район Льявляканских озер крайне непривлекательным для человека (даже на фоне очень суровых природных условий Внутренних Кызылкумов в целом), постоянное население здесь отсутствует.

Вплотную к озерам подходят массивы высоких перебиваемых песков, в дефляционных котловинах которых найдено свыше 300-т пунктов с массовыми или единичными археологическими находками. Подавляющее большинство их относится к концу мезолита и к неолиту. Огромное количество стоянок на очень ограниченной площади и их топография, наличие крупных, очевидно, долговременных поселений, остатки на стоянке Льявлякан 26 крупной наземной постройки того же типа и примерно тех же размеров, что и на стоянках низовьев Зарафшана и Ачкадарьи прямо указывает на то, что в конце мезолита и в неолите по берегам озер существовало постоянное и, вероятно, не малое население (Виноградов, Мамедов, 1975).

Периодизация и хронология льявляканского неолита, разработанная до появления обще кельтеминарской хронологической схемы, не полностью с ней совпадает. По хронологическому объему последней соответствуют этапы I-III льявляканской периодизации (конец VII-III тысячелетия до н.э.), однако они не адекватны трехчленной кельтеминарской схеме. Хронологически ранний кельтеминар соответствует I и II этапам льявляканских древностей, а средний и поздний – III этапу. Это объясняется не формальными причинами (одна схема разработана раньше, другая позднее), а известной спецификой льявляканского материала.

Стоянка Караката (Лявлякан)

Неолит Лявляканских озер занимает по ряду культурных и технических признаков особое место в рамках кельтеминарской историко-культурной общности. Кремневый инвентарь отличается в целом значительно большей микролитичностью. Как и везде в Средней Азии, здесь в конце мезолита - в раннем неолите появляются мелкие симметричные трапеции, но они не составляют, как в низовьях Зеравшана сколько-нибудь значительных серий, а встречаются скорее единично. Рогатые трапеции вообще отсутствуют, что при обилии материала, нельзя считать случайностью. Не без интересно отметить, что в нескольких десятках километрах восточнее, в центральной части Каракатинской впадины неолитические стоянки дали материал совершенно аналогичный ниже заравшанскому (включая рогатые трапеции). То же самое наблюдается и во всех других обследованных районах Внутренних Кызылкумов.

Формы лявляканской неолитической керамики типично кельтеминарские, однако орнамента отличается некоторым своеобразием. В отличие от низовьев Зеравшана и Акчадарьи здесь в среднем и позднем неолите (ранне-неолитическая керамика сохранилась плохо) господствует на прочерченный, определяющий в кельтеминарской керамической орнаментаке довольно редок. Не употреблялся здесь и характерный для позднего кельтеминара прием - оттиски «качалки» и «шагающей гребенки».

Стоянка Лявлякан 26.
Каменные изделия

Своеобразие неолита Лявляканских озер объясняется, несомненно, участием в его сложении каких-то, пока неясного происхождения культурных компонентов, не свойственных другим культурам кельтеминарского круга. Вероятно, особенностями географического положения озер вызвано свойственное права не только Лявлякану, но и ряду других районов Внутренних Кызылкумов, широкое использование бирюзы для изготовления разного рода украшений - (Бус, подвесок и др.). В Кызылкумах открыто около десяти древних горных выработок на бирюзу, на некоторых получены данные о разработке их еще в неолитическое время. На лявляканских стоянках (также как и на Бешбулаке) исследованы остатки мастерских, специализировавшихся на обработке этого самоцвета (Виноградов, Лопатин, Мамедов, 1965; Виноградов, Мамедов, 1975; Виноградов, 1972; 1972 а).

Немногочисленные поздние неолитические материалы возможно хронологически соприкасаются на Лявлякане с группой материалов (керамика), которая условно датирована первой половиной II тысячелетия до н.э. (ранняя бронза). Однако, каких-либо существенных типологических соответствий, позволивших бы предположить участие поздне-неолитического населения в сложении этой несомненно скотоводческой культуры, пока не получено.

Контрольные вопросы

1. Изложите место Кельтеминарской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
2. Изложите специфические особенности каменной индустрии Кельтеминарской культуры
3. Кто всесторонно исследовал памятники Кельтеминарской культуры и изложите основные его научные труды.
4. Изложите сущность хозяйства кельтеминарцев.
5. Изложите хронологии и периодизации Кельтеминарской культуры
6. Изложите характерные особенности керамических изделий Кельтеминарской культуры .
7. Изложите культурные связи, происхождение и судьбы Кельтеминарской культуры.
8. Изложите локальные культурные варианты Кельтеминарской культуры и их результаты исследования.

Использованная литература

- Виноградов А.В. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. – СЭ, 1957, № 1.
- Виноградов А.В. Неолитические памятники Хорезма. – МЭХ, вып.8. – М.: Наука, 1968.
- Виноградов А.В. О локальных вариантах неолитической культуры Кызылкумов. – КСИА, 1970, вып. 122.
- Виноградов А.В. Кызылкумские ювелиры. – УСА. – Л.: Наука, 1972, вып. 2.
- Виноградов А.В. Бирюза, первобытная мода, этногенез СЭ, 1972, №5.
- Виноградов А.В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита кызылкумов. – В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1980.
- Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – ТХЭ, т XIII. – М.: Наука, 1981.

Виноградов А.В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита кызылкумов. – В кн.: Культура и искусство древнего Хорезма. – М.: Наука, 1981.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. – МЭХ, вып.10. – М.: Наука, 1975.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Комплексные исследования в Юго-Западных Кызылкумах. – АО, 1984. – М.: Наука, 1986.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д., Сулержицкий Л.Д., Первые радиоуглеродные даты для неолита Кызылкумов. – СА, №4. 1977.

Виноградов А.В., Лапатын С.В., Мамедов Э.Д. Кызылкумская бирюза (Из истории добычи и обработки). – СЭ, 1965, №2.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1957.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.

Итина М.А. История степных племен Южного Приаралья (конец II- начало I тысячелетия до н.э.). – ТХЭ, т.Х. – М.: Наука, 1977.

Мамедов Э.Д. Изменение климата среднеазиатских пустынь в голоцене. – В кн.: Колебания увлажненности Арало-Каспийского региона в голоцене. – М.: Наука, 1980.

Мамедов Э.Д., Трофимов Г.Н. К вопросу о долгопериодических колебаниях стока среднеазиатских рек. – ПОП. – Ашхабад: Ылым, 1986, №1.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. – СА, 1966, №2.

Массон В.М. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т.х., 1960.

Низовья Аму-дарьи, Сарыкамыш, Узбой. История формирования и заселения. – МХЭ, вып.3. – М., 1960.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М., 1948.

Толстов С.П. Древней Хорезм. – М.: Издательство МГУ, 1948.

Толстов С.П., Итина М.А. Проблема суярганской культуры. – СА, 1960, №1.

Файнберг Л.А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов. – В кн.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

Тема №5 САЗАГАНСКАЯ И ЦЕТРАЛЬНОФЕРГАНСКАЯ КУЛЬТУРА. НЕОЛИТ УСТЮРТА

План:

1. Сазаганская культура и её специфические особенности.
2. Цетральноферганская культура и её специфические особенности.
3. Устюртская неолитическая культура и её специфические особенности.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы история изучения Сазаганской, Центральноферганской и Устюртской культуры, специфические особенности материальной культуры Сазагана, Центральноферганьиской и Устюрта, место Сазаганской, Центральноферганской и Устюртской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знание о спицифические особенности Сазаганской, Центральноферганской и Устюртской культуры

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: Д.Н.Лев, М.Д.Джуракулов, Н.У.Холматов, Т.Ю.Гречкина, А.Р. Замича-тош. Агалык, Сазаган 1, 2, Джангал 1, Тепакул 3,4, Лолаб, Каракамар, Очилгор, от VIII-VII до III тыс. до н.э., Северных предгорьях горного массива Каратюбе (Средний Зарафшан), Б.З.Гамбург. Н.Г.Горбунова, Ю.А.Заднепровским. Г.Ф.Коробковой У.Исламов, В.И.Тимофеев, «Центральноферганская культура», южной (замбарская), тайпакская группы, Сигирчилик, Янгисув 1,2, часть местонахождений янгикадамской группы), центральной (большинство местонахождений янгикадамской группы, Доразкул, Хонабад 1-3 и др.), северной (мадьярская группы), северо-восточной (Сарыксу, Мингбулак), северо-западной (Бувайды). Е.Б.Бижанов, А.В.Виноградов, Актайлак 1, скопление 1; Актобе 2, Чурук 2, скопление 1-2, Чурук 3, скопление 2; Чурук 7; Сулама, Косубулок 5-7; Утебай; Чагала; Демпе 7; Акбулак; Чурук 5; скопление 1,2; Чурук 8,9; Сумбетимер 2-8; Алан 3; Исатай 2.

1. Сазаганская культура и её специфические особенности.

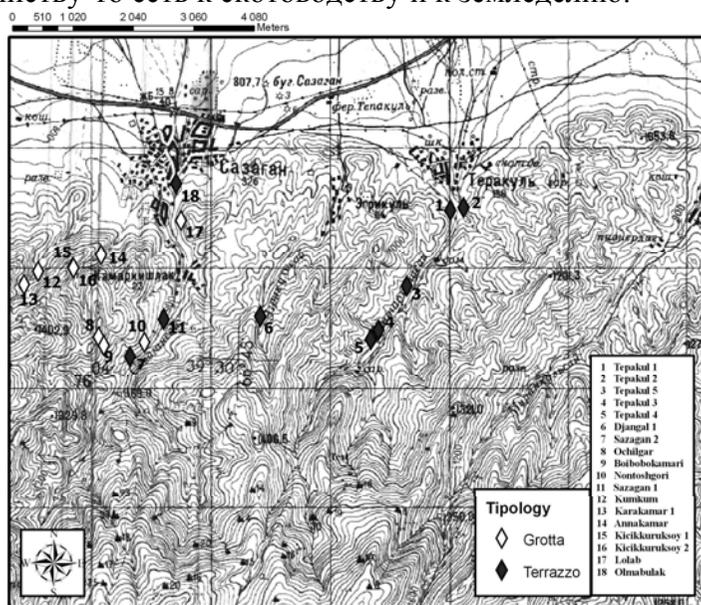
До сих пор речь шла о неолитических культурах равнинных территорий. В начале главы было кратко рассказано о гиссарской культуре в Южном Таджикистане, оставленной неолитическими общинами горных районов – низкогорий, горных долин и предгорий. В той или иной мере близкие ей культуры обнаружены и на территории других республик Средней Азии, в частности в Киргизии и Узбекистане. Значительное своеобразие материальной культуры гор и предгорий Средней Азии обусловлено, очевидно, и спецификой среды обитания и, в конечном итоге наследованием древней культурной традиции, выработанной на протяжении многих тысячелетий в условиях жизни в горах и предгорьях.

В Узбекистане, за территориальными пределами группы культур кельтеминарской историко-культурной общности, открыты и исследованы еще две неолитические культуры – сазаганская и центральноферганская. Памятники первой располагаются в низких предгорьях северных отрогов Туркестанского хребта, недалеко от г.Самарканда, второй, как показывает название, в Ферганской долине, в ее наиболее низкой центральной части.

В результате проведенных комплексных исследований в среднем течении реки Зарафшан и его горного обрамления была выделена и научно обоснована своеобразная сазаганская неолитическая культура (Джуракулов, Холматов, 1991). В настоящее время исследования памятников Сазаганской культуры продолжаются. Изучены новые стоянки Джангал 1, Тепакул 3,4 расположенные в разных долинах северных предгорьях горного массива Каратюбе. Кроме того, обнаружены еще свыше 20-ти стоянок открытого типа, изучение которых еще не начато, более десяти стоянок пещерного типа, в некоторых из которых обнаружены следы культур первобытного времени (Лолаб, Каракамар, Очилгор и т.д.). В процессе исследования этих стоянок были получены новые археологические материалы, которые дали возможность осветить и решить такие актуальные проблемы, касающиеся мезолита и неолита Зарафшанской долины, как культурные связи, культурогенез, зарождение производящего хозяйства (Холматов Н.У.2010, с.90-98.). Дальнейшее изучение материалов сазаганской культуры затрагивает практически все основные проблемы археологии, палеоэкологии, хронологии, палеоклиматологии, а также целого комплекса физико-географических и историко-геологических направлений наук.

Памятники сазаганской культуры открыты и исследуются в северных предгорьях горного массива Каратюбе

(Средний Зарафшан), в районе города Самарканда. Горный массив Каратюбе, на северных склонах, которого находятся стоянки сазаганской культуры (их сейчас свыше 30-ти) прорезан системой глубоких террасированных саев, выходящих на долину. К третьей террасе саев приурочены все известные позднемезолитические и неолитические стоянки. В мезолитическое и неолитическое время, в условиях льяляканской плювиальной фазы (Виноградов, Мамедов, 1975) ландшафтно-климатические условия были здесь еще более благоприятными для обитания человека. В это время выпадало больше атмосферных осадков. Пресная вода, густо растительный покров, богатый животный мир, включающий и степные, равнинные (в том числе и тугайные) и горные виды млекопитающих, несомненно привлекали сюда человека. Более того здесь были необходимые условия для перехода к производящему хозяйству - то есть к скотоводству и к земледелию.

Памятники Сазаганской культуры

Памятники, обнаруженные в долинах северного склона гор Каратюбе, в настоящее время рассматриваются как самостоятельное в рамках «горного» неолита историко-культурного образования (Джуракулов, Холматов, 1991). Сейчас здесь исследованы пять стоянок расположенных в разных долинах. Это Сазаган 1, 2, Джангал 1, Теракул 3, 4. Кроме того обнаружены еще свыше 30-ти стоянок открытого типа, изучение которых еще не начато, более десяти стоянок пещерного типа, в большинстве которых обнаружены следы культуры первобытного времени (Каракмар, пещера Очилик и т.д.).

Все стоянки сазаганской культуры расположены в полосе высот 900-1000 м. Небезинтересно, что эти высоты соответствуют нижней границе распространения памятников гиссарской культуры в Южном Таджикистане. Можно однако полагать, что в процессе дальнейших исследований нижняя граница памятников сазаганского типа гипсометрически смещаются в более низкие части предгорий.

Стоянка Агалык. В 1986 г. Самаркандским палеолитическим отрядом Института Археологии АН РУз. в урочище Агалык была обнаружена новая стоянка каменного века. Урочища Агалык находится в 18 км к югу от Самарканда, в Каратепинских горах, на северных склонах оконечности Зарафшанского хребта. Стоянка Агалык располагается под камнем, известным самаркандским и местным жителям под названием Царь-камень или Сангишо. Глыба возвышается на правом борту сая в месте, называемом Мраморкой на высоте 6-7 м над уровнем воды. С восточной и северной стороны навесы имеют довольно значительные размеры. В 1991 г. начаты археологические работы в восточном гроте. В результате работ было вскрыто 18 кв.м. площади. Определены два культурных слоя. Помимо находок керамики и кремневых изделий, в культурных слоях найдены большое количество фрагментов костей животных, также зафиксированы

остатки двух очагов. Коллекция каменных изделий как первого, так и второго культурного слоев насчитывает 486 экземпляров. На основе типологического анализа каменных орудий стоянку можно предварительно датировать концом мезолита, началом неолита (Худойбердиев Р.А. 1992, с.13-15; Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. 1992, с.16,17.; Холматов Н.У. 2008, 41-бет.).

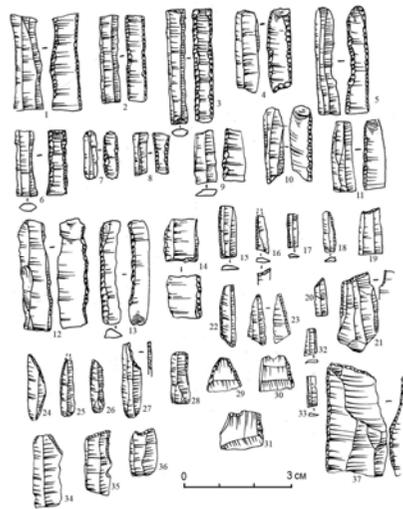
Замича-тош. Грот Замичатош был открыт в 1989 г Самаркандским палеолитическим отрядом ИА АН РУз под руководством Т.Ю. Гречкиной в Ургутском районе. Памятник расположен в 40 км на югу от Самарканда в урочище Севасай, в 4 км. от дороги Самарканд-Китоб, под глыбой изверженной породы. С южной и северной сторон глыба образует навесы. Культурные находки залегают под южным навесом, который образует грот глубиной 4 м., шириной 10 м. За время исследования грота вскрыто всего половина его площади около 30 кв.м. Выявлено два культурных слоя. Коллекция каменных изделий насчитывает 61 экземпляр. В качестве сырья использовался кремний, различных цветов, опал, холцедон, кварцит. Во втором слое обнаружены почти все костные орудия (иглы, проколки, шила). Фауна насчитывает всего 15 видов, среди которых есть как дикие животные: волк, лисица, заяц, медведь, кулан, олень, джейран; так и домашних: лошадь, собака, крупный и мелкий рогатый скот. Сильная микролитизация каменных изделий Замичатоша, большое количество микропластин и без нее, скребки изготовленные на мелких отщепках, говорят о более позднем времени существования памятника, чем верхний палеолит. Скорее всего, он существовал в эпоху мезолита (Худойбердиев Р.А. Гречкина Т.Ю. 1992, с.38-40. Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. 1992,с.16,17).

Стоянка Сазаган 1. Стоянка расположена на второй террасе левого, более пологого склона долины Сазагансая, в южной части селения Сазаган (в 27 км к юго-западу от г.

Самарканда. Нурабадский район, Самаркандской области). Была открыта археологическим отрядом СамГУ в 1966г. В том же году археологической экспедицией СамГУ под руководством Д.Н.Лева были проведены рекогносцировочные работы, в ходе которых были обнаружены остатки культурного слоя. Исследования стоянки проводились и в последующие годы: в 1967-68гг. под руководством Д.Н.Лева, 1969-70гг под руководством М.Ж.Журакулова. Также, в 1971, 1977 гг. на стоянке под руководством М.Ж.Журакулова были проведены небольшие раскопные работы (1972,1977). Полученная на стоянке Сазаган 1 коллекция насчитывает около 2300 экз. и состоит преимущественно из каменных орудий и отходов их производства. Имеется небольшое количество палеофаунистических остатков. Было установлено, что индустрия стоянки принципиально отличается от кельтеминарской индустрии и тяготеет по ряду признаков к кругу горного неолита. Генетически техника каменных орудий связывалась с традицией верхнепалеолитической Самаркандской стоянки. Учитывая все данные, можно считать мезолитической, точнее позднемезолитической дату стоянки вполне приемлемой (Холматов Н.У., Холматов Ю.П. 1979. Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991, с.19-41).

Стоянка Сазаган 2. В 1966 году в том же районе была открыта другая стоянка с материалами аналогичного типа-Сазаган 1 (село Сазаган, 27 км к юго-западу от г. Самарканда. Нурабадский район, Самаркандской области).. Она расположена в 2,5 км выше по Сазагансаю, также на террасе левого берега. Раскопки стоянки проводились в 1971, 1976-82 гг. археологическим отрядом СамГУ им. А. Навои под руководством М.Д.Джуракулова: в ходе работ получена крупная археологическая коллекция - каменные изделия (4800 экз.); костяные орудия; керамика; украшения; палеофаунистические остатки и, впервые, краниологические материалы.

Фрагменты каменных выкладок, расчищенные в ходе раскопок, рассматривались как остатки жилых построек (Джуракулов, Холматов, 1991. с. 41-71,108). Сейчас представляется, что коллекция, полученная при раскопках стоянки Сазаган 2, хронологически неоднородна. Об этом свидетельствуют не совсем ясная стратиграфия стоянки и типологический состав коллекции. Предположительно, эту коллекцию можно рассматривать как содержащую и позднемезолитический и неолитический материал (Джуракулов М.Ж., 1983, с.48-55; Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991, с.41-70.; Холматов Н.У. 2008, 42-бет.).

Стоянка Сазаган 2.
Каменные изделия

археологическим отрядом СамГУ в 1986 году. Раскопками 1986-89 гг. на стоянке вскрыто около 200 кв.м. площади. Типологически коллекция близка к коллекциям других стоянок сазаганской группы. Среди пластин с дополнительной обработкой преобладают с разного рода ретушью, оформляющей частично или полностью прямые или слабо выемчатые рабочие края. Говоря об орудиях на отщепках,

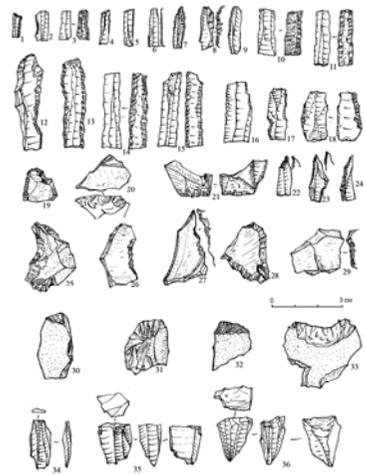
Стоянка Джангал 1.

Стоянка расположена в долине Эгрикульчасая, пересекающего северные предгорья Каратюбе, в 2,5 км выше селения Эгрикульча и в 3 км северо-восточнее стоянок Сазаган 1 и 2 занимает наклоненную к руслу сая площадку второй террасы (Нурабадский район, Самаркандской области). Ниже на первой террасе, находятся небольшой родник и несколько небольших протоков. Стоянка была открыта

необходимо указать на наличие здесь высоких скребков, изделий долотовидной формы, и наконец двусторонне обработанных стрел, галечные орудия. Особый научный интерес представляют найденная на стоянке керамика. Как отмечалось, предположительно неолитическая керамика была найдена ранее на стоянке Сазаган 2. Находки на стоянке Джангал 1 окончательно подтвердили наличие на неолитических стоянках северных предгорий Каратюбе керамики, в том числе и орнаментированной. На стоянке также было получено небольшое количество палеофаунистических остатков. Как и на большинстве стоянок Самаркандской впадины сырьевой базой для изготовления орудий служила галька, в изобилии имеющаяся в некоторых зарафшанских осадках. В минералогическом плане это в основном кремнистый сланец, кварцит, халцедон, кремль и другие кремнистые породы. Состав коллекции стоянки Джангал 1, в первую очередь наличие в ней достаточно выразительной орнаментированной неолитической керамики определяет ее неолитическую дату (М.Д. Джуракулов, Н.А.Аванесова. 1988, с.499;Н.У Холматов 1988, с. 81.82.; М.Д. Журакулов, Н.У Холматов. 1991, с.70-78.; Н.У. Холматов 1991, с 42-43.; М.Д. Джуракулов. Н.У.Холматов. 1991, с.11-16. М.Д. Джуракулов. Амиркулов Б.А., Н.У.Холматов. 1991, с. 4-15; Холматов Н.У. 2008, 42-бет).

Стоянка Тепакул 3 открыта археологическим отрядом СамГУ (под руководством М.Д. Джуракулова) в 1989 году в саяе Тепакуль, в 2,5 км выше селения Тепакуль (Нурабадский район, Самаркандской области). Это довольно крупная долина в северных предгорьях Каратюбе, расположена восточнее Сазагансая (с запада на восток-Сазагансай, Эгрикульчасая, Тепакульсай). Вторая терраса, к которой приурочена стоянка, довольно четко выражена на левом склоне и представляет собой широкую наклонную площадку (80x100 м) высотой около 20 м. Раскопки

стоянки проводились в 1989-94 гг. Общая площадь вскрытого культурного слоя составила 400 кв.м. В процессе раскопки получена крупная археологическая коллекция: каменные изделия, керамики; палеофаунистические остатки (свыше 5000 экз.). Геолого-геоморфологические исследования, проведенные в урочище показали, что изучаемая площадка представляет собой небольшой, но хорошо выраженный конус выноса. В связи с этим на стоянке пока не обнаружено не переотложенного культурного слоя. Кроме того, как и на других стоянках сазаганской группы, по крайней мере верхние горизонты культурного слоя сильно испорчены, главным образом в результате позднесредневековой и недавнего прошлого агро ирригационной деятельности. Следы орошаемого террасного земледелия отчетливо прослеживаются на террасах практически всех саев северных склонов Каратюбе. Установлено, что индустрия стоянки принципиально не отличается от сазаганской индустрии и стоянка входит к кругу сазаганской культуры (Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. 1997; Холматов Н.У. 2012, с.83-106).

Стоянка Тепакул 3.
Каменные изделия

Стоянка Тепакул 4 была открыта археологическим отрядом СамГУ (под рук. М.Д.Джуракулова) в 1995 году, в том же районе с материалами аналогичного типа – Тепакуль 3 (Нурабадский район, Самаркандской области). Она расположена в 250-300 метров выше по Тепакулсаю, также на второй террасе левого берега. Раскопки стоянки проводились в 1995-2003 гг. Общая площадь вскрытого культурного слоя

составила 250 кв.м. Полученная на стоянке Тепакуль 4 коллекция насчитывает около 6000 экз. и состоит преимущественно из каменных орудий и отходов их производства, также керамики и небольшого количества палеофаунистических остатков. Типологический анализ каменных орудий дает возможность стоянку включить к кругу памятников сазаганской неолитической культуры (Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. 2000; Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. 2004, № 4).

Стоянка Тепакул 4.
Каменные изделия

первобытного времени. (кремневые изделия, керамика). В 2001 году вновь продолжены исследования в пещере и были заложены шурфы внутри пещеры и в нижних горизонтах обнаружены кремневые изделия, керамика и кости животных. Типологический анализ каменных орудий показал культурные близость культур стоянки сазаганской группы (Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. 2002, 56-60-бетлар).

Пещерная стоянка Лоллаб была открыта в ходе археологической разведки, проведенной в 1979 году археологической экспедицией СамГУ. Она расположена в 350-400 метрах выше от палеолитической стоянки Олмабулак по Сазагансаю на правом берегу Сазагансая (приблизительно на высоте 40-60 метров от дна Сазагансая) (Нурабадский район, Самаркандской области). В том же году были заложены разведочный шурф, где обнаружены следы культуры

Пещерная стоянка Каракамар открыта археологической экспедицией СамГУ (под рук. М.Д.Джуракулова) в 2000 году в сае Катта Куруксай (село Сазаган, Нурабадский район, Самаркандской области). Это довольно крупная долина в северных предгорьях Каратюбе, расположена в 2 км западнее Сазагансая. Пещера находится на левом склоне сая на высоте приблизительно 15-17 м над уровнем воды. В том же году в проходимой части пещеры были заложены шурфы в размере 8x1 м. Был вскрыт культурный слой на глубину 1,6 м. от репера. При вскрытии культурного слоя были зафиксированы два остатка очагов и в процессе раскопки найдены кремневые изделия, несколько костяных орудий, фрагменты костей животных и птиц. На основе типологического анализа каменных орудий, стоянку можно датировать эпохой мезолита (Джуракулов М.Ж., Холматов Н.У. 2001, 62-68-бетлар).

Пещерная стоянка Очилгор открыта археологической экспедицией СамГУ в 2003 году, в сае Сазаган. Она находится приблизительно на высоте 450-500 метров над уровнем воды над стоянке Сазаган 2 (Нурабадский район, Самаркандской области). Раскопки на стоянке ведутся с 2004 года по настоящее время. В результате раскопочных работ было открыто свыше 120 кв.м. площадки на глубине, местами около 2 м от репера. Стоянка дала очень интересную стратиграфию, которая состоит из 13 литологических слоев мощностью 2 м. При вскрытии культурного слоя зафиксированы отдельные зольные пятна и отдельные угольки, был обнаружены два очагов. Вокруг очага располагались орудия из камня и кости. Также, были получены исключительно интересные материалы каменного века -каменные изделия, керамика, фрагменты костей животных и млекопитающих, птиц. Коллекция каменных изделий насчитывает более 1000 экземпляров. Сырьем для них служили различные породы: кварц, кварцит, гранодиорит, халцедон, мелко-

зернистый песчаник, кремль различных оттенков. Все орудия, которые отличаются мелкими размерами, изготовлены из кремнистых пород. Каменные орудия характерны для более ранних, чем голоценовые, индустрий (Холматов Н.У. 2006, с.220-225; Холматов Н.У. 2008, с.47-48). На основании изучения технико-типологического и статистического анализов каменной индустрии нам удалось разделить последовательность формирования культурных на плоскостаний пещеры Очилгор на два комплекса: 1 комплекс (слои 13-нижняя часть 11); 2 комплекс (слои верхняя часть 11-7).

Стоянка Очилгор.
Каменные изделия.

Группа 1 (нижний горизонт). Обломки, отщепы, чешуйки без ретуши (260 экз.), пластины без ретуши (33 экз.), нуклеидные изделия (26 экз.) представлены нуклеидными обломками, фрагментами ядрищ и нуклеусами различных типов (15 экз.). Среди нуклеусов встречается призматические, конусовидные и дисковидные (2 экз.), карандашевидные (2 экз.). Единичными экземплярами представлены торцевые нуклеусы для

получения средних и малых пластин. Орудийный набор (367 экз.) включает ретушированные пластины (128 экз.); пластины с выемчатым краем (10 экз.); трапеции (2 экз.); сверла на пластинах (13 экз.); широкие пластины архаичного вида (23 экз.); концевые скребки (6 экз.); отщепы с ретушью (81 экз.); скребки (42 экз.), в том числе высокие (2 экз.), дисковидные (3 экз.); ребристые пластины (4 экз.); отщепы с ретушью (63 экз.); скребки (14 экз.); долотовидные орудия (10 экз.); двусторонне обработанный

наконечник стрелы (1 экз.); проколки на отщепах (5 экз.); режущие орудия (4 экз.); галечные орудия (6 экз.); микрооперы (5 экз.); отжимники, отбойники, ретушеры (2 экз.); изделия из кварца (38 экз.).

В орудийном наборе нижнего горизонта четко прослеживается преобладание в отношении технико-типологической традиции верхнепалеолитического времени. Так, значительное место в инвентаре Самаркандской стоянки занимают крупные галечные орудия и пластины. Нуклеусы преимущественно призматические, отмечены и дисковидной формы. Среди скребков преобладают концевые на отщепах, высокой формы (Джуракулов М.Д. 1987, с.63-71, рис.14;17;26.). Они напоминают аналогичные предметы из нижнего культурного горизонта Очилгор. Сходство существует также между долотовидными орудиями, пластинами и пластинками с ретушью. Решение вопроса археологической датировки нижнего культурного горизонта Очилгор, мы намерены проводить традиционным путем, через аналогии. Обратимся к памятникам соседних и близлежащих территорий: хорошо стратифицированных мезолитических памятников Узбекистана - Кушилиш (Исламов У.И.,1970), Обишир 1-5 (Исламов У.И. 1980, с.38-140), Мачай (Исламов У.И. 1975) и материалы Центрально-Ферганских (Исламов У.И.,Тимофеев В.И. 1986, с.17-65), Чорбактинских (Холматов Н.У. 2007, с.27-44) стоянок. За пределами Узбекистана - Туткаул, Ошханы (Ранов В.А. 1975). Обратимся к фактам: Так, призматические, конусовидные односторонние одноплощадочные нуклеусы, клиновидные нуклеусы с торцовым скалыванием, дисковидные нуклеусы, микронуклеусы Очилгора характерны для всех каменных индустрий рассматриваемых памятников. Также сходство наблюдается с технико-типологической точки зрения в присутствии таких орудий, как торцевые скребки на пластинах, скребки высокие на

отщепах с овальным рабочим краем, плоские с овальным рабочим краем, с прямым рабочим краем, микроскребки (Исламов У.И. 1980, табл.ХI-ХIV.). Следует отметить, что скребки на отщепах явно преобладают над скребками на пластинах. Отщепов с выемкой и скобели также характерны для каменных индустрий Очилгора, Обишира 1-5, Кушилиша, Чорбакты. На хронологическую близость рассматриваемых индустрий, несомненно указывает и отсутствие в них геометрических микролитов (всего лишь 4 экз-ра сегменты низких очертаний отмечены в инвентаре Обишир 5). Эти факты дают нам основание датировать нижний культурный горизонт Очилгора мезолитом.

Группа 2 (верхний горизонт). Обломки, отщепы, чешуйки без ретуши (105 экз.), пластины без ретуши (22 экз.), нуклевидные изделия (7 экз.) представлены нуклевидными обломками, фрагментами ядрищ и нуклеусами различных типов (6 экз.). Среди нуклеусов преобладают многофронтальные одноплощадочные формы для получения микропластинок. Гладкие ударные площадки сильно скошены к контурфронту. Орудийный набор (185 экз.) включает ретушированные пластины (53 экз.); пластину с выемчатым краем (1 экз.); сверла на пластинах (3 экз.); широкую пластину архаичного вида (1 экз.); отщепы с ретушью (63 экз.); скребки (14 экз.); долотовидные орудия (5 экз.); двусторонне обработанные наконечники стрел (1 экз.); проколки на отщепах (2 экз.); режущие орудия (2 экз.); галечные орудия (10 экз.); зернотерки (2 экз.); шлифованные топоры (1 экз.); изделия из кварца (32 экз.).

Кроме того, в верхнем культурном слое расчищен очаг, отдельные скопления костей животных, две каменные выкладки округлой формы диаметром около метра каждая. Следует отметить, что подобные каменные выкладки также отмечены в неолитическом слое Кангурттута (Виноградова Н.М., Ранов В.А., Филимонова Т.Г. 2008, с.24-27). Между

четко сформированными группами каменных выкладок обнаружены останки горного козла с полным набором костей. Можно заключить, что наличие подобных «алтарю» каменных возвышений с костями жертвенного животного свидетельствует об уже сформировавшихся тотемистических религиозных воззрениях жителей Зеравшанской долины эпохи неолита.

Орудийный набор верхнего культурного горизонта находит близкие аналогии с орудийными комплексами стоянок сазаганской культуры (Сазаган 2, Жангал 1, Тепакул 3, 4, Лолаб) (Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991, с.41-102; Холматов Н.У. 2010, с.90-98.). Это сходство, а также обнаруженная неолитическая керамика дает нам основание датировать верхний культурный горизонт Очилгора неолитом.

Для нас важно и другое обстоятельство: по нижнему культурному горизонту наблюдается уменьшение конусовидных, дисковидных, призматических нуклеусов, микропластинок, пластинок с притупленным краем, пластинок со скошенным концом, концевых скребков на пластинках, ребристых пластинок, архаичных пластинок, высоких скребков, микроскребков, дисковидных орудий, скребел, резцов, микрочопперов. В то же время, в верхнем культурном горизонте увеличиваются карандашевидные, призматические нуклеусы, микронуклеусы, пластины и микро пластины с ретушью, геометрические орудия, двусторонне обработанные наконечники стрел, скребки на отщепках, проколки на пластинах, шлифованные топоры, плитчатые скребки, галечные орудия. Это дает основание для хронологической последовательности слоев Очилгора от мезолита к неолиту.

В итоге, можно отметить, что в пещерной стоянке Очилгор наблюдается четкая последовательность культуро содержащих горизонтов (нижний-мезолит; верхний-

неолит), включенных в не потревоженную, более чем метровую толщу рыхлых отложений. Также, с нижних до верхних горизонтов памятника прослеживается преемственность в динамике первичной и вторичной обработки каменной индустрии в хронологическом диапазоне IX-IV тыс. лет до н.э. А также, до недавнего времени все изученные памятники сазаганской культуры были связаны с террасами крупных саев северного предгорья Каратюбинского массива. Благодаря исследованию пещерной стоянки Очилгора стали известны памятники пещерного типа. Исследования Очилгор в отличие от остальных памятников сазаганской культуры выявили не потревоженные культурные слои (нижний – мезолитический, верхний – неолитический). Эти факты важны для выяснения генезиса сазаганской культуры. Следует отметить, что в свое время происхождение культур сазаганских стоянок исследователи связывали с Самаркандской верхнепалеолитической стоянкой (Лев Д.Н. 1965, с.106; Холюшкина В.А., Холюшкин Ю.П. 1979, с.18,19; Джуракулов М.Д. 1972. с.56-58, 1983. с.54). Но позже нами было высказано мнение, что нет основания привязки происхождения сазаганской культуры от самаркандской стоянки, по сколько между ними слишком велик хронологический разрыв, то есть отсутствовал мезолитический культурный пласт (Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. 1991, с.113). В последние десятилетия открытие ряда мезолитических памятников: Чорбакты, Каракамар и особенно Очилгор (нижний культурный горизонт) позволили исследователям заполнить эту хронологическую лакуну. Исходя из этого на территории Среднего Зарафшана наблюдается непрерывность развития культур каменного века, что очень важно для определения культурогенеза данного региона. Стало ясно, что неолитическая сазаганская культура происходила и развивалась на основе культур мезолитических

памятников Чорбакты, Сазаган 1, Каракамар, Очилгор (нижний горизонт) и является автохтонной.

Типологический состав коллекции изделий из камня стоянок сазаганской культуры практически идентичен. (Джуракулов, Холматов, 1991). Основой каменной индустрии стоянок сазаганской культуры служило галечное сырьё, получаемое из аллювиальных отложений долины Зарафшана. Главным образом, это были обломки кремнистых сланцев; собственно кремень использовался сравнительно редко. Из небольших удлиненных галек изготавливались нуклеусы для пластинок, в результате «обдирки» галек (отщепы и обломки с коркой) широко использовались для изготовления некоторых категории орудий (скребки, долотовидные орудия и др.). По всем показателям индустрия сазаганских стоянок относится к типу отщепово-пластинчатых. Сделанные из первичных отщепов орудия характеризуются большей частью неправильной случайной формой, в то время как пластины и орудия из них имеют в основном правильную форму и огранку. Другим существенным признаком пластинчатой части этой индустрии является ведущая роль микро и мелких пластин шириной до 1 см. (82%). В настоящее время появилась возможность исследовать проблему хронологии сазаганской культуры на новый фактологической основе. Также проведены более детальные геологические и геоморфологические исследования касающиеся датировки террасового комплекса саев и значительно расширен массив собственно археологических источников. Геолого-геоморфологические данные показывают, что террасовый комплекс сазаганской предгорной равнины и соответствующий ему комплекс террас сазаганская сформировался в голодностепское сырдарьинское время. Третья терраса с сазаганскими стоянками относится скорее всего к голодностепскому времени, а оседание людей на ней

датируется концом голодностепской- началом сырдарьинской эпох, т.е. концом позднего плейстоцена или ранним голоценом. Эти выводы в настоящее время более соответствуют представлениям, полученным на основе археологических данных (Джуракулов, Холматов, 1991). Полученные в ходе раскопок материалы стоянок сазаганской культуры датируются концом мезолита и неолита. Каменная индустрия сазаганской культуры представляет культуру иного от кельтеминара типа, хотя сазаганцы и были хорошо знакомы с пластинчатой техникой, основную часть орудий они делали из небольших отщепов. Среди орудий имеются формы, унаследованные от мезолита (например, небольшие долотовидные орудия, высокие скребки и др.), однако истоки их иные, чем у кельтеминарцев. В небольшом количестве здесь имеются и галечные орудия. Элементы мезолитического характера бесспорно присутствуют в сазаганской индустрии, в наиболее чистом и концентрированном виде представлен на стоянке Сазаган 1, пещерные стоянки Каракамар и Очилгор (нижний культурный горизонт). На ней в отличие от остальных, не найдена неолитическая керамика. При определении раннего хронологического рубежа сазаганской культуры необходимо учитывать общую палеогеографическую и в, частности, палеоклиматическую обстановку Средней Азии. Археологические материалы из равнинных областей Средней Азии показывают жесткую зависимость расселения человека от ландшафтно-климатических условий. Массированное освоение равнин Средней Азии началось в конце мезолита (VII-VI тыс. до н.э.), с началом льявляканского плювиала (Виноградов, Мамедов, 1975). Более благоприятные условия для постоянного обитания было возможно на низко горных останцовых возвышенностях и обращенных на равнину предгорьях, в том числе и низких предгорьях Каратюбе. Так, в пещерных

памятниках у склонов хребта Большой Балхан в западной Туркмении представлены не только позднемезолитические и неолитические, но и раннемезолитические, а возможно и позднепалеолитические материалы (Окладников, 1956, Марков, 1966). Не исключено, что аналогичного возраста памятники будут со временем найдены и в низкогорных возвышенностях Кызылкумов (Султаниуздаг, Букантау, Мурунтау и др.) где при общей крайней аридности климата могли возникать гидрологические и гидро-геологические ситуации, способствовавшие поселению человека. Ландшафтные условия сазаганских стоянок заметно отличались от условий существовавших в аридное, предлявляканское время в Кызылкумах. Можно допускать наличие здесь раннемезолитических и палеолитических памятников. Например, недавно было открыто палеолитическая стоянка Олмабулок (в центре сел. Сазаган).

Очень сложно определить верхнюю хронологическую границу сазаганской культуры, особенно в абсолютных датах. Поздненеолитические материалы для горного неолита и неолита равнин не доброкачественны. В Кызылкумах нет стратифицированных материалов конца неолита. Верхняя граница неолитической эпохи определяется материалами, датируемыми, предположительно, эпохой ранней бронзы (первая половина 11 тыс. до н.э., Виноградов, Мамедов, 1975). В горных районах Средней Азии ситуация, в целом, аналогична. Позднепалеолитические слои маломощные, не выразительны, материал перемешан с находками эпохи поздней бронзы (Ранов, 1985). Следует отметить, что, в отличие и от Центральной Ферганы и Низовий Зарафшана, на северных склонах Каратюбе имеется перспектива уточнения поздненеолитических дат и особенностей культуры этого времени. Это связано с ландшафтно-климатическими особенностями расположения стоянок сазаганской культуры. Так как, северные

предгорья Зарафшанского хребта (в данном случае массива Каратюбе) в климатическом отношении не были аналогичны ни с Центральной Ферганой, ни с Центральным Кызылкумом. Не очень многоводные, но достаточно стабильные источники вод (родники и речки) могли привлекать сюда группы населения, заинтересованных в эксплуатации предгорных и равнинных экологических ниш. В пользу этого, вполне соответствуют материалы стоянок Тепакул 3 и Тепакул 4. Точнее, новые материалы очень близки к материалам культуры Саразма (близ. Пенжикента)

Таким образом, материалы стоянок сазаганской культуры хронологически охватывают период от VIII-VII до III тыс. до н.э. Наиболее важным в материальной культуре сазагана с хронологической точки зрения является развитие изделий из пластин и отщепов, наличие нуклеусов торцевого типа, высоких скребков, выемчатых пластин, пластин со скошенным концом, с резцовыми сколами, долотовидных орудий, двусторонне обработанных наконечников стрел. Точнее, динамика этих типов в рамках территориально замкнутой серии коллекций, бесспорно, имеет хронологическое значение. Так, как увеличение доли пластин и микропластин, в частности, сокращение количества нуклеусов торцевого типа, высоких скребков, пластин с резцовыми сколами, изделий долотовидной формы свидетельствуют о переходе от более раннего к более позднему этапу освоения северных предгорий Каратюбе. На это указывает также постепенное увеличение доли выемчатых пластин, пластин со скошенным концом, низких скребков, двусторонне обработанных наконечников стрел, призматических и конических нуклеусов для пластинок и микропластин. Эти признаки характерны для материалов не только центральноферганских, но и гиссарских, кельтеминарских памятников.

Говоря об относительной датировке стоянок сазаганской культуры, нельзя не обратиться к керамическим находкам. Имеются ввиду, прежде всего фрагменты лепной керамики с орнаментом, характер которого не оставляет сомнений в их неолитическом возрасте. Следует указать, что в материалах стоянки Сазаган 1 (и в материалах раскопок, и в подъемке) керамика, которую даже предположительно можно было бы отнести к неолиту, отсутствует. Однако, она имеется на всех других стоянках этой культуры: Сазаган 2, Джангал 1, Тепакул 3,4. На первых двух, особенно на стоянке Джангал 1 это достаточно выразительная орнаментированная керамика. Мелкие обломки такой же керамики по составу теста, характеру обжига (анализ А.Б.Бобринского, ИА РАН) и форме найдены на стоянках Тепакул 3,4. Керамика эта уже по техническим характеристикам - тонкостенная, рыхлая, плохообожженная-близка находкам на стоянке Учащи 131. Техника нанесения орнамента керамики характерна для равнинных памятников указанного периода, что можно судить по фрагментам, элементам и мотивам орнамента, заключающаяся в применении техники в виде «отступающей палочки», методе вдавливания, насечек, прочерчивания, а также использования оттисков зубчатого штампа. Об орнаментальных мотивах известно мало, по фрагментам можно предполагать, что наряду с простыми повторяющимися элементами и мотивами (можно говорить о «елке» и линиях вдавленности), были и композиции из крупных, иногда неправильных геометрических фигур, заполненных параллельными прочерченными (прямыми) или нанесенными «отступающей палочкой», линиями, мотив которого чрезвычайно характерен для кельтеминара.

Суммируя все приведенные выше данные следует признать, что последовательность: Сазаган 1 (конец мезолита, VIII(?)-VII тыс. до н.э.); Сазаган 2 (неолит (ранний),

VII-V(?) тыс. до н. э.); Джангал 1, Тепакул 3,4, Очилгор (верхний культурный горизонт) (неолит V-III тыс. до н.э.) хронологическая: от ранней к поздней.

В итоге можно сказать нижеследующее: Материалы стоянки сазаганской культуры и вновь открытые памятники: Очилгор, Каракамар, Лолаб позволят осветить характерные особенности неолитической культуры на территории Среднего Зарафшана; Памятники, обнаруженные в долинах северного склона гор Каратюбе, в настоящее время рассматриваются как самостоятельные в рамках «горного» неолита историко-культурных образований. Новые материалы, найденные в данном регионе, не противоречат этому, а наоборот, дополняют и освещают характерные черты сазаганской культуры (VII-VI-III тыс. л. до н.э.); До недавнего времени все изученные памятники сазаганской культуры были связаны с террасами крупных саев. Но последние исследования показали, что население неолитической эпохи предпочитало жить в гротах и пещерах, которые были расположены в ущельях этих же крупных саев. Таким образом, здесь стали известны памятники открытого и пещерного типа; Последние исследования показали что район Каратюбе является своего рода «микро-культурным регионом», где имеются памятники не только неолитического, а также мезолитического (Каракамар, Сазаган 1, Очилгор) и палеолитического (Олмабулак) времени. Это важно, тем, что позволяет выяснить генезис сазаганской культуры. До этого происхождение сазаганской культуры исследователи связывали с Самаркандской верхнепалеолитической стоянки (Джуракулов, 1987), но в то время мезолитический культурный пласт отсутствовал. Открытие мезолитических памятников: Чорбакты (Холматов, 2007) Каракамар, Очилгор позволили исследователям заполнить эту лауну. Таким образом, стало ясно, что сазаганская культура

происходила и развивалась на основе культур выше названных мезолитических памятников и вполне можно считать, что сазаганская культура автохтонна.

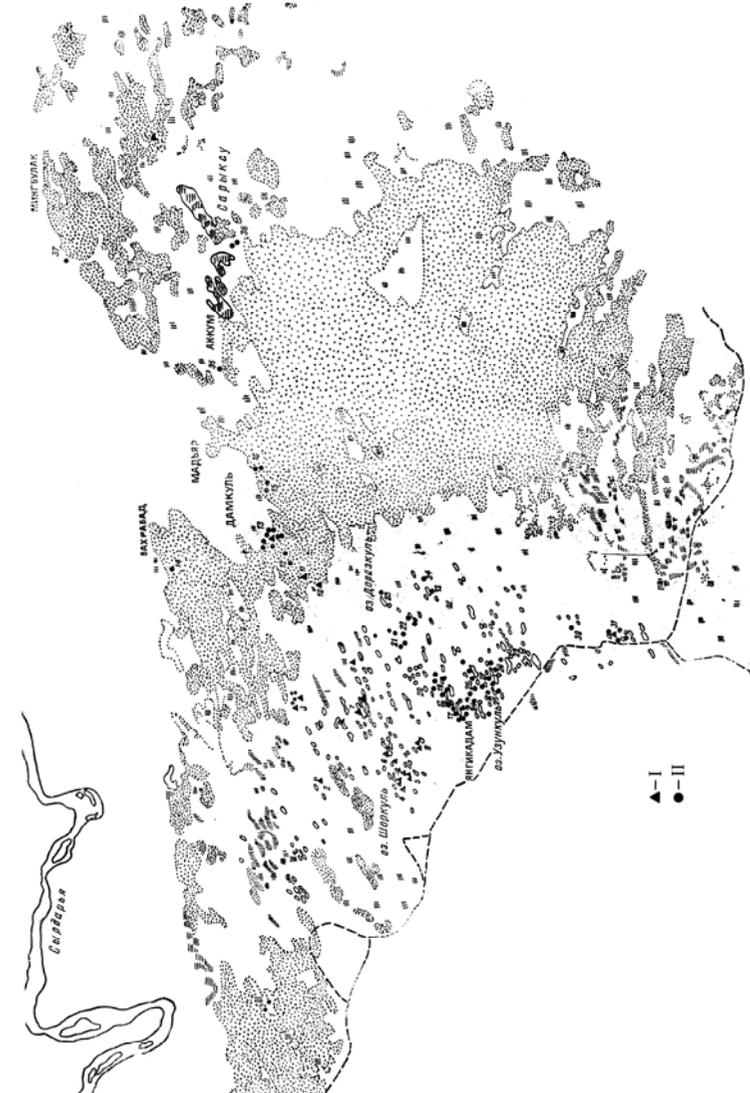
В целом, имеющиеся сейчас данные позволяют рассматривать группу памятников в районе селения Сазаган как материальное отражение совокупности обществ, населявших в конце мезолита и неолите в северных предгорьях Каратюбе и характеризовавшихся определенным культурным своеобразием. Это своеобразие при бесспорном родстве с населением Центральной Ферганы, очевидно обусловлено, и со значительной территориальной разобщенностью и существенными различиями ландшафтно-климатических условий, а также интенсивными контактами сазаганцев с кельтеминарцами низовьев Зарафшана и с неолитическими племенами Юго-Западных Кызылкумов.

2. Центральноеферганская культура и её специфические особенности.

Следующий район массового расселения человека находится на крайнем востоке республики, в Ферганской долине. В ландшафтно-климатическом отношении Фергана представляет собой сложное сочетание тесно взаимосвязанных между собой компонентов горного, предгорного и равнинного ландшафтов. Это нашло отражение и в культурной истории долины.

Центральная Фергана, где сосредоточена основная масса неолитических памятников, представляет собой равнину с довольно крупными массивами сильно засоленных грядовых и барханных песков. Последние являются результатом эоловой переработки осадков, принесенных сюда горными реками - Сохом, Исфарой, Шохимарданом и др. Эти реки питавшие некогда Сырдарью, сейчас почти полностью разбираются на орошение в подгорной полосе.

В древности же разливы этих рек образовывали в Центральной Фергане сложную систему протоков и озер, ныне либо высохших, либо сильно засоленных.

Памятники Центральноферганской культуры
(Карта составлена У.Исламовым и В.И.Трофимовым)

По климатическим показателям Центральная Фергана является типичной среднеазиатской пустыней. Суровость ландшафтно- климатической обстановки усугубилась здесь активными антропогенными процессами, в результате которых был уничтожен древесно-кустарниковый растительный покров (в частности, заросли туранги и саксаула), существенно обеднена фауна.

В начале мезолита люди заселили предгорные и низкогорные районы Ферганы, в конце мезолита и в неолите происходит активное освоение песчаной равнины Центральной Ферганы. Вероятно, это было связано, как и на равнинах Средней Азии, с возникновением здесь в конце мезолита благоприятных для жизни условий.

Первые местонахождения каменного века в Центральной Фергане были открыты в 1958 г. Б.З. Гамбургом и Н.Г. Горбуновой при осмотре района осушенного оз. Дамкуль в Северной части Центральной Ферганы. В 1963, 1964 гг. разведки в Центральной Фергане были проведены Ю.А.Заднепровским. В ходе разведок открыто 21 местонахождений с микролитическим инвентарем и эти материалы обстоятельно охарактеризованы Г.Ф.Коробковой (Коробкова, 1969). В 1965 г. разведки в южной части Центральной Ферганы были проведены У.И.Исламовым. Позднее обследование местонахождений каменного века в Центральной Фергане проводилось неолитическим отрядом Ферганской археологической экспедиции Гос. Эрмитажа и Ферганского областного краеведческого музея в 1967, 1969, 1970 гг. (Тимофеев, 1972). Ферганские материалы рассматривались на широком фоне культур каменного века Средней Азии и близлежащих территорий (Коробкова, 1975; Коробкова, Массон, 1978). Материалы из Ферганской долины опубликованы сейчас довольно детально (Исламов, Тимофеев, 1986), приведенные в публикациях подробные типолого-

статистические данные позволяют проследить эволюции каменного инвентаря на протяжении нескольких тысячелетий. У.Исламовым и В.И.Тимофеевым был употреблен термин «Центральноферганская культура» (так, как памятников ее в отличие от обиширской культуры известны только в пределах Центральной Ферганы). Как известно, все центральноферганские материалы являются подъемными: основой для их хронологии и периодизации является совокупность типолого-статистических и геолого-геоморфологических свидетельств. С населением центральноферганской культуры связывается значительное количество местонахождений (свыше 120), расположенных в различных частях Центральной Ферганы: южной (замбарская, тайпакская группы, Сигирчилик, Янгисув 1,2, часть местонахождений янгикадамской группы), центральной (большинство местонахождений янгикадамской группы, Доразкул, Хонабад 1-3 и др.), северной(мадьярская группы), северо-восточной (Сарыксу, Мингбулак), северо-западной (Бувайды). Все они небольшие стоянки с разрушенным культурным слоем. Набор инвентаря местонахождений центральноферганской культуры довольно стандартен, целый ряд деталей, в том числе и второстепенный, устойчиво повторяется в материалах местонахождений из различных частей Центральной Ферганы. Исключительно высокое развитие получила индустрия микропластин, что следует объяснять широким использованием вкладышевой техники.

Население центральноферганской культуры использовало для изготовления орудий, преимущественно, опалохолцедоновую (на юге Центральной Ферганы) и глинисто-кремнистую породы (в более северных, близких к Сырдарье районах). Обитатели ранней группы стоянок центральноферганской культуры использовали в качестве заготовок для получения орудий преимущественно

отщепы, а позднее преимущественно ножевидные пластины. Существенно, что среди последних решительно преобладают микропластины (ножевидные пластины шириной не более 0,7 см). Их много в каменном инвентаре ранней группы (примерно 60% общего количества пластин), в поздней же группе их количество существенно возрастает (примерно 90%). Это специфическая особенность центральноферганского неолита, не свойственная ни одной из мезолитических и неолитических культур Средней Азии.

Много орудий изготавливалось из отщепов, часть из грубых ножевидных пластин. Это разного рода скребки, проколки, провертки, сверла, резцы и др. Геометрические микролиты для Ферганы не свойственны: изредка встречаются мелкие изделия в форме сегмента и трапеции. Как и в сазаганской культуре, здесь имеются унаследованные от местного мезолита долотовидные орудия, изредка встречаются и галечные изделия.

Центральноферганская культура. Каменные орудия

Керамика на стоянках Ферганы не сохранилась, но и в большом количестве найдены украшения. Они того же типа, что и на староречьях Зарафшана: мелкие, плоские, овальные галечки со сверленным отверстием на одном из концов.

Своеобразие и центральноферганской, и сазаганской культур определяется в значительной степени их географическим положением. Сохраняя и развивая многие культурные признаки, свойст-

венные горному мезолиту, они, вместе с тем, располагаясь на стыке гор и равнин, испытывали постоянное культурное воздействие позднемезолитических и неолитических равнинных культур. Включение в зону хозяйственной деятельности населения предгорий значительных равнинных территорий делало это воздействие ещё более активным и закономерным. В значительной мере своеобразие облика индустрии центральноферганской культуры придают черты не характерные для равнинного мезолита-неолита Средней Азии, но распространенные в материалах памятников горных районов, проявляющиеся в технике скалывания-характерность нуклеусов с торцовым скалыванием, цилиндрических, подкарандашевидных, в отделке микропластин ретушью преимущественно с бруска (Коробкова, 1969, с.140), наличии острий с притупленным краем, долотовидных изделий. Эти черты как утверждает У.Исламов, несомненно объясняются формированием центральноферганской культуры на основе обиширской.

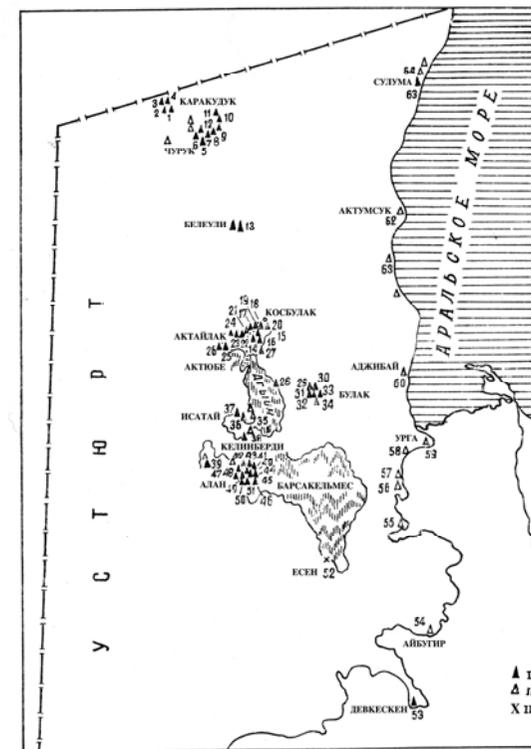
3. Устюртская неолитическая культура и её специфические особенности.

Природные условия Устюрта, входящего в зону среднеазиатских пустынь, характеризуются высокой аридностью и резкой континентальностью. Это волнистая равнина, местами осложненная впадинами и оврагами-каньонами, выходящими к окраинам-чинкам. Песчаный рельеф здесь развит слабо, поздние четвертичные отложения минимальны. Обычно Устюрт относят к особому типу пустынь – каменистых, гаммад. Атмосферные осадки незначительны (90-120мм), подземные воды в основном сильно засолены и приурочены главным образом к районам чинков и впадинам и котловинам внутренних районов. Бесспорно, что современные ландшафтно-климатические условия Устюрта крайне неблагоприятны

для постоянного обитания здесь человека. Приведенные результаты геолого-геоморфологических, палеогеографических и палеоэкологических исследований дают возможность отнести периоды первоначального обживания Устюрта к среднему антропогену. Что касается верхнепалеолитических стоянок, то их можно связать с IV крупнокочковатой террасой, обнаруженной в центре впадины Агыйн и Барсакелмас. Кроме того, верхнепалеолитические стоянки, особенно Чурук-12, связаны со свитой желтовато-серый, загипсованный легким суглинком и супесью почвы, которая покрывает поверхность плато и образована в период хвалынской трансгрессии (15-13 тыс. лет назад). Памятники мезолита и неолита Устюрта зафиксированы в основном в пределах после хвалынской поверхности плато.

Неолитические памятники известны сейчас по всей территории Устюрта. Они также как и мезолитические концентрируются на ограниченной площади и пределах замкнутых урочищ, песчаных массивов и впадин, на берегу русла образных понижений и рек, на поверхности позднехвалынской террасы. В настоящее время выделяются следующие локальные скопления памятников: впадины Джарынкудук; песчаный массив Картпайкум; солончаковый массив Чурук, Айдабол, Актайлак, Исатай; пески Сам-Матай, Аланский массив, урочище Барлыбой; в районе Кугесем и др. Отдельные находки известны на Восточном чинке Устюрта. Всего на территории Устюрта зафиксированы более 1,5 сотни стоянок и местонахождений неолитического возраста. Основная масса стоянок найдена во внутренних районах Устюрта. За отдельными исключениями они приурочены к окраинным частям крупных впадин и понижений, к тем местам, где в периферийных частях последних образуются неглубокие котловины, «заливы», русло образные понижения. Днища

их в настоящее время заняты обычно мокрыми солончаками. Стоянки располагались цепочкой по берегам этих понижений, что свидетельствует скорее всего о расселении человека по берегам «живых» видимо мелководных водоемов с пресной или достаточно пресной для питья водой. Большие скопления неолитических памятников найдены в периферийных частях котловин Чурук, Айдабол, Актайлак, Исатай и ряда других. Среди них и крупные, видимо, долговременные поселения с многими тысячами изделий из камня (Актайлак 1, Айдабол 20, Айдабол 25 и др.) и временные стойбища небольших групп охотников и собирателей (Бижанов, 1978; 1982; 1984, 1996).

Неолитические памятники Устюрта (Карта составлена Е.Бижановым)

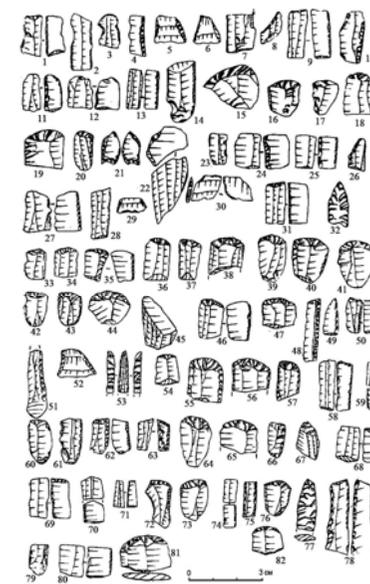
Ни одна из известных сейчас устьюртских стоянок не сохранила культурного слоя, что, скорее всего, объясняет практически полное отсутствие здесь неолитической керамики, изделий из кости и фаунистических остатков.

Как и в большинстве других районов расселения кельтеминарцев, активное освоение человеком плато началось во второй половине мезолита. Это время представлено здесь более выразительными материалами, чем в низовьях Зарафшана. Собственно неолитическая, кельтеминарская эпоха определяется здесь широким распространением мелких симметричных трапеций, в том числе и рогатых. В целом пластинчатый каменный инвентарь близок орудийным комплексам дельтовых областей, однако, естественно, имеются и различия. Так, многочисленные в Кызылкумах изделия в виде параллелограмма, здесь встречаются редко, немногочисленны и низкие ассиметричные треугольники.

Типологический анализ каменных орудий позволил выделить три этапа в развитии неолита Устьюрта: В основу анализа материалов первого этапа была положена хронологическая последовательность бытования двух видов трапеций. Они как бы определяют характер ранне-неолитических и неолитических памятников Устьюрта. К первому этапу можно отнести стоянка с ассиметричными трапециями (Актайлак 1, скопление 1; Актобе 2, Чурук 2, скопление 1-2, Чурук 3, скопление 2; Чурук 7; Сулама). Других изделий, (таких как пластины с притупленным краем, со скошенным концом), свойственных стоянкам первого и второго этапов здесь больше, чем в материалах второго этапа. Встречаются резцы и долото-видные орудия, остря. Для данного этапа характерно большое количество скребков концевых и особенно на отщепах. Последних в два раза больше чем на втором этапе. Аналогичная тенденция наблюдается в ранних слоях пещеры Джебел, где преобладают скребки на отщепах (Окладников, 1956). Редко встречаются двусторонне

обработанные наконечники стрел. Хронологически эта группа синхронно памятникам Дефе-Чаганак, Чагыл, 5 слою пещеры Джебел. И так, на основании сравнительных данных этот этап можно отнести к концу мезолита и раннему неолиту, с которым генетически связаны более поздние этапы.

Второй этап-конец ранне-го неолита-развитой неолит. Материалы этой хронологической группы найдены во многих обследованных районах Устьюрта. В кремневый инвентарь этого этапа в отличие от более поздних неолитических комплексов, входят симметричные трапеции (в том числе «рогатые»), свойственные ранне-неолитическим комплексам Средней Азии. Для данной группы характерны пластины с притупленными концами и спинкой со скошенным концом с выемками. Но их значительно меньше, чем на первом этапе. Сокращается также количество концевых скребков на отщепах. Встречаются двустороннеобработанные наконечники стрел.

Устьюрт. Каменные изделия.

Абсолютную датировку рассматриваемой хронологической группы по аналогичным материалам можно установить в пределах 6-5 тыс. до н.э. На втором этапе кремневый инвентарь продолжает частично сохранять поздне-мезолитические традиции, в частности пластинчатый микролитический облик.

Третий этап (поздний неолит). К нему отнесена часть материала стоянки Актайлак 1, скопление 2,3, материалы которых перемешаны. Хронологический диапазон этой

группы определяется очень широко: IV-III тыс. до н.э. На третьем этапе полностью отсутствуют орудия геометрических форм, уменьшается количество концевых скребков и увеличивается число скребков на отщепах. Двусторонне-обработанные наконечники стрел отличаются разнообразием форм и отделкой (Косубулок 5-7; Утебай; Чагала; Демпе 7; Акбулак; Чурук 5; скопление 1,2; Чурук 8,9; Сумбетимер 2-8; Алан 3; Исатай 2) (Бижанов, 1996, с.20-31).

При изучении неолита Устюрта нельзя не обратить внимания и на проблему культурной принадлежности их памятников. Надо отметить, что после открытия мезолитических стоянок типа Айдабал и Акталак можно считать решенным вопрос о сложении неолита Устюрта на основе местной мезолитической культуры. Сопоставление мезолитических и ранне-неолитических комплексов этого региона, доказывает их несомненную генетическую преемственность. Однако, как считает Е.Бижанов при этом, нельзя отрицать влияния связей ранне-неолитических и позднемезолитических культур Средней Азии и Южного Урала на сложение неолита Устюрта.

Технико-типологический анализ инвентаря Устюртских комплексов, подтвердил, что хозяйство обитателей Устюрта носило присваивающий характер и ведущую роль в нем играла охота. Данные о видовом составе охотничьей фауны внутренних районов Кызылкумов в эпоху неолита позволяют предполагать, что объектами охоты устюртских племен служили в основном крупные животные (клан, сайгак, кабан и др.).

Заключительный этап неолита на Устюрте, также как и в других районах кельтеминарского расселения, известен очень плохо. Мелкие развешанные стоянки с бедными маловыразительными находками, условно относимые к концу неолита, указывают на какое-то кризисное состояние поздне-неолитических общин. Сейчас даже нет возможности сколько-нибудь точно датировать финальный этап неолитического освоения Устюрта. Известно лишь, что во

второй половине II тысячелетия до н.э. здесь появляется пришлое скотоводческое население – носители культур степного бронзы (развитая бронза).

Контрольные вопросы

1. Изложите место Сазаганской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
2. Изложите место Центральноферганской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
3. Изложите место Устюртской культуры в системе неолитических культур на территории Средней Азии.
4. Изложите специфические особенности каменной индустрии Сазаганской культуры
5. Изложите специфические особенности каменной индустрии Центральноферганской культуры
6. Изложите специфические особенности каменной индустрии Устюртской культуры
7. Кто всесторонно исследовал памятники Сазаганской культуры и изложите основные его научные труды.
8. Кто всесторонно исследовал памятники Центральноферганской культуры и изложите основные его научные труды.
9. Изложите сущность хозяйства Сазаганской, Центральноферганской, Устюртской культуры
10. Изложите хронологии и периодизации Сазаганской культуры.
11. Изложите хронологии и периодизации Центральноферганской культуры.
12. Изложите хронологии и периодизации Устюртской культуры.
13. Изложите характерные особенности керамические изделия Сазаганской, Центральноферганской, Устюртской культуры.

14. Изложите культурные связи, происхождение и судьбы Сазаганской, Центральноферганской, Устюртской культуры

Использованные литературы

Бижанов Е.Б. Неолитические памятники юго-восточного Устюрта. – В кн.: Древняя и средневековая культура юго-восточного Устюрта. – Ташкент: Фан, 1978.

Бижанов Е. Б. Находки памятников палеолита на юго-восточном Устюрте. – Вестник КК ФАН РУз. – Нукус, 1979, №3.

Бижанов Е.Б. Мезолитические и неолитические памятники северо-западного Устюрта. В кн.: Археология Приаралья. Вып.1. – Ташкент: Фан, 1982.

Бижанов Е.Б. Памятники каменного века впадины Шахпахты. – В кн.: Археология Приаралья. Вып.2. – Ташкент: Фан, 1984.

Бижанов Е.Б. Каменный век Устюрта. Авт.реф. на соискание д.и.н. – Нукус, 1996.

Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. Неолит среднего течения реки Зарафшан. Вып. 27. ИМКУ, 1992.

Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. Костяные изделия Замичатош и Агалыка. Узбекистан в древности и средневековья. – Самарканд, 1992.

Гулямов Я.Г., Исламов У., АскарOVA. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.

Джуракулов М.Ж. Стоянка эпохи неолита в Сазагане // ОНУ. №8. 1972.

Джуракулов М.Д. Результаты исследований археологической экспедиции Самаркандского госуниверситета им.А.Навои 1979 г. – В кн.: Вопросы археологии, древней истории и этнографии. – Самарканд, 1981.

Джуракулов М.Д. Некоторые итоги исследования неолитических стоянок в селении Сазаган. – ОНУ, 1983, №6.

Джуракулов М. Д., Холюшкин Ю.П. Предварительные результаты статического подсчета и характер развития неолитической индустрии Сазаган-1. – В кн.: Материалы по истории Узбекистана (археология, древняя история, этнография). Труды СамГУ, Новая серия, вып.307. – Самарканд, 1976.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1991.

Джуракулов М.Д., Н.У.Холматов. Джангал 1 – новый неолитический памятник долины Зарафшана. ИМКУ, вып.25. – Ташкент, 1991.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: Фан, 1986.

Лев Д.Н. Итоги работы археологического отряда Самаркандского госуниверситета имени А. Навои в 1966 г. Труды Самаркандского государственного университета, нов.серия, вып. №218. – Самарканд, 1972.

Холматов Н.У. Неолитическая стоянка Джангал 1 (новые данные о культурных контактах населения равнин и предгорья). Тезисы докладов научной конференции, посвященной 50-летию открытия Тешик-Таша. – Ташкент, 1988.

Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 2007. – С.204.

Холматов Н.У. Ўзбекистон неолит даври жамоалари моддий маданияти. – Тошкент: Фан, 2008.

Холюшкина В.А., Холюшкин Ю.П. к вопросу с характере развития мезолитической индустрии Сазаган 1. Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979.

Худойбердиев Р.А. Агалыкская стоянка каменного века. Узбекистан в древности и средневековья. – Самарканд, 1992.

Худойбердиев Р.А. Гречкина Т.Ю. Замича-тош – Новый памятник каменного века. Палеоэкология и проблемы первобытной археологии Центральной Азии. ТДК. – Самарканд, 1992.

Основные памятники Сазаганской культуры

Основные памятники Центральноферганской культуры

Тема №6 ХОЗЯЙСТВО И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА (ОБРАЗ ЖИЗНИ, ЭЛЕМЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА, ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ) НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПЛЕМЕН СРЕДНЕЙ АЗИИ

План:

1. Специфические особенности хозяйства неолитических племен Средней Азии.
2. Духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы специфические особенности хозяйство и духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знание о специфические особенности хозяйство и духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии.

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов, использование инновационных технологий.

Опорные слова и понятия: А.С.Семенов, Г.Ф.Коробкова, Цалкин, Ермолова, Б.Х.Батыров, охоты и рыболовства, домашняя коза и овцы, Джебел, Дам Дам-чешме 2, Учаши 131, Дарбазакыр 2, базовые поселения-долговременные, наземные поселки, стоянка Толстова, Могильник Тумеккичиджик, Коксожол, Наскальное изображение, петроглифы, Дж.Кабилов, М.Хужаназаров, А.Оськин, Зараутсай, Шахты, Сармишсай, Ходжакент, Аркар.

1. Специфические особенности хозяйства неолитических племен Средней Азии.

Основой экономики неолитического населения большей части равнин Средней Азии на всем протяжении неолита продолжали оставаться присваивающие направления хозяйственной деятельности – охота, рыболовство, собирательство. Естественно, что удельный вес каждой из этих отраслей, в первую очередь основных в Средней Азии – охоты и рыболовства был неодинаков в разных районах Узбекистана, в разных экологических условиях. Прямые источники такие как кости млекопитающих, птиц и рыб, яичная скорлупа, створки съедобных моллюсков, растительные остатки, а также косвенные – каменные и костяные орудия охоты и рыболовства, орудия, связанные с обработкой пищевых продуктов, различного рода данные о древних ландшафтно-климатических обстановках (в первую очередь о водных источниках, растительном и животном мире) – позволяют в отдельных случаях реконструировать некоторые особенности хозяйственной деятельности неолитических обществ отдельных районов. В последние десятилетия важным источником такого рода стали результаты трассологических исследований – изучения следов сработанности на каменных и костяных орудиях, дающего, вместе с экспериментальными данными, возможность определения функционального назначения орудий (Коробкова, 1969; Семенов, Коробкова, 1983).

Наиболее полно хозяйственная деятельность неолитического, кельтеминарского населения на территории Узбекистана изучена по материалам исследований в Акчадарьинской дельте, в особенности по результатам раскопок стоянки Толстова. Напомним, что в период обживания дельты человеком (конец V-III тысячелетия до н.э.) она была многоводной. Кроме трех основных, крупных русел, здесь периодически функционировало множество мелких протоков, существовала сложная система стариц, старичных озер различной величины и конфигурации, затопляемых паводками или заболоченных участков. Такому обилию и разнообразию водных источников соответствовали буйная травянисто-кустарниково-древесная растительность, в основном, видимо тугайного типа и богатый животный мир (Низовья Аму-дарьи..., 1960).

Территория с такого рода ландшафтами была ограничена с юга и востока возвышенным коренным берегом дельты. Сейчас здесь простирается безжизненная песчаная равнина Внутренних Кызылкумов. Однако, для периода лявляканского плювиала, специалисты реконструируют ландшафтно-климатические условия близкого к степным типа. Есть основание предполагать, что здесь был значительно более богатый травостой, местами, возможно кустарниковая и даже древесная растительность, а на днищах впадин и котловин очень характерных для рельефа Внутренних Кызылкумов, существовали сезонные или постоянные мелководные пресные озера (Мамедов, 1979; 1980). Естественно, что таким ландшафтам соответствовало особое отличное от дельтового, тугайного фаунистическое сообщество. Таким образом, на сравнительно не большом пространстве (стоянка Толстова находится в 15-20 км от коренного берега дельты) существовали две существенно отличающиеся друг от друга экологические зоны: «живая» дельтовая и равнинная степного типа. О

том, что они составляли в неолитическое время единую, совокупную зону хозяйственной, прежде всего охотничьей деятельности, свидетельствуют материалы стоянки Толстова.

В ходе раскопок стоянки, с площади жилых построек и, особенно с территории так называемых хозяйственных зон (значительных по площади участков, примыкающих к постройкам), где в больших ямах были сосредоточены пищевые отходы, получена крупная коллекция костей млекопитающих. Основная их масса была сильно раздроблена (с целью извлечения костного мозга), многие дали возможность определить вид животного. На стоянке найдены остатки быка, благородного оленя, верблюда, кабана, кулана, джейрана, зайца, лисицы, собаки, а также ряда мелких непромысловых млекопитающих и грызунов. Все перечисленные виды, исключая собаку, определены как относящиеся к дикой фауне. Они отчетливо делятся на две группы, соответствующие двум указанным выше экологическим зонам. Благородный олень, косуля, кабан-обитатели дельты. Олень (бухарский или тугайный) и кабан сохранились в дикой фауне Узбекистана до современности. Быку, верблюду, кулану, сайге, джейрану свойственны либо только степные (бык), либо степные или пустынные открытые ландшафты. Бык, верблюд и кулан в современной дикой фауне Узбекистана не сохранились.

Большой интерес представляют найденные не только на стоянке Толстова, но и наряду других неолитических памятников пустынных равнин Средней Азии кости диких быков и верблюдов. Бык в ряде случаев определяется более точно, как тур, предполагается, что остатки верблюда принадлежат бактриану, двугорбому верблюду. Высказывавшиеся ранее предположения о местном среднеазиатском и довольно раннем одомашнивании этих животных не получили развития из-за отсутствия здесь достоверных

находок их диких предков. (Цалкин, 1970; Ермолова, 1970). Сейчас открывается перспектива для возобновления такого рода исследований. Вместе с тем, отсутствие в неолитическое время на территории Узбекистана и Средней Азии в целом остатков дикой лошади хорошо согласуется с современными представлениями о ее заимствовании в Средней Азии в одомашненном виде в более позднее время.

Другие стоянки Акчдарьинской дельты кроме уже приведенного выше списка объектов охотничьего промысла, добавляют в него в одном случае также безоарового козла. Если это определение верно, то можно говорить о включении в сферу хозяйственной деятельности еще одной, третьей экологической зоны, так как безоаровый козел типичный представитель фауны гор и предгорий. Эта зона представлена здесь низкогорным хребтом Султануиздаг, ограничивающим Южную Акчдарьинскую дельту с севера.

Сходство экологических условий Акчдарьи и староречий Зеравшана обусловили близость видового состава охотничьей фауны. Из видов, неизвестных в Акчдарьинской дельте, здесь встречен только степной баран. Существенно, что остатки дикого быка, найденные здесь на двух стоянках, в обоих случаях определены как принадлежавшие быку-туру (Виноградов, 1981).

Крайне скуден материал из вне дельтовых областей. На Устюрте кости животных были уничтожены полностью, во Внутренних Кызылкумах (Лявлякан, Бешбулак) их очень мало. Здесь найдены остатки представителей только степной или пустынной фауны – кулана, сайгака, диких овцы или козы.

В других районах Узбекистана неолитические остатки млекопитающих найдены только на стоянках сазаганской культуры, главным образом на стоянке Сазаган 2. Уже говорилось выше, что культурный слой стоянки оказался

сильно испорченным более поздними земляными работами. Соответственной этому оказалась и коллекция костей млекопитающих. По костям определены домашние животные: мелкий и крупный рогатый скот, лошадь, осел, верблюд, собака (верблюд-предположительно домашний), Дикая фауна представлена некоторыми видами мелких млекопитающих, а также куланом, джейраном и благородным (бухарским) оленем. В перечне домашних животных есть виды одомашненные в Средней Азии или заимствованные уже в доместичированном виде бесспорно уже в после неолитическое время. Это лошадь, осел и вероятно, верблюд. В связи с этим вызывает сомнение связь с позднемезолитическим – раннеолитическим материалом и остатков домашних крупного и мелкого рогатого скота: нельзя полностью исключать того, что это тоже поздняя примесь. Для мезолита и неолита Средней Азии имеются и другие случаи, они связаны как правило, либо с нечеткой стратиграфией памятников (поздние перекопы, частичное разрушение и др.), либо с недоброкачеством определяемого материала (малое количество костей или их сильная фрагментарность), либо, наконец, с недоброкачеством (невысокой профессиональностью) самих определений. Специалисты – палеозоологи признают, что выделение домашних видов по часто очень фрагментарным ранним коллекциям фаунистических остатков дело чрезвычайно трудное и положительные определения далеко не всегда имеют безусловный характер. (Цалкин, 1972; Ермолова, 1977). Однако, при этом не во всех случаях придерживаются правила: рассматривать сомнительное как отрицательный результат. Не без грешны и археологии, выдавая иногда в погоне за сенсацией, это сомнительное, предположительное, за бесспорное. Учитывая важность этой проблемы в изучении истории населения неолитической эпохи, кратко рассмотрим другие свидетельства

скотоводческого уклада в мезолите и неолите Средней Азии (за пределами распространения памятников джейтунской и гисарской культур).

На территории Узбекистана кости домашних животных определены в мезолитических памятниках – стоянке Кушилиш (на территории Ташкента, предположительно коровы) и пещере Мачай в Южном Узбекистане. В материалах раскопок последней в 1938-1942 гг. зафиксированы кости крупного и мелкого рогатого скота, домашних свиньи, верблюда, домашней птицы; при раскопках 1970-1971 гг. здесь найдены остатки крупного и мелкого рогатого скота. Данные ранних раскопок заслуживают столь же мало доверия, что и материалы стоянки Сазаган 2. Несколько более определены, хотя и не бесспорны, учитывая крайне сложную стратиграфию памятника, материалы более поздних исследований (Исламов, 1975).

На территории Туркмении такого рода данные получены из пещерных памятников Джебел и Дам-Дам-Чешме 2 (Красноводская обл.). Домашняя коза из Джебела определена лишь предположительно, в Дам-Дам-Чешме 2 кости бесспорно домашних козы и овцы найдены в 4-м слое (Марков, 1966). Неясно лишь относятся они к мезолиту (4 слой «низ») или к неолиту (4 слой «верх»), что, однако, в данном контексте принципиального значения не имеет.

Подводя итоги этому краткому обзору, можно сказать следующее. Имеющиеся сейчас источники свидетельствуют, что наличие скотоводческого уклада в хозяйстве неолитического населения на территории Узбекистана является проблематичным, хотя исключать такую возможность – ни в виде заимствования, ни в форме успешных попыток местной доместикации, в первую очередь мелкого рогатого скота- ни в коем случае нельзя. До получения

новых, более надежных данных можно предположительно говорить о неустойчивых очагах скотоводства, о его спорадических проявлениях в это время в отдельных районах.

Оценивая состояние нынешних источников и говоря более конкретно, можно предположить наличие у отдельных неолитических общин тех или иных размеров стад домашних животных. Проблема заключается в том, почему на большей части равнин и в предгорьях севера Средней Азии, в том числе и на территории Узбекистана, не происходило, как это было у джейтунцев, постепенного, от поколения к поколению закрепления и совершенствования навыков содержания стада, улучшения породы, расширения видового состава и др., то есть тех процессов, которые привели бы, в конечном итоге к появлению устойчивого уклада, направления в хозяйстве, а затем к перестройке экономики. Трудно предполагать, что ни в одном из районов этой обширной и отнюдь не единообразной в природном отношении территории не существовало устойчиво благоприятных для занятий скотоводством условий, хотя, в целом, природный, ландшафтно- климатической потенциал начальных форм скотоводства не был видимо столь стабильным, как в подгорной полосе Копетдага, был более подвержен периодическим (внутривековым и др.) колебаниям климата и изменениям, в связи с этим, обводненности, продуктивности пастбищ и других существенно важных природных компонентов. Учитывая определенную степень разобщенности, изолированности неолитических общин и отсутствие значительных скотоводческих массивов, каждое сколько-нибудь существенное стихийное бедствие, особенно многолетнее, (иссушение водоемов, ухудшение пастбищ, понижение эффективности охот, эпидемии, неудачные военные действия) могли привести к исчезновению стада. В отдельных случаях весь домашний

скот видимо просто съедали. Напротив, при наступлении благоприятных условий, местная традиция благоприветствовала и содержанию в неволе молодняка диких животных, и разведению заимствованного домашнего скота.

Рассматривая проблему, следует учитывать еще два обстоятельства. Во-первых, переход к производящим формам хозяйства, делу сложному и, на начальных этапах малоэффективному, не везде обуславливался острой экономической необходимостью. В ряде районов, в первую очередь в дельтовых, где благоприятные для охоты и собирательства экологические условия, позволяли также интенсивно и круглогодично заниматься и рыбной ловлей, уровень обеспеченности пищевыми продуктами был во всяком случае не ниже, чем у ранних джейтунцев. Заметим, в связи с этим, что всё исключая Кушилиш, достоверные и малодостоверные сведения о начальном скотоводстве происходят из пещерных памятников, то есть из низкогорий и предгорий. Эти районы, а также, видимо, внутренние области современных пустынь являлись, скорее всего наиболее вероятной для такого экспериментирования зоной.

Естественно, сказанное выше, хотя оно в отдельных случаях и может быть подкреплено этнографическими данными, имеет гипотетический характер. Нельзя забывать, что палеофаунистические коллекции с неолитических памятников все еще очень редки и бедны. Не исключено, и об этом уже говорилось выше, что новые материалы заставят существенно пересмотреть нынешние представления. Думается, учитывая территориальную близость развитых земледельческо-скотоводческих обществ, речь пойдет в большинстве случаев не о местной домостикации, а о заимствовании. Тем более, что неустойчивые процессы местного одомашнивания могли и не найти отражения в археологическом материале, так как изменения в форме

костей (морфологические признаки одомашнивания) появляются только на определенном этапе домашнего содержания скота.

Рыболовство у неолитических племен Средней Азии также лучше всего, изучено по материалам из Акчадарьинской дельты. Полученная на стоянке Толстова, коллекция костей рыб является одной из самых крупных в Узбекистане коллекций такого рода. Определен видовой состав промысловых рыб: щука (86%), сазан (8,6%), сом (3%), судак (2%), а также в меньших количествах лещ, красноперка, жерех и плотва. На других стоянках найдены также остатки туркестанского усача и язя. Все эти виды характерны и для современной ихтиофауны низовьев Амударьи (Виноградов, 1981). По мнению специалистов видовой состав свидетельствует о промысловых водоемах озерного типа с прозрачной водой и обильной подводной растительностью. Очевидно, в данном случае речь идет о дельтовых старичных озерах. Абсолютное преобладание в уловах щуки объясняется не преобладанием ее в неолитической ихтиофауне, а тем, что ее можно было ловить круглый год и в особенно значительных масштабах – во время нереста, который продолжается дольше, чем у других рыб и происходит в мелких местах (Никольский и др., 1952; Лебедев, 1952).

Некоторые данные имеются и о способах лова. Биологи, основываясь на видовом составе предполагают, что он осуществлялся главным образом колющими орудиями, а также, вероятно, и на крючки. Первое предположение полностью подтверждается находкой на стоянке Толстова крупной коллекции колющих орудий, сделанных из кости. Наиболее интересны наконечники гарпунов – небольшие, уплощенные в сечении, тщательно отделанные изделия с одним или двумя острыми шипами, обычно по одной стороне. В коллекции множество

разнотипных по форме насада колющих незубчатых наконечников. Предполагается, что и те, и другие могли использоваться и для добывания рыбы, и для охоты. Скорее всего, судя по размерам орудий, незубчатые наконечники использовались преимущественно при сухопутных охотах и добывании водоплавающей птицы (на стоянке Толстова найдены кости кряквы, нырка, чирка, баклана и ряда других водоплавающих), а гарпуны прежде всего на рыбной ловле.

Гарпуны появились еще в верхнем палеолите и получили широкое распространение в мезолите. Как свидетельствуют этнографические данные из Южного Приаралья, в низовьях Амударьи они еще в недавнем прошлом использовались как для дневной, так и для ночной добычи рыбы, в том числе с помощью лодки или плотика, ночью – при свете камышевого факела. О том, что неолитические обитатели Акчадарьинской дельты владели какими-то средствами передвижения по воде, можно предполагать с уверенностью.

Рыболовные крючки неолитического времени на территории Узбекистана (да и вообще в Средней Азии) пока не найдены. Возможно, как свидетельствуют этнографические данные, а также археологические находки с других территорий, они были не цельными (скажем костяными), а комбинированными, составными. Имеются некоторые данные, свидетельствующие об употреблении сетей – каменные рыболовные грузила изредка встречаются на кельтеминарских стоянках. Для привязывания грузил на них выбивался желобок или сверлилось отверстие. Судя по их массивности, использовались сети типа неводов.

Некоторые, правда довольно отрывочные данные имеются и о собирательстве-добыванию животных и съедобных растительных продуктов. На многих кельтеминарских

стоянках найдены (преимущественно в обломках) терочные камни для перемалывания разного рода растительных остатков, в том числе, возможно и зерен дикорастущих злаков. Косвенным подтверждением этому является находка на стоянке Толстова костяной основы жатвенного ножа, близкого по типу серпам раннеземледельческих культур Юго-Западной Туркмении и Передней Азии.

Имеются и прямые свидетельства о занятиях собирательством. Так, на стоянке Толстова найдены обуглившиеся косточки лоха (джийды). Плоды лоха могут храниться длительное время без всякой консервации и переработки. В диком виде он и сейчас характерен для прирусловых тугаев Амударьи. Там же найдена во множестве скорлупа яиц (очевидно широко практиковался сбор птичьих яиц) и обломки створок съедобных пресноводных моллюсков.

Обычно с развитыми формами собирательства (сбор и обработка дикорастущих злаков) связывают появление начальных форм возделывания злаковых-начало земледелия. На территории Узбекистана никаких, сколько нибудь заслуживающих внимание свидетельств начальных форм земледелия пока не найдено. Можно, однако, предполагать, что, если такие попытки и были, то они скорее всего имели место не в дельтах, где отсутствовали стимулы для развития сложного, но малоэффективного на первых порах направления, а в предгорных и подгорных районах, а также, возможно, в отдельных районах внутренних бессточных областей, где в эпоху льявляканского пльвиала могли возникать подходящие для этого условия.

Естественно, что удельный вес каждого из рассмотренных выше направлений в системе жизнеобеспечения был неодинаков в разных районах и находился в прямой зависимости от особенностей природной обстановки. На Устюрте и во Внутренних Кызылкумах решающую роль

безусловно играла охота и соответственно, образ жизни обитавших здесь общин, который был более подвижным, чем в дельтовых областях Амударьи и Зеравшана. В последних, судя по предварительным данным, рыболовство было, если не основным, то по крайней мере, весьма существенным источником получения пищевых запасов. В предгорьях в Фергане, где природные ресурсы были более многообразными, существенную роль могла играть, наряду с охотой и более результативным, чем в других районах собирательством, также и рыболовство. В предгорьях близ Самарканда также природные ресурсы были более многообразными, наряду с охотой и собирательством наблюдаются данные о зачатках производящих хозяйств.

Значительно место в экономике неолитических обществ занимали придомные производства, связанные с обработкой камня, кости, дерева, раковин и некоторых других материалов. Конечной целью этих производств было приготовление орудий для охоты, рыболовства и собирательства и для переработки продуктов этих отраслей хозяйства, а также для сооружения жилых и иных построек, а в районах дельт и различных приспособлений для передвижения по воде. Одним из важных занятий в неолитическое время стало изготовление керамики: подготовка материала, формовка сосудов, их обжиг.

В заключение нельзя не сказать о началах горной деятельности, особенно о неолитических разработках кремня. В предшествующие периоды каменного века кремень и другие породы поделочного камня разрабатывались преимущественно с поверхности, неглубокими ямами или в естественных осыпях, трещинах или расщелинах. В неолите появились настоящие шахты – с вертикальным стволом, подбоями, а в отдельных случаях штольнями и штреками. Один из самых интересных памятников такого рода открыт и исследован на

территории Узбекистана. Это древние шахты Учтут в отрогах Нуратинских гор (Касымов, 1972; Мирсоатов, 1973, 1977). Здесь исследовано 35 шахт диаметром от 1 до 5 метров и глубиной до 6 метров. В нижних частях, где в известковистой породе имелись крупные (до 0,5 метр) включения кремня, шахты существенно расширялись и там одновременно могли работать несколько человек. В заполнении шахт найдено много орудий, связанных с проходной и извлечением кремневых желваков, в том числе специфические для неолита горнопроходческие орудия из рога благородного оленя. Многие из этих изделий показывали следы сильной сработанности. Огромное количество отходов указывает, что здесь же производилась и первичная обработка кремня. Экспериментальные исследования проводившиеся в широких масштабах в процессе раскопок показали, что проходка одной шахты диаметром в 1 метр, глубиной от 5 до шести метров и площадью дна до 10 кв.м. требовала приложения усилий двух человек в течение примерно 10 дней. Если учесть, что при этом было необходимо изготавливать в большом количестве орудия проходки и для извлечения включая кремня, то эти сроки (и проходка, и эксплуатация шахты) могли достигать месяца.

Общая площадь занятая шахтами неолитического времени, составляет не менее 8 тысяч кв. м., из них сейчас раскопаны около 1 тыс. кв.м. Исследователи памятника предполагают, что на Учтуте было не менее 260-270 шахт и, что разработка их велась в течение длительного времени. Предполагается, что выработки Учтут находились в пользовании одного и племен кельтеминарской культурной общности.

Разработки кремня, кремнистого сланца и кварцита имеются и в других районах Кызылкумов. В горах Султануиздаг, на территории Акчадарьинской дельты,

открыто и частично исследовано месторождение кремня, разрабатывавшееся двумя крупными карьерами, соединенными штольней. Древнейший этап разработок здесь также относится к неолитическому времени (Виноградов, 1968).

Наименьший интерес представляют и древние горные выработки на бирюзы. Некоторые из них, как это документально доказано, также восходят к неолитическому времени. Больше всего их на территории Кызылкумов (в горах Султануиздаг, Тамдытау, Букантау, Ауминзатау, Кульджуктау), известны они также и в других районах, в частности, в Фергане и Самаркандской области. (Виноградов, Лопатин, Мамедов, 1965). Характер и масштабы неолитических работ на этих месторождениях пока не совсем ясны, так все они широко разрабатывались позже. Особенно интенсивно в средние века.

Украшения из бирюзы встречаются на многих неолитических стоянках Узбекистана, но особенно много их на Кызылкумских в районе Лявляканских озер и Бешбулакской впадины. Здесь в широких масштабах велась и обработка бирюзы и некоторых других поделочных камней. На площади стоянок и за их пределами найдены своеобразные мастерские – крупные скопления отходов (иногда их насчитывается тысячи), бракованных изделий из бирюзы и кремневых орудий для ее обработки, главным образом миниатюрных сверл (так называемые плечиковые микросверла) для проделывания сквозных отверстий в бусах и подвесках. Таких микросверл в мастерских Бешбулака и Лявлякана найдено многие сотни. Недавно, впервые, крупная мастерская по обработке бирюзы была найдена на восточном берегу Акчадарьинской дельты, рядом со стоянкой Джингельды 19. Можно предполагать, что лявляканская бирюза происходит с месторождения Тасказган в горах Тамдытау, бешбулакская из одного из месторождений в горах

Букантау, а мастерская на стоянке Джингельды могла использовать или тамдытауское сырье.

Несомненно, что и шахты Учтута, и горные выработки и мастерские по обработке бирюзы в Кызылкумах являются свидетельством так называемого общинного или первобытного ремесла, еще сезонного, но для которого уже характерно выделение мастеров – специалистов в определенной области, все еще занятых, однако, большую часть времени обычными общинными работами. Это тоже ранний признак появления производящего хозяйства.

Рассматривая комплекс проблем, касающихся экономики неолитических общин, населявших территорию Узбекистана, нельзя не отметить и неполноту источников и крайнюю, на нынешнем этапе. Неравномерность их географического распространения. Уже указывалось, что практически никаких прямых данных мы не имеем о хозяйстве населения Ферганы и Устюрта, крайне малых и отрывочных для внутренних Кызылкумов. По существу лишь для древней Акчадарьинской дельты имеется относительно полный (и пока уникальный для равнин Средней Азии) набор разнохарактерных источников, позволяющих реконструировать хозяйство неолитического населения в комплексном виде однако проецировать выводы, основанные на этом материале даже на неолит низовьев Зарафшана, района близкого по экологическим характеристикам (не говоря уже о Внутренних Кызылкумах, Устюрте и Ферганы), можно лишь с определенными оговорками.

Основываясь на имеющихся источниках, можно утверждать, что на равнинах Средней Азии в неолитическое время господствовала присваивающая экономика, в рамках которой в отдельных районах вероятно возникали очаги производящего хозяйства. Наличие очагов скотоводства, скорее всего неустойчивого, не сформировавшегося в

устойчивую отрасль, в отдельных случаях подтверждается документально для конца неолитической эпохи. Возможно о наличии культивированных злаков свидетельствуют находки ладьевидных зернотерок обнаруженные в сазаганской культуре (Сазаган 2, Тепакул 3,4).

2. Духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии.

Археологические материалы по неолиту пустынных равнин Узбекистана и сопредельных областей, несмотря на их обилие, лишь в редких случаях содержат данные для реконструкции особенностей **социального устройства и идеологических представлений населения**. Некоторые далеко не полные заключения могут быть однако сделаны, как по материалам раскопок ряда больших стоянок, сохранивших культурный слой, так и по другим данным-особенностям расселения, степени концентрации материалов на отдельных участках, связи стоянок с ландшафтом и др. Значительна роль и сравнительных этнографических материалов.

Как показано выше, расселение неолитических общин на этой территории подчинено определенным, можно даже сказать жестким закономерностям. Придя в позднем мезолите на равнины Среднеазиатского междуречья и смежные территории, человек занял и освоил, прежде всего, наиболее благоприятные для жизни районы-пригодные для обитания части дельт Зарафшана и Амударьи, берега и террасы, а в ряде случаев и возвышенные места днищ многочисленных здесь впадин и котловин. Характер расселения здесь с конца мезолита и до конца неолита существенно не менялся, что объясняется в целом стабильной ландшафтно-климатической обстановкой. Исключением являются лишь области дельт, где в связи с миграцией течений (формированием новых систем и

отмиранием старых) происходили на протяжении неолита значительные перемещения населения. Как уже указывалось, некоторые особенности культурного развития, выразившиеся в своеобразии набора изделий из камня, форм и орнаментики керамики, украшений и др., позволили выделить на равнинах Среднеазиатского междуречья акчадарьинскую, нижнезарафшанскую и лявляканскую, а за пределами междуречья устюртскую, центральноферганскую и сазаганскую группы памятников (археологические культуры). Все они в общем виде соответствуют отдельным элементам ландшафта (точнее, отдельным совокупностям элементов), но только в общем виде. Различаются они и географической инфраструктурой.

Географические границы нижнезарафшанской и акчадарьинской культур в известной мере условны: они не соответствуют границам соответствующих дельт, имеются данные о более широком территориальном распространении памятников этого типа. В пределах староречий и дельт нет ярко выраженных центров, расселение почти полностью было обусловлено действующей гидрогеографической сетью. На староречьях Зарафшана эта зависимость проявляется наиболее ярко: на десятки километров, по одному или по обоим берегам древних протоков тянутся цепочки стоянок. Озерный принцип расселения здесь также имеет место, но скорее как исключение.

Несколько иное положение в Акчадарьинской дельте. Ее почти полная естественная замкнутость (высокий коренной берег и горная цепь Султануиздаг) и отчасти связанный с этим неустойчивый водный режим обусловили весьма сложное сочетание способов расселения (прирусловое, приозерное, у подножия внутридельтовых возвышенностей, по коренному берегу и др.).

Из многочисленных крупных и мелких скоплений стоянок Внутренних Кызылкумов и территориально, и,

особенно, культурно выделяется лявляканское. Собственно скопление неолитических материалов в районе Лявляканских озер можно рассматривать как ядро, центр территории распространения памятников этого типа; таковым он являлся на протяжении по крайней мере четырех тысячелетий. Границы этой территории пока не совсем ясны и определяются косвенно, по находкам кельтеминарских стоянок иного, не лявляканского облика. Так, в 60-70 км западнее Лявлякана, в центральной части Каракатинской впадины (ее восточный фланг занимают лявляканские озера) найдена группа стоянок в культурном плане очень близких нижнезеравшанским. В 130-140 км северо-западнее, во впадине Бешбулак материал ближе и заравшанскому, и акчадарьинскому, хотя отнюдь не тождественен последним. Естественно, ни центральная Караката, ни Бешбулак не фиксируют границу распространения памятников лявляканского типа, а лишь свидетельствуют, что эти районы заняты памятниками другой локальной культуры (или культур) кельтеминарской общности.

Своеобразна структура расположения неолитических памятников юго-восточного Устюрта. Несмотря на то, что в количественном отношении в известной мере выделяются скопления стоянок Актайлак, Косбулак и Айдабол, здесь нет ярко выраженных центров расселения. Прирусловый принцип расселения (в предгорных условиях) свойственен, насколько можно судить по известным материалам, носителям сазаганской культуры. Что касается Центральной Ферганы, то здесь может быть сочетание и прируслового, и приозерного типов расселения.

Суммируя приведенные данные, можно наметить следующие типы распространения стоянок – расселения человека: 1) прирусловый, сильно вытянутыми цепочками (нижнезеравшанская и сазаганская культуры); 2) с ярко

выраженным центральным ядром и слабо освоенной периферией (Лявлякан); 3) серия скоплений без ярко выраженного центра (устюртская культура); 4) сложное сочетание прируслового, приозерного и некоторых других типов расселения в условиях сильной обводненности основной территории (Акчадарья, возможно Центральная Фергана).

По характеру контактов можно выделить два типа расселения: 1. Культуры, имеющие непосредственные контакты с соседними культурами (нижнезарафшанская, лявляканская, акчадарьинская); 2. Культуры, приуроченные к относительно изолированным (по крайней мере так представляется на нынешнем уровне знаний) экологическим зонам (сазаганская, центральноферганская).

Естественно, что намеченная типология носит в известной мере условный характер, реальная ситуация гораздо сложнее и многообразнее. Здесь важно отметить, что все отмеченные ситуации полностью или почти полностью обусловлены ландшафтно-климатическими особенностями каждого из районов.

Как уже указывалось, массивное освоение большей части территории началось еще в конце мезолита. Там, где это позволяет материал, можно установить, что культурные различия прослеживаются уже в это время. Это отнюдь не означает, что мы имеем дело с явлением статичным на протяжении нескольких тысячелетий. Это был процесс, приводивший в ходе культурных контактов и схождения или различия экологических условий к усилению или ослаблению этих различий. Изучение конкретных проявлений этого процесса дело будущего. Основной же вопрос, который может быть поставлен и решен сейчас в предварительном плане - каким социальным образованиям соответствуют археологические культуры кельтеминарского круга.

Исследования археологов, в также многочисленные этнографические данные показывают, что это скорее всего были племена или в отдельных случаях группы родственных племен. Племя, как социальная организация, возникло еще в верхнем палеолите, а в мезолите « вполне оформляется как этническая общность (палеоэтнос), если считать, что «этнос» (в узком значении этого термина) может быть определен как исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая совокупность людей, обладающих общими относительно стабильными особенностями языка и культуры, а также осознанием своего единства и отличия от других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнонима) (Файнберг, 1986, с.215; современные этнические процессы..., 1975, с.11). Этнографические данные показывают, что в разных ландшафтно-климатических условиях, на разных уровнях социального и экономического развития (до перехода к производящей экономике), численный состав племени колебался от нескольких сот, до нескольких тысяч человек. Столь же значительными были и колебания в размерах племенной территории, которые находились в зависимости от ряда факторов (величины племени, экономического потенциала территории и др.), но должны были иметь потенциальную возможность обеспечения минимальных потребностей племени при существующей системе хозяйства.

Совокупность локальных археологических культур кельтеминарского круга (равнины Среднеазиатского междуречья, Верхний Узбой, юго-восточный Устюрт и некоторые сопредельные территории с незначительным количеством памятников) обычно определяется или как этнокультурная, или как историко-культурная общность. Рассматривая эти варианты, следует учитывать, что если носители каждой из локальных культур, племена или

группы племен, предположительно могут быть охарактеризованы как этносы (то есть общности, обладавшие всеми перечисленными выше признаками), то вряд ли сейчас можно говорить об этнической близости всех общностей кельтеминарского культурного круга. Полностью исключать этого нельзя, однако эта проблема требует детальной разработки, включая и новые полевые исследования.

Наиболее характерной для мезолита и неолита социальной структурой является племя, состоящее из родовых общин. Этнографические данные показывают так же, что в отдельных случаях существовали и более мелкие социальные ячейки (субклан, линидж и др.). Рассмотрим в связи с этим некоторые особенности расселения в рамках локальных археологических культур.

Основным элементом расселения по археологической терминологии является стоянка. Под этим чисто археологическим понятием подразумеваются и крупные так называемые базовые поселения-долговременные поселки, являвшиеся общественными и экономическими центрами, и мелкие временные стойбища передвигающихся охотников и собирателей. К числу «базовых» поселений можно, по всей вероятности отнести стоянку Толстова в Акчадарьинской дельте и стоянки Учащи 131 и Учащи 159 в низовьях Зарафшана.

На стоянке Толстова раскопаны четыре постройки: две наземные, по флангам поселка и две заглубленные, полуземляночные. Судя по площади (110-120 м.кв.) и по количеству бытовых очагов в наиболее хорошо изученной наземной постройке стоянки -доме 1, в нем могли обитать 35 –50 человек (8-10 семей средней численностью пять человек каждая). С учетом того, что полуземляночные постройки были несколько меньших размеров, и , предполагая, что все постройки существовали одновременно и были жилыми, общая численность жителей поселка могла

достигать значительной цифры: 150-180 человек. Сам характер стоянки свидетельствует о том, что определенная часть населения жила здесь круглогодично.

Примерно столько же людей (от 150 до 200) могли жить на стоянке Учащи 131, где имелись три крупные наземные постройки. Стоянка Учащи 159 значительно крупнее двух первых, однако, ее культурный слой полностью разрушен, и все оценки могут иметь лишь ориентировочный характер. Здесь отмечено девять крупных скоплений археологического материала, каждое из которых, по аналогии с данными по стоянкам Толстова и Учащи 131 можно было бы рассматривать как остатки отдельных элементов (жилых или иного назначения построек) очень крупного раннеолитического поселения. Здесь собрано на поверхности более 33 тысяч кремневых находок. Для сравнения отметим, что на стоянке Толстова получено около 40 тысяч находок (кроме костей млекопитающих и рыб) однако эта коллекция включает, кроме каменных орудий также большое количество керамики и находок некоторых других категорий, которые на стоянке Учаще 159 не сохранились. Анализируя материалы стоянки, следует, однако учитывать, что некоторые из скоплений могут иметь случайный характер (одно скопление может быть разделено на два перемычкой перевиваемого песка). Но, в любом случае мы имеем здесь дело с остатками поселения не меньших, а скорее всего нескольких больших масштабов, чем стоянка Толстова.

Материалы раскопок стоянки Толстова проливают свет на многие стороны хозяйственной деятельности и образа жизни обитателей этого крупного поселка. Прежде всего, рассмотрим кратко такое важное направление, как домостроительство. Известные сейчас данные свидетельствуют, что повсюду на равнинах Средней Азии и Казахстана для неолитических охотников, рыболовов и собирателей были

характерны довольно крупные наземные, реже слегка заглубленные постройки каркасной конструкции, прямоугольной, иногда округлой или овальной формы (Виноградов, 1981, с.148-155). Две сгоревшие постройки, раскопанные на стоянке, позволяют проследить многие детали и конструкции, и внутреннего устройства. Основу их составляли две или три вписанные друг в друга прямоугольника вкопанных в землю вертикальных столбов, поддерживающих деревянную же обрешетку кровли. Сама кровля реконструируется как четырехскатная или двухскатная, которая переходила в низкие вертикальные стенки. Для устройства кровли использовался камыш, поверх которого настилалась древесная кора. Расчищенные поверх культурного слоя сгоревшие куски перекрытия показали, что камыш настилался двумя слоями (с перпендикулярным друг другу положением стеблей), а слой коры был одинарным, параллельными рядами, «внахлест». Под слоем камыша кровли в одном месте найден кусок также сгоревшей камышовой циновки, относящейся уже к убранству интерьера постройки.

В центральной части дома, ближе к входу, устроенному в длинной юго-западной стене, располагался крупный очаг, несомненно, общественного назначения. По периферии находились очаги меньших размеров (восемь или десять), служившие для приготовления пищи и обогрева обширной постройки. И большой очаг, и малые очаги (их обычно называют бытовыми) внешне никак не были оформлены и представляли собой прокаленные докрасна пятна песка и пеплостозолистых остатков. Характер культурного слоя в переделах постройки показывает, что накапливавшийся здесь бытовой мусор, в том числе и продукты горения, периодически убирался из дома. Для этого служили большие мусорные ямы, вырытые в пределах участка, условно названного хозяйственной зоной.

Хоззона - неперенный структурный элемент каждой из построек стоянки Толстова. Она примыкает к юго-западной стене постройки (там, где вход), имеет значительное большую, чем постройка площадь, обычно большую мощность и насыщенность культурного слоя. Здесь также обнаружены столбовые ямы, однако, какой-либо строгой системы в их расположении не прослежено. Предполагается, что установленные в них столбы или жерди служили для сооружения небольших временных построек типа навесов, заслонов, шалашей и др. Эти легкие постройки могли служить для вяления рыбы, мяса, сушения растительных продуктов, а также как укрытия для мастеров, занятых разными придомными работами. Как показывает коллекция материалов с площади хоззоны, здесь производилась окончательная разделка туши животных, чистка рыбы, обработка шкур, подготовка нуклеусов, получение ножевидных пластин и изготовление из них различных орудий, обработка кости, изготовление костяных, раковенных и каменных украшений и многие другие работы. В летнее время здесь, очевидно, готовили и пищу. Отсутствие следов гончарного производства указывает, что посуду готовили и обжигали где-то за пределами стоянки.

Материалы из Кызылкумов показывают варианты, как в размерах, так и во внутреннем устройстве жилых построек. На стоянке Дарбазакыр 1, например, очаги располагались, только за пределами постройки, а культурный слой отмечен только на половине площади постройки (Первобытная культура..., с .25-29). Жилой дом на стоянке Лявлякан 26, напротив, близок основным параметрам земных построек стоянки Толстова. Здесь интересен один из сохранившихся очагов, имевший, в отличие от неоформленных очагов-кострищ других стоянок кольцевое, разомкнутое с двух сторон обрамление из прокаленного песка и пепла. На постройках Дарбазакыра 1 и Лявлякан 26 отмечено

наклонное положение некоторых из опорных столбов, что означает очевидно, какие-то особенности в конструкции.

Большая часть известных сейчас неолитических материалов и в рамках охарактеризованных выше крупных скоплений и на обширных промежуточных территориях (где на пустынных ныне равнинах разрозненные неолитические находки можно встретить практически везде), отражает временный, в лучшем случае сезонный характер эксплуатации территории. Это, скорее всего лагеря, связанные с сезонными передвижениями промысловых животных, разработкой полезных ископаемых, а также место кратковременных остановок небольших групп охотников и собирателей. Для последних характерен крайне минимум археологических материалов. Естественно, что и временные стойбища и базовые лагеря являлись (в рамках одной археологической локальной культуры) неотъемлемыми частями единой экономической и социальной структуры.

Особенности организации крупных долговременных стоянок- базовых лагерей, внутреннее обустройство жилых построек дают возможность предположительной, условной реконструкции некоторых деталей социальной организации неолитических обществ. Ярko выраженной традиционности во всех сферах материальной жизни населения и равнин, и предгорий, соответствовали, несомненно, в главных чертах и традиционные формы общественного устройства. Еще по материалам раскопок стоянки Джанбасс 4 общество кельтеминаров определено С.П. Толстовым как материнско-родовое с еще неустойчивой парной семьей, возможно даже деслокальным браком (Толстов, 1943, с .61,62). При этом можно допустить, что крупные стоянки типа Учащи 131, Учащи 159, стоянки Толстово являлись центральными (базовыми) поселениями рода или, возможно, определенной части рода. Справедливое в главном положении С.П.Толстова в свете новых

материалов может быть несколько уточнено. В свое время представление о неустойчивой парной семье обосновывалось обилием (примерно 56) и неустойчивым характером периферийных бытовых очагов в жилой застройке стоянки Джанбасс 4. Более поздние исследования на стоянке Толстово показали, что это не совсем верно, и что большая часть пеплистых пятен, принятых за очаги таковыми не являются. Это результат чистки очагов, характерным признаком которых является сильная прокаленность подстилающего песка и которых, как уже указывалось, в доме 1 стоянки Толстово, аналогичном жанбасской постройки насчитывается всего от 8 до 10. Таким образом, сейчас не приходится говорить ни об огромном количестве, ни о неустойчивом характере бытовых очагов. Вполне допустимо, что парная, малая семья являлась в это время устойчивой социальной ячейкой общины. Трудно сказать, что либо определенное о степени экономической самостоятельности малых семей логично, в свете имеющихся данных, предположение о семейном приготовлении и вероятно потреблении пищи. Можно допустить также, что в собственности семьи находились определенные пищевые запасы, в частности рыбные, растительные, получение и заготовка которых впрямую не требовали незначительного удаления от поселка, ни особенно значительных трудовых затрат. Вместе с тем, навряд ли парная семья в условиях дельтовых районов могла являться самостоятельно экономической единицей. В условиях многопрофильного экстенсивного присваивающего хозяйства (даже с заметным преобладанием охоты или рыболовства), решающим условием выживания являлись коллективные усилия общины или ее структурных подразделений, но не малой семьи. Возможно, некоторые данные по этой проблеме имеются в материалах раскопок кельтеминарского могильника Тумеккичиджик.

Могильник Тумеккичиджик был найден и исследован в левобережном Хорезме, в пределах древней Присары-камышской дельты Амударьи. Здесь было раскопано около 30 ти погребений (в двух скоплениях – западном и восточном), совершенных в узких и глубоких грунтовых ямах, иногда с уступами и легкими подбоямницами в основании длинной стены. Умерших клали на дно ямы на спину, в вытянутом положении, с вытянутыми вдоль тела руками, на подсыпку из красной охры. Иногда охрой посыпали погребенного и сверху. Большинство погребенных ориентированно головой на северо-восток. Каких-либо над могильных сооружений здесь не обнаружено, возможно они не сохранились. Однако и западное, и восточное скопления погребенных были ограждены неглубокими кольцевыми разомкнутыми ровиками, возможно, служившими первоначально для укрепления какого-то легкого кольцевого ограждения (из веток, камыша?) (Виноградов, 1981, с.107-109; Виноградов, Итина, Яблонский, 1986.).

Погребальный инвентарь могилника довольно беден. Оружие, орудия труда, керамические сосуды и другие предметы бытового назначения, часто встречающиеся в погребениях, в том числе и неолитических, здесь практически отсутствуют. Найдено, правда некоторое количество кремневых изделий и разрозненные обломки сосудов, но они большей частью располагались не непосредственно у костяка а в засыпке могильной ямы на разных ее уровнях и без прослеживаемого порядка. Правда, керамические находки дают некоторые исключения. При раскопках одного из погребений установлено, что и непосредственно над костяком и выше в засыпке ямы, на обломках сосудов были положены куски обжаренного на костре мяса (сохранившиеся кости обожжены в местах излома).

Несколько иное положение с украшениями. Они найдены примерно в половине погребений, причем во многих случаях представлены богатыми наборами. Наиболее интересны крупные нагрудные подвески из клыков кабана. Они тщательно обработаны, в основе сохраняют исходную серповидную форму. Самые распространенные из украшений, это небольшие плоские нашивки из кости уплощенных створок раковин. В некоторых погребениях они насчитываются сотнями и располагаются в области тазовых и бедренных костей. Значительно реже встречались головные, шейные и нагрудные нашивки и бусы. Это, главным образом, пронизки из цилиндрических раковин денталиум и такие же из полых костей птиц, а также подвески из мелких клыков животных. Отметим, что большая часть крупных наборов украшений происходит из женских погребений.

Для реконструкции отдельных элементов социальной организации интерес представляют два обстоятельства. Первое из них - почти полное отсутствие в погребениях орудий труда, оружие и предметов утвари. В традиционной интерпретации этот факт может означать, что либо орудия труда являлись собственностью общины, и погребенный при жизни ими только пользовался, либо они явились личной собственностью погребенного, но могли передаваться (и передавались в связи с их несомненной ценностью для общины) по наследству. Второе обстоятельство – отсутствие в погребальном обряде и инвентаре указанный на какую-либо имущественную дифференциацию погребенных. Можно было- бы предположить, что это связано с почти полным отсутствием в погребениях бытового инвентаря, однако совокупность всех других данных противоречит такому предположению. Единственное, что в этом плане заслуживает внимания, это наличие в трех погребениях (в двух женских, в третьем пол не ясен)

крупных нагрудных подвесок из клыков кабана, украшений для могильника отнюдь не рядовых. Не исключено, что они свидетельствуют о каком-то относительно более высоком социальном положении погребенных.

Как уже говорилось, могильник Тумеккичиджик, судя по комплексу полученных там находок, памятник типично кельтеминарский. Стоит указать, что единственный полностью реставрированный сосуд, положенный в одно из погребений уже разбитым на несколько кусков, оказался чашей ладьевидной формы. Типичны кельтеминарские и немногочисленные изделия из кремня, и большая часть украшений. По времени могильник относится к среднему этапу кельтеминарской культуры и хронологически близок стоянке Толстова.

Погребения Тумеккичиджика не единственные неолитические погребения на территории Узбекистана. Две очень сильно разрушенные могилы раскопаны на площади стоянки Толстова. Ни положение, ни ориентировка погребенных точно не реконструируются; в могилах найдены изделия из кремня, обломки керамических сосудов и много украшений из плоских и цилиндрических раковин. В одном из погребений отмечено наличие охры (Виноградов, 1981, с. 88,89).

Одно, возможно позднеолитическое погребение найдено на юго-восточном Устюрте. Оно обнаружено случайно на площади позднего могильника Коскожол и было сильно разрушено при сооружении под курганного погребения 7-8 вв., а затем и грабительскими раскопками последнего. На дне ямы раннего погребения отмечены охристые пятна, к нему отнесены найденные в разных местах серии двустороннеобработанных наконечников стрел и пронизки из раковин Денталиум (Бижанов, 1985) . По конструкции и ориентировке ямы, наличию охры это погребение близко тумеккичиджикским. Однако, находка

здесь значительной серии двустороннеобработанных наконечников свидетельствует (если это не своеобразие устюртского неолита) скорее - либо о позднеолитическом, либо раннебронзовом возрасте погребения.

Могильники и погребения, а также наскальные изображения этого времени, известные в ряде районов Узбекистана, дают некоторые данные для изучения духовной культуры неолитических общин. Сложившийся устойчивый характер погребального обряда, организация места погребения, могильника как коллективной структуры (несмотря на индивидуальный характер каждого из погребений) свидетельствует о сложившемся культе предков- защитников и покровителей общины. Возникший еще в эпоху ранне родовой общины ритуал сопровождения умерших с вещами, которыми они пользовались в жизни и пищей, получил в Тумеккичиджике своеобразное решение. Если в других одновременных могильниках, орудия труда, оружие и сосуды клались либо на дно могил, рядом с погребенным, либо, реже на поверхность, в специально отведенные «жертвенные» места, то в Тумеккичиджике, как мы видели обломки сосудов (но не целые сосуды) с обжаренным мясом, располагались не рядом с погребенным, а поверх его на разных уровнях заполнения погребальной ямы. Можно полагать, что Тумеккичиджик, могильник относительно небольшой, являлся кладбищем небольшой рядовой общины, или какой-то более мелкой социально-организованной ее части.

На территории Узбекистана сейчас известны многие десятки крупных скоплений наскальных изображений. Большая часть их датируется эпохой бронзы и сакским временем, однако имеются и неолитические, и даже предположительно, мезолитические композиции.

Наиболее известны наскальные изображения в ущелье Зараутсай на юге Узбекистане. Подробно они описаны в

предшествующей главе, однако основная масса изображений относится, видимо, к неолитическому и более позднему времени. Здесь в неглубоких карстовых нишах на плоских камнях изображены сцены охоты с сабаками на быков, джайранов, козлов, кабанов. Охотники были вооружены луками, а также возможно, топорами или бумерангами. Изображения не только животных, но и людей, пораженных стрелами, позволяют предполагать, что здесь отображен также эпизод столкновения двух вооруженных групп. Наиболее интересным сюжетом Зараутсая является изображение людей, видимо тоже охотников, в «маскировочной» одежде-широких конусовидных нажитках и страусовидных масках (Рогинская, 1950; Формозов, 1951, 1966; Кабиров, 1976). Антропоморфные изображения в звериных или птичьих масках имеются и в других районах Средней Азии, в частности в гроте Шахты в Таджикистане и в урочище Кырбукан во Внутренних Кызылкумах (Ранов, 1961; Оськин, 1985).

Изображения Зараутсая и Шахты, выполненные охрой, являются настоящей наскальной живописью. Все остальные – это так называемые петроглифы, изображения в той или иной степени рельефные – выбитые, гравированные, процарапанные на плоской поверхности скал. Из петроглифов Узбекистана к неолиту относятся некоторые композиции Сармишсая в Нуратинских горах, Ходжакента на западном склоне Чаткальского хребта, урочища Аркар в Букантау и, предположительно, некоторые другие (Кабиров, 1976; Хужаназаров, 1985; Оськин, 1985). По внешним сюжетным схемам прослеживается много общих черт как между петроглифами разных районов (не только Средней Азии, а вообще Евразии), так и между последними и наскальной живописью. На ранних этапах преобладают изображения представителей животного мира, со временем увеличивается количество антропо-

морфных изображений. Из дикой фауны обильно представлены бык (обычно тур), благородный олень. Кулан, джейран, кабан, архар, волк, лиса, а также хищные, кошачьи – тигр, лев, леопард, гепард. К этому надо добавить изображения змей и птиц, а также животных фантастического плана, не идентифицируемых с реально существующими или существовавшими видами.

При изучении наскальных рисунков обычно, в первую очередь, обращается внимание на сюжеты, отображающие реальную жизнь. Применительно к неолитической эпохе, это, прежде всего, сцены охоты. Несмотря на определенный схематизм, свойственный изобразительному искусству мезолитической и неолитической эпох, многие наскальные рисунки отличаются не только великолепным знанием изображаемой природы, но и высокой художественной выразительностью. Это, а также присущая многим сюжетам высокая степень детализации, делает петроглифы ценным источником для изучения хозяйства и быта древнего населения. Однако, истинный смысл наскальных изображений не только и не столько в отображении реальных ситуаций. В них тесно переплетены реалистическая и фантастическая, религиозная сферы сознания человека первобытной эпохи.

Так считает большинство исследователей, крупные скопления наскальных изображений это прежде всего святилища места совершения различных культовых ритуалов. Магические действия совершались в честь тотема – покровителя общины, выступающего обычно в образе какого-либо из животных. Установлено, что здесь получили отражение и более сложные культово-магические и мифологические сюжеты. Наиболее распространенные из них это культ плодородия и солярный (солнечный) культ. Первый, в частности, нашел отражение в многочисленных, обычно строго регламентированных

композициях, антропоморфных или зооморфных, построенных на противопоставлении (а точнее, на композиционном противостоянии) разнополых существ. Изображения, связанные с солярным культом обычно сопровождаются солнечной символикой-кругом, крестом в круге и др. Оба культа истоками связаны друг с другом, оба выражают идею плодородия, возрождения природы. В наскальных изображениях воплощены несомненно и еще более сложные понятия. Так, многие мифологические сюжеты, известные нам по классическим образцам или по этнографическим источникам, в основе своей восходят, как считают специалисты, к некоторым сюжетам наскальных изображений первобытной эпохи.

Скопления наскальных изображений - родовые и племенные святилища- располагались обычно в удобных, часто очень живописных местах, недалеко от родников. Непременным условием было наличие плоскобоких скал или камней, видимо соответствующим образом ориентированных. Недаром большая часть наскальных рисунков найдена в соях-руслах горных речек с крутыми скалистыми берегами. В большинстве случаев отмечается крайняя традиционность в использовании святилищ: изображения на них выбивались часто на протяжении многих тысяч лет. Более ранние рисунки либо «забывались», либо включались тем или иным образом в новые, трансформированные культовые сюжеты.

Неолитические рисунки на скалах содержит огромную информацию не только по истории религиозных верований, но и по социальной организации древних обществ. Однако, сейчас исследователи находятся лишь на дальних подступах к «расшифровке» этих ценных исторических источников.

Контрольные вопросы

1. Изложите специфические особенности хозяйств неолитических племен на территорию Средней Азии.
2. Изложите специфические особенности духовной культуры неолитических племен на территорию Средней Азии.
3. Изложите специфические особенности образ жизни неолитических племен на территорию Средней Азии.
4. Изложите специфические особенности элементов социального устройства неолитических племен на территорию Средней Азии.
5. Изложите специфические особенности идеологические представления неолитических племен на территорию Средней Азии.
6. Изложите особенности разработки кремня (кремневые шахты и мастерские)
7. Изложите специфические особенности могильник Тумеккичиджика.
8. Изложите специфические особенности памятников наскальные изображения на территории Средней Азии.

Использованные литературы

Бижанов Е.Б. Каменный век Устюрта. Автореф. на соискание д.и.н. – Нукус, 1996.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – ТХЭ, т. XIII. – М.: Наука, 1981.

Виноградов А.В., Мамедов Э.Д. Первобытный Лявлякан. Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов. – МЭХ, вып. 10. – М.: Наука, 1975.

Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. Неолит среднего течения реки Зарафшан. ИМКУ, вып. 27. 1992.

Гречкина Т.Ю., Батыров А.Р. Костяные изделия Замичатош и Агалыка. Узбекистан в древности и средневековья. – Самарканд, 1992.

Гулямов Я.Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1957.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлова А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1991.

Ермолова Н.М. Костные остатки млекопитающих из поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана. – КД. Вып.1. – Ашхабад: Ылым, 1968.

Ермолова Н.М. Новые материалы по изучению остатков млекопитающих из древних поселений Туркмении. – КД. Вып. 3. – Ашхабад: Ылым, 1970.

Ермолова Н.М. Формирование мезолитической культуры в связи с природной обстановкой. – КСИА, вып.149. 1977.

Исламов У.И. Пещера Мачай. – Ташкент: Фан, 1975.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: Фан, 1986.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

Кабилов Д. Петроглифы Сармишса. – Ташкент: Фан, 1976.

Кабилов Д. Древнейшая наскальная живопись Зараутсай. – В кн.: Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1976.

Кабилов Д. Исследование наскальных изображений в Узбекистане. Автореферат канд.дисс. – Ташкент, 1974.

Коробкова Г.Ф. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии. МИА, №158. – Л.: Наука, 1969.

Массон В.М. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т.х, 1960.

Массон В.М. Средняя Азия и Древней Восток. – М.-Л.: Наука, 1964.

Массон В.М. Неолитические охотники и собиратели. – В кн.: Средняя Азия в эпохи камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Племена степной бронзы на севере страны. – В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Земледельческий неолит юго-запада Средней Азии. – В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. – Л.: Наука, 1966.

Массон В.М. Поселение Джейтун (проблема становления производящей экономики). – МИА, №180, – Л.: Наука, 1971.

Никольский Г.В., Радаков Д.В., Лебедев В.Д. Остатки рыб из стоянки Джанбаскала 4. – ТХЭ, т.1. 1952.

Оськин А.В. Петроглифы Центральных Кызылкумов как исторический источник для изучения архаических культов. – М., 1985.

Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты. – СЭ, №6, 1961.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – В кн.: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1982.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985.

Ранов В.А. Неолит (гиссарская культура). История Таджикского народа. Том 1. – Душанбе, 1998. – С.105-123.

Рагинская А. Зараутсай. – М.-Л.: Детгиз, 1960.

Семенов С.А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. – Л.: Наука, 1983.

Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. – М.: 1948.

Толстов С.П. Древней Хорезм. – М.: Издательство МГУ, 1948.

Файнберг Л.А. Раннепервобытная община охотников, собирателей, рыболовов. – В кн.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

Формозов А.А. Книга о древней наскальной живописи в Узбекистане. – СЭ, №3, 1957.

Формозов А.А. О наскальных изображениях Зараут-Камара в ущелье Зараутсай. – СА, №4, 1966.

Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 2007. – С.204.

Холматов Н.У. Ўзбекистон неолит даври жамоалари моддий маданияти. – Тошкент: Фан, 2008.

Хужаназаров М. Наскальные изображения северо-восточного Узбекистана. Автореф. канд. дисс. – Л., 1985.

Цалкин В.И. Древнейшие домашние животные Средней Азии. Сообщение 1,2-Бюлл. МОИП, отдел биол. т.25, вып.1,2. – М., 1970.

Цалкин В.И. Происхождение домашних животных и современной археологии.- В кн.: Проблемы доместикации животных и растений. – М.: Наука, 1972.

Шнирельман В.А. Происхождение скотоводства (культурно-историческая проблем). – М.: Наука, 1980.

Шнирельман В.А. Позднепервобытная община земледельцев-скотоводство и высших охотников, рыболовов и собирателей. – В кн.: История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

Тема №7

КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ, ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СУДЬБЫ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КУЛЬТУР НА ТЕРРИТОРИИ СРЕДНЕЙ АЗИИ

План:

1. Культурные связи неолитических культур на территории Средней Азии.
2. Происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии.

Учебная и воспитательная цель занятия: воспитание чувства национальной гордости путем обоснования того, что именно территория Узбекистана является одним из очагов мировой цивилизации. В процессе занятия на основе изучения археологических источников раскрываются вопросы культурные связи и происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии. Цель занятия является формирование у студентов знание о культурные связи и происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии.

Средства проведения занятия: Доска, плакат, источники и литература по теме, исторические сведения по теме, толковые словари.

Методы проведения занятия: Повторение, беседа, проблемные вопросы в целях активизации студентов. Привлечение студентов к анализу проблем поднятых в процессе лекции, диалог, определение уровня знаний студентов с помощью различных тестов.

Опорные слова и понятия: С.П.Толстов, А.В.Виноградов, В.М.Массон, В.М.Ранов, У.И.Исламов, М.Д.Джуракулов, Н.У.Холматов, верхний палеолит, мезолит, неолит, Айдабал, Акталак, Самаркандская стоянка, Сазаган1, Каракамар, Очилгор, Туткаул 2а, Сайёд 3, Дарайшур, Обиширская культура. Саразм.

1. Культурные связи неолитических культур на территории Средней Азии

Открытие в конце 30-х гг. в низовьях Амударьи неолитической культуры, весь облик которой казался по тем временам очень своеобразным, вызвало большой интерес специалистов. Еще ее первооткрыватель С.П.Толстов отмечал необычайно широкий спектр культурных связей Кельтеминара. В числе территории, в той или иной мере затронутых кельтеминарским влиянием, он, кроме некоторых районов Казахстана, называл нижнее Поволжье, Прикамье, Зауралье, Приобье, Южную Сибирь (Толстов, 1948, с.71, 72). В последнее время в связи с активным накоплением кельтеминарских материалов, интерес к ним заметно возрос. Работами ряда исследователей многие аспекты культурных связей и влияний Кельтеминара были рассмотрены детальнее и в ряде случаев существенно уточнены. (Обзор работ по этой проблеме см.: Формозов, 1977, с.113-129; Виноградов, 1981, с.163-165). Сейчас отдельные элементы кельтеминарского культурного воздействия отчетливо прослеживаются с Северном и Западном Казахстане, в Зауралье и Западной Сибири, а также в меньшей степени, в Нижнем и Среднем Поволжье. При этом, в одних случаях это сходство в керамике, главным образом в орнаментике, в других - явное проникновение на север некоторых характерных форм каменного инвентаря. Выше говорилось об основных путях проникновения в Среднюю Азию и Казахстан рогатых трапеций. Сейчас они известны и в Среднем Поволжье. Широко распространены на севере наконечники стрел кельтеминарского типа, характеризующие несколько более поздний, чем трапеции, этап культурных контактов. Их распространение на Севере показывает одну интересную деталь: если рогатые трапеции практически за северные пределы Казахстана не выходят, встречаясь лишь в Среднем Поволжье, то

кельтеминарские наконечники распространяются далеко на север. Они известны сейчас в Северном Прикаспий, Среднем Поволжье и, особенно, в Зауралье и Западной Сибири (Виноградов, 1979, с.5, рис. 1.). В это время, в конце V-III тыс. до нашей эры культурные связи были более активными и, скорее всего, характеризовались взаимопроникновением. Для этого периода не исключается проникновение отдельных групп населения в Среднюю Азию из степных районов Поволжья и Зауралья. Результаты раскопок могильника Тумеккичиджик показывают, что кельтеминарцы восприняли с севера не только некоторые элементы материальной культуры, но и, возможно, погребального обряда. Антропологические исследования также свидетельствуют о сложном характере могильника.

Небольшая краниологическая серия из Тумеккичиджика (восемь черепов) показывает, что в основе физического облика кельтеминарцев лежал прото европеоидный антропологический тип, характеризующийся массивностью строения черепа, с широким и низким лицом. В этом плане тумеккичиджикцы показывают сходство с мезолитическим и раннеолитическим населением ряда областей Западной Европы, в формировании которого, как предполагается, заметную роль сыграл переднеазиатский компонент. Вместе с тем, правда менее отчетливо и, в основном, в женских черепках у кельтеминарцев наблюдается комбинация признаков, свойственных более пранильному классическому средиземноморскому типу. С учетом такой морфологической промежуточности, предполагается, что представленный в Тумеккичиджике тип мог сложиться на средиземноморской основе (в широком понимании этого термина), видоизменившись отчасти в результате контактов с носителями протоевропеоидного антропологического типа.

На родственные связи Кельтеминара с раннеземледельческой культурой Юга указывают параллели и в орнаментике и в формах керамики, и определенные сходства в характере каменной индустрии. Сейчас еще недостаточно материала для реконструкции, начавшихся в позднем мезолите процессов, так как нельзя назвать, ни круг культур, ни какую-либо конкретную область, которую можно было бы рассматривать как исходную. Лишь предположительно можно реконструировать и пути проникновения на равнины Средней Азии групп населения с Юга. В этом плане интересный результат дало картографирование находок рогатых трапедий. Типичные изделия такого рода известны в позднеолитических или раннеолитических коллекциях восточного Ирана, в раннем неолите юго-западного Пакистана и северного Афганистана. Можно полагать, что из этих районов они вдоль Амударьи (для памятников Прикаспийских районов такие изделия малохарактерные), проникли в низовья Зеравшана и во Внутренние Кызылкумы. Хорошо прослеживается и их дальнейшее распространение на север, (в ряд районов Казахстана и далее) и через Устюрт, и вдоль северо-восточной оконечности Аральского моря (Виноградов, 1981, с.162, 163, рис. 60).

Рассматривая проблему южных связей культур кельтеминарской общности, следует учитывать, что сложение каждой из них могло иметь некоторые специфические особенности. Так, неолитическая культура Устюрта сформировалась, видимо, не без активного участия культурных прикаспийских компонентов. Более того, результаты недавних исследований по сагаганской культуре показали, что нельзя полностью исключать участия в освоении Кызылкумов отдельных групп мезолитического населения предгорий Коратюбе (Средний Зарафшан).

2. Происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии

На территории Средней Азии практически всем районам массового распространения неолитических памятников свойственны две особенности. Во-первых, практически везде начало процесса активного освоения территории относится к позднему мезолиту; во-вторых, позднемезолитические и неолитические материалы выступают здесь в трудно расчленимом единстве, свидетельствующем о непрерывности культурного развития, о генетической связи этих материалов. Это почти в равной степени относится к районам распространения и памятников джейтунской, гиссарской, кельтеминарской, и центральноферганской и сазаганской культур. Однако, несмотря на это, проблема происхождения культур неолитических населений Средней Азии решается по-разному.

На равнинах Узбекистана лишь на юго-восточном Устюрте имеются некоторые, не совсем достоверные, предположительно относящиеся к мезолиту и позднему палеолиту материалы, которые, возможно, участвовали в сложении позднемезолитической и неолитической культуры. Надо отметить, что после открытия мезолитических стоянок типа Айдабал и Акталак можно считать решенным вопрос о сложении неолита Устюрта на основе местной мезолитической культуры (Бижанов, 1996. с.29). Сопоставление мезолитических и раннеолитических комплексов этого региона, доказывает их несомненную генетическую преемственность. Однако, как считает Е.Бижанов при этом, нельзя отрицать влияния связей раннеолитических и позднемезолитических культур Средней Азии и Южного Урала на сложение неолита Устюрта. В остальных районах-Внутренних Кызылкумах, в низовья Амударьи, на Верхнем Узбое-такие материалы неизвестны. Было бы ошибкой утверждать, что до конца мезолита население

здесь отсутствовало, однако, бесспорно, оно было малочисленным, возможно, непостоянным.

Исследователями рассматривалось несколько вариантов происхождения **культур кельтеминарской** общности. При этом, с учетом значительного сходства некоторых важных элементов культуры и вероятной близости, родственности корней Джейтуна и Кельтеминара, оба последние анализировались вкуче. Высказанные гипотезы сводятся к трем основным положениям: и Джейтуна и Кельтеминара а) сложилось на основе более древней местной культуры, памятники которой пока не найдены; б) корни происхождения их надо искать в мезолитических и верхнепалеолитических памятниках Восточного Прикаспия; в) сформированы населением, пришедшим с юга, из восточных областей Ирана или из более западных районов, транзитом через Иран. До настоящего времени исследователи связывали формирование неолитической культуры Узбекистана с Самаркандской верхнепалеолитической стоянкой. Недавно открытые нижнепалеолитические стоянки Кук-Аяз-I, II в Кызылкумах, мезолитические стоянки Чорбактинской долины ещё раз подтверждают наличие местных корней. Поэтому мы считаем, что сходство кельтеминарской культуры с Ближне Восточными культурами, это не результат сложения их из одной корневой, а результат культурного взаимовлияния.

Гиссарскому неолиту непосредственно предшествуют такие мезолитические индустрии, как Туткаул 2а, Сайёд 3, Дараишур. Поэтому логичным можно считать представление о местном происхождении гиссарской культуры. Раскопки в Туткауле и Дараншуре показывают, что каменная индустрия эпохи мезолита, обнаруженная в среднем течении Вахш, именно ее галечный элемент, в дальнейшем дает о себе знать в гиссарской культуре этого региона. Формирования гиссарской культуры базируется

на предшествующей территориально и технически вахшской мезолитической культуре, распространенной в среднем течении р. Вахш.

В большинстве работ, касающихся, сазаганской культуры рассматривается проблема её происхождения. Генезис сазаганских комплексов исследователи обычно связывают с Самаркандской верхнепалеолитической стоянкой (Лев, 1965, с.106; Холюшкина, 1972, с.11; Джуракулов, 1972, с.56-58; 1983, с.54; Холюшкина, Холюшкин, 1979, с.18,19). Последняя рассматривается как один из компонентов сложения горного и предгорного мезолита Средней Азии в целом (Исламов, 1980, с.140; Джуракулов, 1983, с.54,55). Ввиду большого хронологического разрыва между Сазаганом и Самаркандской стоянкой, некоторые исследователи предполагали малоосновательность связи между ними. (Джуракулов, Холматов, 1991, с. 113).

В настоящее время получены новые археологические материалы по происхождению сазаганской культуры и её связей с местными культурами. Связывающим звеном между ними представлены стоянки эпохи мезолита Чорбакты в долине Нижнего Зарафшана (Холматов, 2000, с.38-49) и ряд новых стоянок сазаганской культуры. В них встречены крупные пластины архаичного типа, высокие скребки, долотовидные орудия, нуклеусы торцевого типа, чопперы, клиновидные орудия относящиеся к горной индустрии. Эти признаки сближают вышеуказанные памятники с Самаркандской стоянкой.

Непрерывные исследования стоянок сазаганской культуры, показали эволюционную преемственность культур каменного века Среднего Зарафшана. В этом плане особый интерес представляет впервые открытая и исследованная палеолитическая стоянка Олмабулок в районе селе Сазаган. Сосредоточение таких разновременных памятников как Олмабулок (средний палеолит), Сазаган 1,

Замичатош, Коракамар, Очилгор (нижний горизонт) (мезолит), Сазаган 2, Джангал 1, Тепакул 3,4,5, Лолаб, Очилгор (верхний горизонт) (неолит) на столь небольшой территории дают возможность проследить последовательное историческое развитие данного региона, начиная с мустьерской эпохи до неолита. На основании имеющихся материалов можно предположить, что происхождение сазаганской культуры произошло на основе местных культур типа палеолитической стоянки Олмабулок, Самаркандской верхнепалеолитической стоянки, мезолитических стоянок Чорбакты и Сазаган 1.

Проблема судеб сазаганской культуры ещё более сложна, так как в этом районе отсутствуют хорошо выделяемые поздненеолитические материалы. Но археологические материалы последних лет со стоянок Тепакул 3,4 и их типологический анализ подтверждают версию о том, что это поздние этапы сазаганской культуры. А это выражается в увеличении доли пластин и микропластин, выемчатых пластин, пластины со скошенным концом, низких скребков, призматических и конических нуклеусов для пластинок и микропластин, плитчатые скребки, галечные орудия, зернотерки, в частности сокращение количества нуклеусов торцевого типа, высоких скребков, изделий долотовидной формы, что является фактом о переходе от более раннего к более позднему этапу освоения северных предгорий Каратюбе.

Таким образом, стоянки Тепакул 3,4 которые представляют поздний этап сазаганской культуры при анализе материалов Саразма (Верхний Зарафшан) позволяют сделать некоторые выводы о том, что некоторые предметы материальной культуры (пластинчатая часть каменной индустрии, керамики, зернотерки) находят близкие соответствия в артефактах энеолитических слоев Саразма (Исхаков, 1991). Нам представляется, что недалек то время,

когда будет найден ключ к решению проблемы автохтонного развития саразмской культуры.

В значительной мере своеобразие облика индустрии центральноферганской культуры придают черты не характерные для равнинного мезолита-неолита Средней Азии, но распространенные в материалах памятников горных районов, проявляющиеся в технике скалывания - характерность нуклеусов с торцовым скалыванием, цилиндрических, подкарандашевидных, в отделке микропластин ретушью преимущественно с брышка (Коробкова, 1969, с.140), наличии острий с притупленным краем, долотовидных изделий. Эти черты, как утверждает У.Исламов, несомненно объясняются формированием центральноферганской культуры на основе обиширской. Проблема судеб центральноферганской культуры также сложна, так как в этом районе отсутствуют хорошо выделяемые поздненеолитические материалы (Исламов, Тимофеев, 1986).

Значительные трудности возникают при выяснении судеб неолитического населения Средней Азии. Бесспорно, известно лишь, что на основе неолитического Джейтуна складываются в Южном Туркменистане замечательные культуры энеолита и бронзового века (Массон, 1966, с.92). На остальных территориях о генетической связи позднего неолита с культурами эпохи металла можно говорить лишь предположительно.

Поздний этап неолитических культур на территории Узбекистана известен плохо. Имеющиеся данные для культур кельтеминарской общности показывают, что в это время происходят заметные изменения в характере расселения. Исчезают крупные долговременные поселки, подавляющее число известных сейчас памятников, это небольшие, вероятно недолговременные стоянки. Датировка их второй половиной III (или концом III-

началом II) тыс. до нашей эры в значительной мере условна. Очевидно, что эти явления не случайны, они связаны, скорее всего, с началом нового этапа юридизации климата.

Новый хорошо изученный этап освоения рассматриваемых территорий относится к развитому бронзовому веку, начало которого здесь датируется в основном серединой II тыс. до нашей эры. Ни в одном из районов ни хронологически, ни генетически эти культуры бесспорно с неолитом не стыкуются. Неоднократные попытки, и для горного неолита, и для неолита равнин, проследить генетическую связь с культурами развитой бронзы не были успешными, в основном из-за малодостоверности промежуточных звеньев. Период с конца III до середины II тыс. до нашей эры для большей части Средней Азии является пока По-существу «темным веком».

В некоторых районах Кызылкумов известны материалы, которые отчасти заполняют эту хронологическую лауну. В низовьях Амударьи исследователями к первой половине II тыс. до нашей эры (Толстов, Итина, 1960; Итина, 1977, с.39-44). Камышлинский комплекс, представленный, правда, только подъемным материалом, представляет собой своеобразное сочетание керамики, имеющее по ряду признаков аналогии в мире южных раннеземледельческих культур и каменного инвентаря – пластинчатой индустрии, но со значительным количеством двусторонне обработанных наконечников стрел. Близкие связи позднекельтеминарских и раннесуяржанских (камышлинских) материалов и в керамике, и в кремневом инвентаре, признаются многими исследователями (Гулямов, 1957, с.51-54; Виноградов, 1968, с.172-177; Итина, 1977, с.40, 41), но даже если допустить, а это весьма вероятно, родственную, генетическую связь между ним, это проблемы в целом не решает. Известные сейчас

камышлинские материалы крайне незначительны и, к тому же, узко локализованы в южной части Северной Акчадарьинской дельты.

В ряде районов внутренних Кызылкумов известны коллекции, которые предположительно относятся к периоду ранней бронзы и условно датируются первой половиной II тыс. до нашей эры (Виноградов, Мамедов, 1975, с.225-228). Здесь, к сожалению, также не найдено ни одного стратифицированного комплекса, в связи с чем кремневые находки, собранные на ряде разветвленных стоянок не могут быть бесспорно связаны с очень выразительной керамикой. Последняя же, ни по форме сосудов, ни по их орнаментике не может быть связана с известной сейчас позднекельтеминарской керамикой. Таким образом, если верна предполагаемая дата этих материалов, то они отчасти заполняют вакуум, но не решают проблему судеб кельтеминарских культур Кызылкумов.

Третий район, интересный в этом аспекте, это староречье Зеравшана. Здесь еще тридцать лет назад была открыта и датирована ранней бронзой (первая половина II до нашей эры) очень своеобразная заманбабинская культура. Многие исследователи были склонны считать, что в основе заманбабинской культуры лежат два компонента – местный, кельтеминарский и южный раннеземледельческий (Кузымина, 1958, с.33; Виноградов, 1960, с.80-81; Гулямов, Исламов, Аскарлов, 1966, с.166-170; Массон, 1966, с.210-213). Речь, таким образом, шла еще об одном конкретном случае решения рассматриваемой проблемы. Однако позже культура Заман-Бабы была некоторыми исследователями сильно омоложена, отнесена ко второй четверти и даже к концу II тыс. до нашей эры (Сарианиди, 1979; Аскарлов, 1981). Эта передатировка не является бесспорной, однако, тем не менее, пока вопрос остается открытым.

Какими бы скудными не были рассмотренные выше данные, это вовсе не означает исчезновения, массового передвижения на новые территории или каких-либо других аналогичного типа общих процессов. Несомненно, в будущем будут получены новые данные показывающие трансформацию, в условиях наступающего ксеротерма, поздненеолитических общин, переход их в этих условиях к новому образу жизни, к новой, производящей системе хозяйства.

Контрольные вопросы

1. Изложите специфические особенности культурные связи неолитических племен на территорию Средней Азии.
2. Изложите специфические особенности происхождения и судьбы неолитических культур на территорию Средней Азии.
3. Изложите культурные связи джейтунцев с неолитическими племенами Ближнего Востока
4. Изложите культурные связи джейтунцев с кельтеминарскими неолитическими племенами.
5. Изложите культурные связи между сазаганскими и кельтеминарскими неолитическими племенами .
6. Изложите происхождение и судьбы Сазаганской культуры.
7. Изложите происхождение и судьбы Гиссарской культуры.
8. Изложите происхождение и судьбы Центрально-ферганской культуры
9. Изложите происхождение и судьбы Устюртской культуры
10. Изложите происхождение и судьбы Джейтунской культуры

Использованные литературы

Аскарлов А.А. К пере датировке культуры Заман-баба. – В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1981.

Бижанов Е.Б. Каменный век Устюрта. Автореф. на соискание д.и.н. – Нукус, 1996.

Виноградов А.В. Новые материалы по периодизации и хронологии неолита кызылкумов. – В кн.: Культура и искусство Древнего Хорезма. – М.: Наука, 1980.

Виноградов А.В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – ТХЭ, т XIII. – М.: Наука, 1981.

Гулямов Я.Г., Исламов У., Аскарлов А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1966.

Джуракулов М.Д., Холюшкин Ю.П. Предварительные результаты статического подсчета и характер развития неолитической индустрии Сазаган-1. – В кн.: Материалы по истории Узбекистана (археология, древняя история, этнография). Труды СамГУ, Новая серия, вып. 307. – Самарканд, 1976.

Джуракулов М.Д., Холматов Н.У. Мезолит и неолит Среднего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 1991.

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент: Фан, 1980.

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: Фан, 1986.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. – М.: Наука, 1986.

Исхаков А. Саразм. – М.: Наука, 1991.

Марков Г.Е. Грот Дам-Дам чешме 2 в Восточном Прикаспии. – СА, №2, 1966.

Массон В.М. Джейтунская культура. ТЮТАКЭ, т.х, 1960.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. – В кн.: Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1982.

Ранов В.А. Гиссарская культура – неолит горных областей Средней Азии. // Каменный век Северной, Средней и Восточной Азии. – Новосибирск, 1985;

Ранов В.А. Неолит (гиссарская культура). История Таджикского народа. Том 1. – Душанбе, 1998. – С.105-123.

Холматов Н.У. Неолитическая стоянка Джангал 1 (новые данные о культурных контактах населения равнин и предгорья). Тезисы докладов научной конференции, посвященной 50-летию открытия Тешик-Таша. – Ташкент, 1988.

Холматов Н.У. Мезолит низовьев Зарафшана. ИМКУ, №30, 2000.

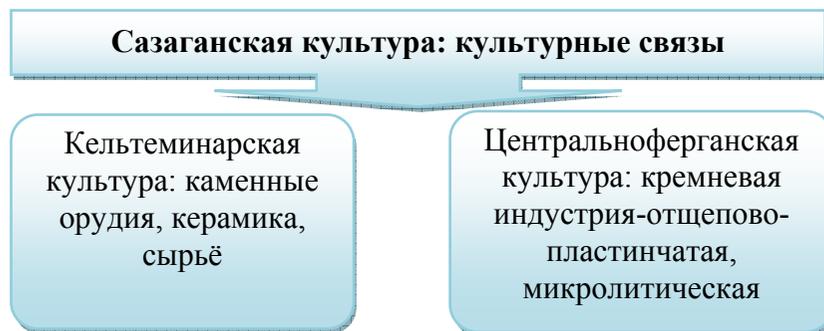
Холматов Н.У. К хронологии келтаминарских материалов староречий Зарафшана. ИМКУ, Вып.4. – Самарканд, 2004.

Холматов Н.У. Мезолит и неолит Нижнего Зарафшана. – Ташкент: Фан, 2007. – С.204.

Холматов Н.У. Ўзбекистон неолит даври жамоалари моддий маданияти. – Тошкент: Фан, 2008.

Холюшкина В.А., Холюшкин Ю.П. К вопросу о характере развития мезолитической индустрии Сазаган 1. Сибирь в древности. – Новосибирск, 1979.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Тема №1. Средняя Азия в неолитическое время	5
Палеогеография и освоение территории Средней Азии в неолитическую эпоху.....	6
История изучения и основные археологические культуры неолитического времени на территории Средней Азии.....	15
Тема №2. Джейтунская культура	23
История изучения Джейтунской культуры.....	24
Основные памятники Джейтунской культуры.....	25
Специфические особенности Джейтунской культуры.....	26
Тема №3. Гиссарская культура	30
История изучения Гиссарской культуры.....	31
Основные памятники Гиссарской культуры.....	33
Специфические особенности Гиссарской культуры.....	35
Тема №4. Кельтеминарская историко-культурная общность	43
История изучения и этапы развития Кельтеминарской культуры.....	44
Локальные культурные варианты Кельтеминарской культуры.....	51
А) Низовья Зарафшана.....	51
Б) Низовья Амударьи. Акчадарьинская дельта.....	56
В) Лявлякан (Внутренние Кызылкумы).....	59
Тема №5. Сазаганская и Центральноферганская культура. Неолит Устюрта	66
Сазаганская культура и её специфические особенности.....	67
Центральноферганская культура и её специфические особенности.....	89
Устюртская неолитическая культура и её специфические особенности.....	94

Тема №6. Хозяйство и духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии.....	104
Специфические особенности хозяйства неолитических племен Средней Азии.....	105
Духовная культура (образ жизни, элементы социального устройства, идеологические представления) неолитических племен Средней Азии....	120
Тема №7. Культурные связи, происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии.....	143
Культурные связи неолитических культур на территории Средней Азии.....	144
Происхождение и судьбы неолитических культур на территории Средней Азии.....	147

Холматов Нормахаммад Уразович

НЕОЛИТ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Методическое пособие

Редакторы *Г.Холмирзаева, Э.Маматова*
 Корректор *М.М.Рузибоев*
 Тех.редактор *О.Б.Маматкулов*

ISBN 978-9943-4195-7-5

Приказ №69 от 19.06.2008 г.

Принято к изданию 25.02.2014 г.

Подписано в печать 11.03.2014 г.

Формат печати А3 1/8. Гарнитура Times.

Бумага офисная, формат А3.

Условно-печ.лист. – 10,0. Изд. печ. лист.– 6,25.

Тираж 30. Заказ №208.

Отпечатано в типографии СамГУ.
 г. Самарканд, Университетский бульвар, 15.

